

Ю.И. Чернов

ФОРМУЛА МОЕЙ ЖИЗНИ АВТОБИОГРАФИЯ

“Книга Ю.И. Чернова, безусловно, заслуживает издания как интересная и содержательная попытка отразить и понять время, предпринятая не журналистом или писателем, а именно биологом. Высочайшая репутация ученого и человека делает эти размышления важными и интересными для самого широкого круга читателей”

Н.А. Кузнецова
проф. кафедры зоологии и экологии МПГУ, Москва

“Эта книга будет не только важной и интересной для всех знавших Юрия Ивановича, но и послужит документом-свидетельством эпохи, во время которой проходило “становление ума и характера” этого замечательного человека”

Из аннотации

ISBN 978-5-9906071-0-1

Ю.И. Чернов. ФОРМУЛА МОЕЙ ЖИЗНИ. АВТОБИОГРАФИЯ

Москва 2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Отделение биологических наук
Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова
Научный совет по проблемам экологии биологических систем

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ ЧЕРНОВ

ФОРМУЛА МОЕЙ ЖИЗНИ

автобиография

Товарищество научных изданий КМК
Москва 2014

Чернов Ю.И. Формула моей жизни. Автобиография. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014. 205 с.

Издание знакомит читателя с размышлениями академика Юрия Ивановича Чернова о жизни довоенной деревни средней полосы России, о роли сельской интеллигенции, об отношении государства к образованию и науке в разных исторических ситуациях. Ведущий ученый-эколог нашей страны, Ю.И. Чернов рассуждает об очень важных для каждого и совсем ненаучных проблемах, таких, как выбор молодым человеком своего пути в жизни, значение семьи для развития личности, роль искусства в воспитании молодежи. Эти такие общедоступные, но далекие от тривиальных высказывания дополнены воспоминаниями его близких (родных, друзей и коллег), циклом писем Ю.И. Чернова к внуку, библиографическим списком его важнейших работ и другими материалами. Эта книга будет не только важной и интересной для всех знавших Юрия Ивановича, но и послужит документом-свидетельством эпохи, во время которой проходило «становление ума и характера» этого замечательного человека.

Ответственный редактор
член-корр. РАН В.В. Рожнов

Редакторы
д.б.н. Н.В. Матвеева, к.б.н. О.Л. Макарова, член-корр. РАН И.Ю. Чернов

Рецензенты:
член-корр. РАН Б.Р. Стриганова, д.б.н. Н.А. Кузнецова

Предисловие

«От факта – к явлению, от явления – к закономерности»*

В любой области, а тем более, в биологии, можно различать узких специалистов, безусловных профессионалов в своей области, и других, отличающихся умением видеть за частными фактами и событиями общие явления и закономерности. Таких ученых всегда мало, и они всегда видны, и эти их замечательные свойства проявляются порой очень рано и сразу заметны окружающим. К числу таких ученых, несомненно, принадлежит Юрий Иванович Чернов. Как возникают такие люди, что определяет их формирование – семья, условия детства, знаковые события и встречи? Где корни особенной восприимчивости и любознательности, постоянного интереса к жизни и желания учиться? Вряд ли имеет смысл пытаться ответить на такие вопросы, мы просто хотели воздать долг удивительному человеку, повлиявшему на мировоззрение многих из нас, создавшему свой неповторимый стиль научного мышления, сочетающего широту анализа с необыкновенным уважением к деталям и фактам, заинтересованное внимание к работе других исследователей и деликатную принципиальность к оппонентам. Деревенское детство с рыбалкой и охотой, наблюдения за животными и растениями (к окончанию школы знал всех рыб и птиц средней полосы), особая роль учительства на селе (родители и многие родственники были учителями), любовь к чтению (несмотря на плохую успеваемость до 7-го класса), конечно, сформировали очень важную основу. А потом были Встречи и сотрудничество с Учителями, среди которых В.Ф. Натали, А.П. Кузякин, Е.П. Спангенберг, А.А. Штакельберг, читальные залы библиотек, «увлечение старой литературой» (слова Юрия Ивановича), полевые исследования в самых разных природных зонах в различных частях Света. Наверное, все перечисленное и обусловило это тонкое понимание контекста, поступательности и преемственности в науке, масштабность и изящество аналитического аппарата, так хорошо знакомые многим из нас.

* Вступительная статья к сборнику «Виды и сообщества в экстремальных условиях» (ред. А.Б. Бабенко, Н.В. Матвеева, О.Л. Макарова, С.И. Головач, КМК & Pensoft, Москва-София. 494 с.) с добавлениями.

В студенческие годы Юрий Иванович, несмотря на особую любовь к птицам, начал изучать интересную группу двукрылых насекомых – мух-журчалок (*Syrphidae*). Им, который любил говорить про себя «Я – не специалист, а дилетант», были определены сотни видов этих насекомых, собранных в одной Московской области (в зоне «досягаемости электричками»), изучены их пространственное распределение и биологические особенности. Первые экспедиции Юрия Ивановича были арктическими (Вайгач, Югорский полуостров, Ямал, Таймыр, побережье Анабарской губы), в разные годы совместными с замечательными орнитологами С.М. Успенским, А.В. Кречмаром, В.В. Леоновичем. И это не только определило его научную судьбу и очарованность Арктикой на долгие годы. Возможно, именно относительная, во многом кажущаяся, простота организации арктических сообществ сразу обусловила интерес Юрия Ивановича к широкому кругу явлений, среди которых количественные соотношения элементов животного населения почв, синантропные группировки животных, взаимоотношение беспозвоночных и птиц, беспозвоночных и рыб, насекомых и цветков. Показательно в этом отношении «широкое», совсем не профилированное, название его кандидатской диссертации «Наземные беспозвоночные мезофауны в биоценозах тундровой зоны» (1962). М.С. Гиляров – официальный оппонент – согласился дать заключение только по одной главе, посвященной почвенным беспозвоночным, отразив в своем отзыве ее полное соответствие требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям. Однако на защиту были вынесены результаты исследований всего комплекса взаимодействий. Именно эту притягательность «концептуального мышления» ощущают на себе все ученики Юрия Ивановича.

Написанное Юрием Ивановичем, помимо большой фактологической и идейной ценности, имеет огромное значение для «упорядочивания» экологических и биогеографических представлений уже двух поколений ученых. Развитие Юрием Ивановичем концепций природной зональности, локальной фауны, строгое разграничение фауногенетических и зонально-климатических факторов при анализе самых разных явлений нашли отражение в его первой монографии «Природная зональность и животный мир суши» (1975), ставшей идейной основой отечественной школы геоэкологии и неформальным учебником по зоогеографии. Его программные статьи «Флора и фауна, растительность и животное население» (1984) и «Эволюционная экология – сущность и перспективы» (1996), по сути, содержат понятийный аппарат современных синэкологических исследований.

В своих первых экспедициях Юрий Иванович работал, в первую очередь, как энтомолог. Но широкая общезоологическая эрудиция, долгие годы преподавания зоологии и дарвинизма на кафедре зоологии Московского областного педагогического института (1962–1972), аналитические работы на материале самых разных групп животных сделали его зоологом в классическом смысле этого понятия. И не удивительно, что в последнем, еще продолжающемся, издании Большой Российской энциклопедии крупные разделы «Животный мир» и «Животный мир России» было предложено писать именно ему, «не специалисту». Многие годы его жизнь связана с «Зоологическим журналом», ведущим зоологическим изданием страны, сначала в качестве ответственного секретаря (1968), потом заместителя главного редактора, а с 1995 г. Юрий Иванович возглавлял журнал. Только сотрудники его лаборатории знают, сколько времени, помимо заседаний редколлегии и редактирования статей, он уделял и непосредственно авторам, которые приходили посоветоваться, обсудить свои работы, как уважительно и внимательно он беседовал с исследователями любого научного уровня. Сочетание принципиальности с необыкновенной деликатностью и доброжелательностью можно было наблюдать на любом заседании Специализированного защитного Совета Института проблем экологии и эволюции РАН, председателем которого он являлся.

Увлечение Арктикой и широкий научный кругозор Юрия Ивановича не остались незамеченными и в ботанических кругах. Именно его, в качестве зоолога, пригласил принять участие в комплексных исследованиях на стационаре «Тарей» известный ботаник, «патриарх» Арктики профессор Б.А. Тихомиров. Этот стационар был организован как опорный пункт по Международной биологической программе (МБП). Студенты и аспиранты из Московского областного педагогического института, где в те времена преподавал Ю.И. Чернов, были постоянными участниками экспедиций. В течение 5 полевых сезонов (1966–1971) под руководством Юрия Ивановича и при его непосредственном участии на стационаре был выполнен огромный объем геоэкологических работ. Уже тогда была очевидна широчайшая эрудиция Юрия Ивановича во многих вопросах арктической биологии и экологии, и не только в отношении зоологических объектов. Коллег-ботаников поражали не просто его знание арктических растений, но и осведомленность во многих сложных и спорных вопросах ботанической географии и геоботаники. Во время работы на стационаре, где был собран уникальный коллектив специалистов с очень разнообразными интересами (ботаники, зоологи, микробиологи, климатологи, почвоведы), проявил-

ся как формальный, так и неформальный талант Юрия Ивановича как руководителя. Формальный – потому что он действительно был руководителем студенческих и аспирантских работ, а также начальником стационара, неформальный – потому что он был инициатором (зачинщиком!) многочисленных научных дискуссий, которые возникали как бы спонтанно, если в беседе принимал участие Юрий Иванович. И только так к нему, тогда очень молодому человеку, обращались на стационаре буквально все, разве что Б.А. Тихомиров на правах старшего звал его по имени. Результаты работы на стационаре «Тарей» были опубликованы в 4 сборниках в рамках всесоюзной серии изданий по МБП, в десятках статей и стали основой докторской диссертации и второй монографии Ю.И. Чернова – «Структура животного населения Субарктики» (1978).

Интенсивная работа на стационаре «Тарей» продолжалась с 1965 по 1971 г., хотя последним годом его существования можно считать 1975 г. Но, начиная с 1972 г., комплексные исследования были продолжены в разных районах Таймыра. Идея анализа широтно-зональных факторов среды в организации живого покрова Заполярья объединила небольшой коллектив биологов разных специальностей, сложившийся за годы совместной работы на стационаре. Этот замысел принадлежал Ю.И. Чернову, который почти треть века был настоящим научным руководителем и душой этого коллектива. В почти неизменном составе группа единомышленников изучала на разных объектах проявление зональности в Арктике. Исследования проводили в течение 1–3 лет во всех подзонах тундр от арктических (1972–1973, 1978–1979, 1988, 1990), северной полосы типичных (1980–1986) до южных (1975–1977), а также в зоне полярных пустынь (1974) на мысе Челюскин – самой северной оконечности не только Таймыра, но и Евразии. Результаты этих исследований отражены в сборниках, монографиях и многочисленных статьях. А полуостров Таймыр, с его наиболее полным и четким спектром зональных категорий, стал признанной модельной территорией, «арктическим стандартом» для исследователей Севера.

Короткое арктическое лето не только интенсифицирует все природные процессы, но и исследователей заставляет очень напряженно работать. И в этом Юрий Иванович был недостижим – и в дневное и в ночное время он проводил энтомологические учеты, ставил, снимал, сушил пробы почвенных беспозвоночных и т. д. Но справедливости ради, надо сказать, что рыбалке и охоте время все же находилось, чему участники экспедиций были всегда очень рады, потому что результаты и этой плодотворной деятельности Юрия Ивановича вносили ощутимое разнообразие в скудный полевой рацион.

Все, кто работал в Российской Арктике во второй половине прошлого века, знают, как непросто бывало попасть в труднодоступный район даже авиатранспортом, когда многие дни, а иногда и недели, приходилось проводить в ожидании вертолета или самолета. В обстановке абсолютной неопределенности и полной готовности к вылету кто-то томился, кто-то читал или гулял вокруг здания аэропорта. А те, кому посчастливилось добираться в поле вместе с Юрием Ивановичем, могут вспомнить крошечное помещение на мысе Косистом, многодневное ожидание вертолета, чтобы лететь в Бухту Марии Прончищевой, и Юрия Ивановича, который, пристроив небольшую портативную пишущую машинку на печке, увлеченно печатает рукопись. Впоследствии она превратится в книгу «Жизнь тундры» (1980). Эта книга будет опубликована и на английском языке под названием «The Living Tundra» (1985) в Кембридже, выдержит 2-е издание и почти на 20 лет станет единственным пособием по тундроведению в мире.

В конце 70-х годов Ю.И. Чернов вместе с геоботаником Н.В. Матвеевой (в течение многих лет – его коллега по полевым исследованиям и соавтор целого ряда статей) получили приглашение написать раздел для тома «Polar and Alpine Tundra» в многотомном издании «Экосистемы мира» («Ecosystems of the World»). И после нескольких лет интенсивного труда появилась большая работа (по сути монография) «Arctic ecosystems in Russia» по материалам более чем 30-летних исследований авторов и их коллег в Российской Арктике.

В 1988 г. в Ленинграде состоялась крупная международная конференция по исследованиям в Арктике, одним из основных организаторов которой был Ю.И. Чернов. После этого последовали приглашения в состав международных арктических экспедиций (острова Девон и Элсмир в Канадском арктическом архипелаге в 1989 и 1991 гг.) и совещаний (в США, Финляндии, Норвегии, Японии), а также предложения участвовать в различных зарубежных изданиях. Все это – несомненное международное признание Ю.И. Чернова ведущим экспертом по экологии Арктики.

Можно только восхищаться тем, что Юрий Иванович нашел в себе силы в последние годы жизни попытаться описать ее в виде автобиографии, несмотря на долгую и серьезную болезнь. Он не успел полностью закончить эту рукопись, она частично дополнена нами, но это не более чем чисто редакторская правка и малозначимые вставки. Как всем людям его поколения, ему пришлось пережить разные эпохи в развитии нашего государства, а значит, и науки. Поэтому его «автобиография» логически состоит из трех частей: военное деревенское детство, «золотой век» отечественной

науки 60–70 гг. и крайне неоднозначный, уродливый период после «перестройки». Очень многие в таких ситуациях теряются. Но прочитайте автобиографию Юрия Ивановича Чернова, и Вы увидите, что такое настоящий ученый, настоящая наука, и «как надо...» и «что делать...», несмотря ни на что...

Н.В. Матвеева, О.Л. Макарова, И.Ю. Чернов

Ю.И. Чернов

Автобиография

Я, Юрий Иванович Чернов, родился в 1934 г. в селе Троицкое-Лобаново Ступинского района Московской области в семье сельского учителя. Из этого села происходят мои предки по линии матери и отца. После рождения жил с родителями в селе Большое Алексеевское того же района.

Отец, Иван Терентьевич Чернов, учитель, директор средней школы, не был призван в армию по болезни и умер в 1943 г. от язвы желудка в возрасте 43 лет. Мать, Мария Дмитриевна Чернова (Шибряева) – библиотекарь, окончила специальные библиотечные курсы в Москве (в 20–40 годы система таких курсов по разным специальностям была очень развита, и о весьма высоком уровне подготовки на них я могу судить по интеллекту моей мамы, дочери крестьян). Мама умерла в 1972 г. в возрасте 70 лет.

Многие ближайшие родственники – из сельских служащих (в основном – учителей). Дед, Терентий Николаевич Чернов – учитель церковно-приходской школы в селе Троицкое-Лобаново. Бабушка по отцу, Татьяна Изотьевна, – домохозяйка. Одна из теток, сестра отца, Таисия Терентьевна, была моей учительницей с первого класса. Из теток по материнской линии две учительствовали в подмосковных Бронницах и Раменском. Другой дед, Дмитрий Николаевич Шибряев, крестьянин, житель села Троицкого-Лобанова, освоил мукомольное дело, стал «крупчатником», выезжал на заработки, нанимался на мельницы, иногда на длительный срок, вместе с супругой. И моя мама родилась в один из таких отъездов в Бузулукском уезде, а потом ездила с отцом и матерью в разные районы и города, даже в Ташкент. Бабушка по матери, Анисья, крестьянка, занималась домашним хозяйством (огород, сад, корова, овцы и др.). Дом родителей мамы был настоящий крестьянский, под соломенной крышей с традиционной огромной русской печью.

В многодетных семьях отца и матери было по 11 и 9 детей, чей юный возраст пришелся на времена Первой мировой и Гражданс-

кой войн и последующих послереволюционных событий, которые разбросали обе семьи по всей стране. О большинстве моих дядюшек у меня нет точных сведений.

Двое братьев мамы, Николай и Филипп, активные участники гражданской войны, служили в Красной Армии. Оба воевали на юге страны, в том числе в Средней Азии. Филипп дослужился до звания командира дивизии. После окончания войны оба брата демобилизовались и стали работать в сфере мукомольной промышленности, т. е. продолжали дело своего отца. Особенно энергичным и успешным был Филипп Дмитриевич (дядя Филя), который в последующем, еще до Великой Отечественной войны, занял пост директора крупнейшего в Москве мукомольного комбината им. А.Д. Цюрупы. Его брат Николай Дмитриевич (дядя Коля) на этом же комбинате стал начальником цеха.

Бабушка по отцу Татьяна Изотьевна, дожила до преклонного возраста (около 90 лет), похоронила 10 сыновей, в т. ч. погибших на Первой мировой и Гражданской войнах. В конце жизни бабушка жила с единственной дочерью Таисией Терентьевной Черновой и ее мужем Алексеем Ивановичем Быковым, профессиональным военным, прослужившим в армии всю Великую Отечественную войну, после которой он был офицером политической службы в звании подполковника. У них были две дочери, Лариса и Лидия, и сын Алексей. Семья жила в разных городах (Владивосток, Таллин, Балтийск), куда время от времени переводили дядю Лешу, т. е. Алексея Ивановича. После его выхода на пенсию они переехали в Москву, где им дали двухкомнатную квартиру. Это – единственная семья родственников, с которой мы поддерживали постоянную связь вплоть до кончин дяди Леша и тети Таи. Контакты с моим двоюродным братом Алексеем, живущим в Москве, продолжались, но эпизодически, как из-за нашей с моей женой Ниной занятости научной работой и преподаванием, так и по причине своеобразного характера Алексея, который сумел рассориться с сестрами, оставшимися жить во Владивостоке. Они обе вышли замуж, имели детей, но с единственной дочерью Ларисы случилась трагедия, она умерла от рака еще совсем молодой, только приступив к интересной работе в Институте биологии моря ДВО АН СССР. Алексей окончил факультет психологии Московского государственного университета (МГУ), работал по специальности в разных учреждениях, женился уже дважды.

С родственниками по маминой линии мы активно общались до войны и в период войны. Дяди, тетки, двоюродные братья и сестры постоянно приезжали в их родное село Троицкое-Лобаново и к нам, в Большое Алексеевское. Такие поездки, несмотря на их дли-

тельность и транспортные проблемы (1–3 раза в день ходили местные поезда на паровозной тяге) в те времена были обычны. На поезде ехали до станции Барыбино, от которой регулярный транспорт уже не ходил. Помню такую картину. Я в огороде и вижу группу шагающих по меже людей, всю семью дяди Коли. Без всякого предупреждения они приехали к нам погостить, преодолев расстояние от Москвы на поезде, попутных машинах, пешком.

Мое детство, самая его памятная часть, примерно до 14 лет, прошло в селе Большое Алексеевское в юго-восточной части Московской области и запомнилось как идеальное, с сохранившимися на всю жизнь впечатлениями, подобными тем, которые описаны в таких книгах, как «Детство Никиты» А. Толстого, «Открытие мира» В. Смирнова и др. И это несмотря на то, что в этот период жизни (война, смерть отца, тяжелая доля матери, почти голод) у нас не было своего дома. После смерти отца нам пришлось освободить директорскую квартиру и жить в чужих домах (что оплачивал районный отдел народного образования), сначала несколько лет в свободных домах, а потом у одиноких бабушек. В течение 6 лет по разным причинам мы сменили три дома.

Но в моей памяти этот период сохранился, как самая счастливая часть жизни, насыщенная сильными впечатлениями, поучительными жизненными примерами, увлечениями, играми, которым я уделял гораздо больше времени, чем учебе. Более того, мое пристрастие к улице, гулянкам, играм и мои детские увлечения (рыбалкой, лесными вояжами, подробнее я скажу о них ниже) были явно чрезмерными, проказы выходили за всякие нормы, подчас граничили с хулиганством. Это сказывалось на учении. До 7 класса я учился плохо, вернее крайне неровно по разным предметам, «5» и «4» чередовались с «2» и «1» (в те времена – «отлично», «хорошо», «посредственно» и т. д.). На фоне такого отношения к обязательным занятиям я был очень отзывчив на всякого рода мероприятия, такие как кружки, экскурсии, например, на свиноферму или в расположенный по соседству образцовый детский дом, в котором директорствовал сын А. Макаренко, автора «Педагогической поэмы». Очень любил спортивные соревнования, сбор живности для занятий по биологии, например, задание – наловить зимой окуней для вскрытия на уроках биологии. Когда, учительница по биологии решила посадить около школы плодовый сад, я оказался ее единственным помощником в этом нелегком деле. Практически вдвоем мы посадили около 30 яблонь, и спустя многие годы я видел этот уже 25-летний обильно плодоносящий сад. Запомнилось еще одно мероприятие, для участия в котором у меня не было никаких других оснований кроме «стадного чувства» (позднее, в студенческое вре-

мя, мне не раз говорили, что оно у меня крайне обострено). Мы, ученики 6–7 классов, решили поставить на сцене нашего деревенского клуба пьесу «Сказка о правде» (о Зое Космодемьянской). Я играл роль командира партизанского отряда. Меня, с моим шепелявым выговором, почти не было слышно, но в руках у меня было настоящее ружье, берданка, и я самозабвенно участвовал в репетициях, уговаривал ребят не бросать это дело, и мы все-таки довели его до конца и дали два представления, правда, с почти полупустым залом.

С благоговением вспоминаю свою школу, в одном из крыльев которой жила наша семья. К квартире, специально предназначенной для директора, которым был мой отец, примыкал его кабинет. Время постройки школы – примерно 20-е годы. Это было одноэтажное здание в форме буквы «Г» с просторными классами, длинным коридором с большими окнами по бокам; стены – из обшуганных изнутри и обшитых снаружи тесом массивных бревен. Для того времени – вполне современное здание. Просторные коридоры позволяли нам в перемены вволю «двигаться», проказничать, ухитряться отыграть несколько конов различных подвижных игр. Долгими зимними вечерами я с наслаждением проходил через папин кабинет в коридоры и смотрел на топящиеся изразцовые печи-голландки, за которыми следил дядя Гриша, дворник. В заготовке дров участвовали старшие школьники в порядке дежурства (распиливание двухметровых стволов и последующая их колка специальными «колунами»). Часто мы присаживались у печи, и, под мерцание пламени за заслонкой, он долго рассказывал нам о прошлом, о революции, гражданской войне, но в основном – о лошадях, окружающих лесах, о речке Северке, ловле рыбы. Меня эти рассказы крайне интересовали, особенно о зверях и птицах, водившихся в округе. Наша школа сначала была десятилетней, и сестра Зоя успела ее окончить, а потом – семилетней, и мне пришлось в восьмой класс еженедельно ходить в районное село Малино. Но в тот год мы с мамой переехали в подмосковный город Калининград, где уже жила Зоя, которая должна была родить, и мама, не доработав до пенсии, бросила работу и уехала помогать дочери растить внука.

В деревне у нас не осталось родственников, и после отъезда в 1949 г. мама впервые съездила туда в начале 60-х годов. Забавный эпизод был в ее беседе с моей любимой учительницей литературы Лидией Александровной Соколовой, которая внимательно слушала о нашей жизни, о столь перспективной профессии и успешной работе моей сестры Зои. А когда мама заговорила обо мне, о том, что я закончил аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию, всплеснула руками: «Мария Дмитриевна! У меня от души отлегло,

я все слушаю, а про Юрку боюсь спросить, все думаю, как он там, не попал ли в компанию какую-нибудь, уж больно лихой он у тебя» (в смысле – не угодил ли в колонию). А маме действительно был смысл рассказывать о Зое, с которой она жила до конца жизни, ухаживая за внуком Владимиром.

Моя сестра Зоя, окончив в 1943 г. нашу рядовую сельскую школу, поехала поступать в МГУ на труднейший и престижнейший механико-математический факультет, с максимальным конкурсом, и поступила, с отличием его окончила и избрала специальностью баллистику. По распределению ее направили на завод, руководимый С.П. Королевым, в его центральное «Особое конструкторское бюро» в городе Калининград (теперь Королев). Всю свою служебную жизнь она занималась расчетами траекторий запускаемых ракет, в том числе на первых счетных машинах, которые в те времена располагались в нескольких комнатах каждая. Зоя была глубоко предана своему делу, коллективу, очень общительна, занималась спортом, волейболом. В нашу единственную комнату, которую ей выделили в коммунальной квартире при поступлении на работу, постоянно приходили гости, устраивали чаепития и пирушки по праздникам и в дни рождения.

Однако вернусь к последовательному изложению и в деревню. Вот еще некоторые картинки той, в общем, непростой, деревенской жизни. Мне 7–8 лет. Зима. Идем с мамой на реку с огромной корзиной мокрого белья (после стирки дома в корыте с мылом или в «щелоче» – настое золы) для полоскания в проруби, за время которого мама несколько раз отогревала между колен застывшие и нестерпимо болевшие руки. Еще эпизод. Едем в лес на колхозной лошади, которую на несколько часов выдал председатель, за дровами. Погрузили длинные поленья на телегу, а она застряла между деревьями, зацепилась осью, а мы долго мучаемся, мама плачет, не догадываемся подать назад, чтобы лошадь попятилась, и ось освободилась от дерева.

А вот наши ребячьи забавы. Разносится весть, что дядя Лева, совхозный конюх, понес ведро с яйцами кормить Ледка. Это наш знаменитый жеребец, производитель. Значит, сегодня будут крыть кобыл. Мы всей гурьбой собираемся за забором, глазеем, обсуждаем.

Деревня 30–40-х годов, несмотря на колоссальные послереволюционные разрушительные события, включая коллективизацию и раскулачивание (об этом я постоянно слышал скупые фразы, смысл которых был непонятен, например, «он из раскулаченных» или «они же раскулачены»), потом я понял, что люди хотели об этом забыть), все еще цепко сохраняла особенности быта, привычки традиционного русского села с огромным воспитывающим, формирующим

личность влиянием на подрастающую молодежь. Эти атрибуты русской деревенской жизни прекрасно описаны В. Беловым в замечательной книге «Лад». Это касалось и положения сельских интеллигентов, и отношений между соседями и детьми, и развлечений, празднеств, пафоса на первый взгляд простого, но очень содержательного, разностороннего, требующего вдумчивости и глубоких навыков деревенского труда, и отношения к мастерству, к умениям, к профессионализму. Типажи, характеры – главное, что осталось в моей памяти. И среди крестьян, и среди интеллигентов, в частности учителей, было много нестандартных личностей со своими взглядами на жизнь, убеждениями, оценками событий. Так, запомнился желчный, все знающий, постоянно читающий в библиотеке газеты и журналы дед Борзов (так его звали в деревне, имени не помню). Он открыто, не боясь доносов, критиковал нашу политику, военные провалы, Сталина.

Кстати, в нашей деревне часто можно было слышать выражение «сталинская корова», которое относилось к козам («Нюрка! Убери свою «сталинскую корову» из моего огорода!»). Дело в том, что из-за огромного налога на корову, точнее – на молоко, многие крестьяне, продав корову, стали держать коз. У нас корова была до конца войны, потом мы ее продали и тоже завели козу. Нам, как сельским служащим, т. е. интеллигенции, объем «молочного налога» был сокращен вдвое, но и этого было много. Не помню, сколько раз в неделю я носил на молокозавод ведро, наполненное до краев молоком (ведро было неудобным, широким, без крышки, оно же служило маме и подойником, с которым она ходила доить корову летом в полдень за 2–3 км, другой подходящей посуды не было). Некоторые колхозники, особенно многодетные, пытались сдавать налог не молоком, а самодельным маслом, от которого оставалась жидкая часть, так называемый обрат. Считалось, что это выгодно, обрат пили, как и молоко. Но при приемке молока учитывалась его жирность. Молоко сразу выливали в лактометр, и если его жирность была ниже установленного предела (кажется, около 3 %), то приходилось еще носить дополнительно «на жирность», которая у разных коров сильно различалась. В этом разорительном молочном налоге не принимались во внимание различия коров по общей удожности и жирности молока. А ведь коровы в личном хозяйстве были в основном беспородные, разнообразные по всем статьям. Для некоторых этот налог составлял очень большую часть всего годового удоя. У нашей Белянки жирность молока была почти максимальной, и нам не приходилось носить сверх нормы.

Местный молокозавод был внушительным предприятием, куда свозили молоко со многих окрестных деревень. Порядок на нем

был идеальный, при том, что работали без холодильников. Молокозавод стоял на берегу реки, на которой в конце зимы заготавливали лед. Его складывали в огромный «скирд», покрытый толстым слоем соломы. Льда хватало на весь теплый сезон. Мы постоянно бегали к нему, откалывали куски, сосали их или запихивали друг другу за шиворот.

После войны некоторые колхозники в нашей деревне стали восстанавливать сады, которые в округе почти все погибли после очень холодной зимы 40-го года. Но и это оказалось невыгодным и бессмысленным. На плодовые деревья установили налог. Не помню, какого он был размера, но помню такой эпизод. Раннее утро. Из избы выходит сосед, вернувшийся с войны, с топором в руках, подходит к двум или трем примерно двухгодовалым яблонькам и срывает их под корень. Других плодовых деревьев на его участке не было. Эта трагическая картина осталась во мне на всю жизнь.

Деревня тех лет еще полностью сохраняла исконный стиль оформления домов, вернее изб, эстетику простейшей сельской архитектуры. Деревни средней полосы России того периода, примерно до начала 60-х годов, были в основном «соломенные». Соломой крылись все дворовые пристройки и большая часть жилых частей дома. Лишь часть домов дореволюционных деревенских богатеев, наиболее успешных хозяев, имели жестяные крыши. Соломенные крыши были двух вариантов. Более сложные, сделанные умелыми мастерами по старой технологии, имели внушительный и красивый вид. Для них использовали тщательно отобранную ржаную солому (она гораздо длиннее и прочнее пшеничной). Ее пучки сплетали соломенными же жгутами в единый пласт, который прикрепляли к жердяной основе так, что нижние концы свисали длинными не промокающими рядами, с которых ручьем стекала дождевая вода. Концы двух верхних рядов образовывали ровный и прочный своего рода ежик. Обязательным атрибутом таких домов были застекленные «слуховые окна», которые очень органично и красиво вписывались в общий облик избы. Крыша выглядела внушительно, служила очень долго. В облике дома с таким покрытием и традиционным большим чердачным окном явно ощущалась исконная русская народная эстетика. Именно такую форму крыши я позже постарался воспроизвести на моей даче в садовом кооперативе «Раменский» рядом с Бронницами. В мое детство все подобные соломенные крыши были очень старыми, уже не осталось мастеров. Новые делали из любой соломы, в том числе из короткой и не столь прочной пшеничной, которую просто укладывали толстым слоем, выравнивали вилами и граблями и сверху укрепляли тонкими жердями. Такие крыши быстро разрушались, требовали постоянного ремонта.

Внутри дома самое главное – русская печь с лежанкой, на которой спали или просто отдыхали, грелись. Я пролеживал на ней много времени, читал, освещая страницы самодельным «моргасиком». Это – пузырек или банка с керосином или маслом и с фитилем из мягкой ткани, пропущенным в жестяную трубочку. Керосин был в большом дефиците. На печке я перечитал множество книг. До сих пор помню упоение, с которым читал «Смок Белью» Дж. Лондона.

Сейчас представляют те страшные годы как поголовную апатию, всеобщее непонимание того, что происходит, «веру» в официальную пропаганду, покорность. Хочется сказать, что об этом судят в основном по городской интеллигенции. Помню такую домашнюю сценку. Мне 5–6 лет. Сестра Зоя, которой 15–16 лет, стоя у окна, слушает радио и тоном, который привлек мое внимание, произносит, как мне запомнилось, такие слова: «Господи, когда же кончится эта проклятая ежовщина» (именно тогда появилось это слово).

Вот некоторые зарисовки впечатлений, сцен той жизни и наших ребячьих пристрастий. Помню, это был еще период войны. Над деревней очень низко пролетел легкий самолет, нам показалось, что он хочет садиться, ищет место посадки в поле. Все мы, деревенские ребяташки устремились гурьбой за ним. Перебежали поле, перешли вброд речку, намочившись по пояс, побежали дальше, самолет скрылся за лесом, а мы все бежим за ним. Уж не помню, когда остановились, долго лежали, «отдыхивались». Точно такая же история была с воздушным шаром, когда мы пробежали еще больше, пересекли большой лес, все казалось, что он вот-вот снизится, приземлится. Потом я неоднократно видел такие сцены, но только с приземлением самолетов, в различных фильмах (например, «Учитель»), их хорошо обыгрывали режиссеры для отражения настроения и психологии ребяташек того времени.

Когда я сейчас вспоминаю и оцениваю все это, мне приходит мысль о том, что за те тяжелейшие четверть века, от революции до войны, русская деревня, как уклад жизни, пострадала все же меньше, вернее сохранила больше своего, исконного, чем за страшный период «перестройки» и якобы «рыночных» реформ. Как раз сейчас, а не тогда, окончательно разрушается русская деревня, которая не только сохранялась, но в ряде случаев, особенно в 70-е годы, пыталась подняться, как в экономическом, так и в социально-культурном аспектах.

Именно за последние десятилетия полностью разрушено и все отечественное сельское хозяйство. Надо вспомнить, что существовали колхозы и совхозы. Последние были, по сути, государственными предприятиями (а колхозы – это выдуманные, не обоснованные в условиях России, экономически искусственные конгломерата-

ты). Наш совхоз с большой свинофермой был вполне успешным, его рабочие получали приличную зарплату, на которую могла жить семья, у которой имелся и приусадебный участок. Совхоз был организован на территории помещичьей усадьбы (помню даже фамилию помещика – Щепкин), ее поля и помещения использовались весьма эффективно. Кажется, это хозяйство процветает и в настоящее время. Несколько лет назад я видел телевизионную передачу о нем. Почему об особенностях совхозной формы сельского хозяйства, т. е. об организации сельского хозяйства в форме государственного предприятия, не упоминалось в «перестройку», почему под одну гребенку разрушено то и другое, колхозы и совхозы? Ведь элементарно разумнее было сохранить совхозы, а наиболее сильные колхозы превратить в совхозы, а уж потом думать об их приватизации, о том, кому отдавать землю и скот. Похоже, что орудовали нахрапистые проходимцы и стяжатели, не менее опасные для народа и страны, чем активисты коллективизации.

Теперь о деревенской школе. Учителя запомнились тем, что они были очень разные, со своими особенностями внешности, характера. Помню строгого во всем, всегда в костюме с галстуком, неразговорчивого учителя математики Александра Никандровича Соколова, и другого математика, суетливого, разговорчивого, увлекавшегося рисованием и изучением живописи, по открыткам он рассказывал нам о русских художниках. Из женщин – яркая подвижная красавица Лидия Александровна, учительница русского языка. Немного растрепанный, говорливый, читающий подряд все книги историк и т. д. Я их запомнил еще с дошкольного, при жизни отца, довоенного времени, когда все они бывали у нас в гостях, на чаепитиях.

Воспоминания о школьном периоде моей жизни, об окружающих меня людях, крестьянах, сельских учителях до сих пор порождают во мне ощущение полноты жизни, открытости, увлеченности и преданности избранному делу. Мое тесное общение с жителями села было особенно широким потому, что наша семья являлась неким центром. Многие с большим почтением вспоминали отца, директора школы, постоянно общались с мамой, библиотекарем (библиотека, наряду с клубом, устроенным в разрушенной церкви, была одним из главных центров села), хорошо знали мою сестру Зою, круглую отличницу.

У нас имелся патефон и большой подбор пластинок. Помню романсы В. Козина, русские народные песни Л. Руслановой, романсы и арии из опер Н. Обуховой, И. Козловского, М. Михайлова и др. Мы заводили пластинки на крыльце или на подоконнике раскрытого окна, и у дома собирались люди, слушали, судачили, обсуждали

новости, в то время (военные и первые послевоенные годы) часто печальные.

Во всех отношениях аскетичная жизнь воспитывала скромность и неприязнательность во всем, в т. ч. в одежде. Помню, как мама шила мне (пиджаки, куртки, штаны) у местного деревенского портного (настоящий мастер, в прошлом держал частную пошивочную мастерскую, не могу сказать «ателье»). Шил он очень хорошо и все предлагал разные детали, а я протестовал, просил, чтобы все было просто (закрытый ворот, без накладных карманов и т. д.). Помню, как к 1 сентября мне сшили куртку ярко синего цвета, она очень хорошо выглядела на мне, а я все не мог решиться пойти в ней в школу, по дороге задерживался, и мама, которая шла на работу, увидела меня валяющимся на лужайке, елозившим по траве, это – чтобы куртка выглядела не такой новой и красивой. Позднее она вспоминала об этом со слезами. Вот один штрих той жизни: мы, ребята, все лето после окончания школы и до первого сентября ходили босиком, даже в клубе смотрели кино босые, сидя на стульях поджав ноги, поэтому постоянными спутниками были порезы, ссадины и нарывы. Иногда сравнивали наши подошвы и спорили – у кого они как у Маугли (нож можно точить).

Несмотря на сложности жизни, отношения между людьми были простыми, доверительными, а ссоры мелкими, не запоминающимися. В прекрасном фильме «Баллада о солдате» есть эпизод: герой фильма, приехавший с фронта в деревню повидаться с матерью, обнаруживает, что в доме никого нет, ищет ключ и находит его над дверью. В моей деревне, хорошо помню, что если уходя и вешали замок, то уж ключи с собой не уносили, а клали под коврик, над дверью, за наличник окна, чтобы малые ребята не достали. Эти атрибуты деревенской жизни сохранялись долго, почти до времени «перестройки». Запомнился такой случай уже из студенческой жизни (середина 50-х годов). Мы, группа энтузиастов-зоологов, в осеннее и зимнее время совершали выезды на электричках в подмосковные леса, иногда с ночевками. В один из таких выездов поздней осенью мы, как «бывалые» полевики (а нас было человек 6), решили заночевать в стогу на окраине села, улеглись, но ночь оказалась очень холодной. Нас заметила жительница крайнего дома, пришла и стала ругать за бестолковость (не могли попроситься в дом), сетовать, что мы замерзнем, простудимся, подумали бы о родителях, и предложила пойти к ней в дом (о чем нас не пришлось долго уговаривать), постелила на полу, а утром мы всей гурьбой пили у нее чай, рассказывали, зачем бродим по лесам. Естественно, никаких мыслей и слов о денежной оплате не возникало.

Особым был огромный, в настоящее время практически разрушенный, исчезнувший, мир деревенских игр. Вот весьма неполный перечень игр, которыми мы самозабвенно увлекались в подростковом возрасте: разные варианты «прятки», лапта обычная (иногда я слышал, что ее называют русской) и лапта с поддавалами (когда мячик ударяющему подбрасывает игрок из «водящей» команды (по сути, полным аналогом этой игры можно считать американский бейсбол). Лапта была очень популярна в деревнях нашего края. Весной, когда просыхала земля и поляны посреди деревни покрывались молодой травкой, под вечер выходили играть в лапту взрослые мужчины и женщины, и мы смотрели за их игрой. Поиграв несколько конов, т. е. «тряхнув стариной», они расходились, а мы занимали их место на поляне. Была и более простая, привлекавшая в основном девочек, круговая лапта, и другая игра в мяч для младших – штандер.

Более серьезные игры – попы-гонялы, городки, прятки, лунки, казаки-разбойники, чижик и колепень. Две последние – разновидности одной игры, в которой использовали короткие заостренные с двух сторон деревянные палочки: круглую (колепень) или четырехгранную (чижик), на гранях которой вырезали четыре цифры (1–4), определявшие после прокатывания чижика битой в квадрате число ударов, а также длинную палку (биту). Особенно увлекались игрой в «ножички». Это была сложная длительная игра с множеством замысловатых фигур – способов втыкания ножа в землю, каждый из них имел свое название, из которых помню: роспись, верталя, ладошка, пальчики, прическа. Проигравший вытаскивал зубами из земли маленький колышек, забиваемый ручкой того же ножичка тем числом ударов, которое каждый наигрывал безошибочной серией фигур. Так что ударов иногда было столько, что колышек уходил целиком глубоко в землю, и его приходилось буквально выгрызть.

Коньки и «клюшки» – хоккей на льду пруда или реки, пока не выпадал большой снег. Еще три игры: расшибалка, пристенка, 9 клеток (все на деньги). Пристенка, или пристеночка, хорошо описана в рассказе В. Распутина «Уроки французского» и показана в фильме по этому рассказу. Интересной и вполне спортивной была игра «в лунки». На полянке среди села или около школы вырывали яму («котел») шириной примерно 40 см, в двух–трех метрах от нее по кругу – лунки около 10 см по числу игроков, обычно 5–7, у каждого играющего самодельная клюшка, которую во время игры надо держать в лунке, водящий должен закатить мяч в котел (после чего снова «считались» – кому водить), а остальные отбивали мяч клюшками. Водящий во время удара игрока стремился занять своей клюшкой его лунку, и тогда этот игрок становился водящим.

Разнообразными были формы прятков. Например, все прячутся, а один – ищет, но как только найдет, должен первым вернуться к исходному месту и «застучать» найденного. Наиболее популярными были «двенадцать палочек»: доску укладывают на бревно или кирпич в виде качелей, на один ее конец кладут двенадцать коротких палочек. Один из играющих ударяет ногой по ее другому концу, палочки разлетаются, водящий складывает их на место, остальные за это время разбегаются и прячутся. Водящий, собрав палочки, начинает искать игроков, найдя одного, бежит к доске и «разбивает» палочки, которые должен собрать новый обнаруженный водящий, но тот или кто-то из других игроков может его обогнать и вновь «разбить» палочки, которые должен опять собирать старый водящий и т. д. Естественно, мы увлекались футболом. Проникал в деревню и волейбол (в него играли более взрослые). Кроме этого – купание в реке, купание совхозных лошадей.

Надо сказать, что все эти игры хорошо развивали самые разные навыки. Причем игры и увлечения у нас были всерьез. Игра в колепень – до изнеможения. Рогатка – значит уж рогатка, из которой можно не только воробья, но и грача подстрелить. Увлекались различными полезными «самоделиями» с обязательными элементами соревнования – у кого лучше (плетение корзин и различных плеток из ивовых прутьев, вырезание сабель, кинжалов, разнообразных свистков и дудок, в основном из весенних, еще с сокодвижением ивовых прутьев и палок).

Я быстро рос, стал один из самых «длинных» в деревне, рано проявил склонность к спорту, в селе был известен как лучший «матка» в лапте и лучший вратарь в футболе. Причем настолько, что помню, как парни и мужики из совхозной взрослой футбольной команды приходили к маме и просили отпустить меня поехать с командой на районные соревнования «постоять на воротах» (я учился в 6-м классе). Такие игры и занятия, как «попы-гонялы», «колепни» и особенно рыбалка (удочка, жерлицы, бутылки, верши, ловля руками), безусловно, развивали интерес к окружающему миру, смекалку, вдумчивость и давали различные навыки что-либо делать самому, своими руками.

Как нечто светлое, весеннее запомнились катания яиц на Пасху в те годы, когда она приходилась на теплые дни конца апреля или начала мая. На зеленую лужайку приносили особые приспособления (не помню, у кого они хранились): узкий, под размер куриного яйца деревянный, вручную выточенный желоб длиной примерно 130 см с подставками. Желоб устанавливали наклонно, примерно под 45°. Играющие имели по несколько крашеных приметных яиц, которые по очереди по одному скатывали по желобу на лужайку,

где скапливалось их некоторое количество, в зависимости от числа игроков и используемых ими яиц. Цель игры состояла в том, чтобы твое яйцо ударило чужое, которое ты выигрывал и забирал. Помню картину: бежит домой девчужка, прижимает к груди завернутые в платок яйца, кричит маме, сколько она выиграла.

Военное время. Фронт до нас не дошел, только иногда слышали звуки дальних бомбежек. В период войны военные части вели подсобное хозяйство на землях совхоза. Запомнил очень хорошую организацию полевых работ и слова односельчан о том, что на полях военных очень хорошие урожаи (капуста, картофель, турнепс, брюква, тыквы). Более того, именно в это время на обширном поле успешно выращивали арбузы – мелкие, но очень вкусные, помню даже сорт – «комсомолец». Потом, после войны, посадку арбузов почему-то не возобновляли. Мы, детвора, школьники все время крутились около военных машин, а солдаты и офицеры – около наших девиц. Это отражалось в деревенском фольклоре, в частушках, прибаутках. По вечерам под гармошку или трофейный аккордеон девчата громко пели: «лейтенанты, лейтенанты, лейтенанты кубики, у вас дома жены, дети, а вы девок любите», или: «лейтенанты, лейтенанты, хромовы сапожки, если баба не дает – попроси у кошки». Потом, с середины войны, в совхозе появились пленные немцы. Они жили почти без охраны, работали на стройках, на полях, возили навоз. Когда отдыхали на лужайках, подзывали нас, расспрашивали о названиях предметов, о значениях слов, например, я тогда узнал, что птица – Vogel. Проявления вражды к ним я не помню, хотя в деревне почти в каждой семье получали похоронки.

Один из запомнившихся эпизодов деревенской жизни в период войны. Однажды, это, вероятно, было летом 1942 г., т. е. уже после самого страшного периода обороны Москвы, когда для защиты от немецких самолетов использовали аэростаты-заградители. По деревне разнеслась весть, что один из таких аэростатов, видимо сорвавшийся с привязи и повредившийся, упал на поле в нескольких километрах от нашего села, т. е. пролетев от Москвы более 40 км. После этого в течение 2–3-х дней можно было видеть жителей, соседей, везущих на тачках и несущих на плечах серебристые свертки особой водонепроницаемой ткани (кажется, ее называли «перкаль»), из которой был сделан аэростат. Спустя некоторое время, в селе можно было встретить людей в серебристых плащах, сшитых из этой ткани. Когда наша ребячья компания добралась до аэростата, ткани там уже не было, но мы нашли нечто более для нас привлекательное: прекрасные очень тугие и эластичные резиновые полоски, которые идеально подходили для рогаток и самострелов типа арбалета – деревянных подобий ружей с прорезанным жело-

бами для стрел, которые «выстреливались» туго натянутым резиновым жгутом. Потом мы долго обсуждали эти изделия, у кого прочнее и стреляет точнее.

В конце войны и после Победы в наше село стали возвращаться, хотя и в небольшом количестве (подавляющее большинство ушедших на фронт погибли) демобилизованные солдаты. Это сильно изменило бытовой уклад и общую картину жизни села. Для нас, ребятни, очень привлекательными были вечерние сборы и беседы мужиков по вечерам, где-нибудь у стройки, на бревнах, в основном воспоминания о фронте, о разных освобожденных городах и странах, особенно о Германии. Мы, и подростки и мужики, с жадностью слушали эти рассказы, в том числе, конечно, о женском вопросе, «про баб». Запомнились неоднократно повторяемые сравнения наших, своих, с европейскими, особенно – немками. Повторялась такая тема (запомнившиеся дословно фразы): «ну... немки... они хорошие, приветливые, ты только в дом вошел, она тебе уже есть предлагает, и в постель приглашает...». Дальше идут описания «охочих до этого дела справных чистых немок» и некоторых интимных деталей. А потом примерно в таком духе: «...надо же, что за бабы, воспитаны что ли так. Если бы наша... она бы всю морду тебе изодрала, да еще пырнула бы чем-нибудь». В эпоху «перестройки», формирования рыночных отношений и «демократизации» общества тема поведения наших солдат на освобожденных и оккупированных землях была одной из самых модных. Демократы изощрялись в различных выдумках о поведении и мародерстве наших военных, о грабежах и вывозе в Россию краденого. Живя в деревне, я видел у возвращающихся солдат лишь их личные тощие заплечные мешки, а у их жен и детей – подарки в виде дешевеньких платочков и игрушек либо конфет (леденцов, пастилы и др.). Мой дядя Леша, майор морской службы, прибыв в семью на побывку еще в период военных действий, привез своим двум дочерям, жене (учительнице) и матери, коробку сахарного песка, на поедание которого (со своим хлебом) по вечерам приглашались родственники, школьные учителя. Может быть, это – тоже мародерство? Ребята в нашей деревне давали хлеб пленным немцам. Вспомним, что Дрезденскую галерею спасли, отреставрировали, а потом вернули Германии. Кое-кто обвинял Россию и в этом случае.

Особым для нас был мир голубей, голубятни. Завораживающие названия – чеграш, сизый, чистый, плекий, чайка, сорока, почтовый. Мы, ребята, крутились вокруг голубятников, а мне удалось непосредственно участвовать в этом повальном увлечении. Володя Силаев, сын уборщицы школы, как и я до смерти отца, жил вместе с мамой и старшим братом в школе, а голубятню устроил на черда-

ке школьного здания, и я постоянно торчал в ней и даже «доставал» у родителей деньги для покупки новых голубей. Уже в те годы это был полукриминальный мир. Кроме обычного занятия «гонять» стаю голубей, которые долго кружили над голубятней, было распространено «скидывание». Две компании голубятников договаривались о месте, куда приходили с определенным количеством птиц, которых обычно держали «за пазухой». Одновременно выпущенные голуби смешивались, а потом две стаи начинали разлетаться и летели в направлении своих голубятен. Но некоторые из них присоединялись к чужой стае и могли улететь и сесть на чужую голубятню. Их захлопывали специальной сеткой, а потом хозяева просили денежный выкуп или неравный обмен на лучшего голубя. На этой почве возникали конфликты, в том случае, когда, по мнению одной из сторон, нарушались правила «скидывания», например договор о числе голубей (в критический момент вынимали спрятанного голубя и подбрасывали к своей стае). Иногда собиралась компания единомышленников и шла ночью ломать чужую голубятню, брали часть голубей, за которых потом требовали выкуп или обмен на своих голубей. Увлечение голубями очень широко распространилось после войны в 40–50-х годах, особенно бурно во всем Подмосковье и на окраинах Москвы.

Сколько было прочих развлечений в разном возрасте с самыми различными предметами! Например, для младших подростков – катание колеса проволочной ручкой. Когда я сейчас вижу ребят, взрывающих петарды, вспоминаю подобные развлечения. «Поджиги» – согнутый и сплюснутый с одного конца отрезок медной трубки (маслопровода от трактора), в которую соскребывали «серу» от нескольких спичек, а затем взрывали с помощью затупленного гвоздя и тугой резинки. Капсюли для охотничьих патронов («центробой» или «жевел») мы получали в заготконторе в обмен на любую шкуру. Сдавали главным образом кошек, редко собак, еще реже кроликов, которых «добывали» в нашей и в соседних деревнях. Капсюли использовали, например, на уроке, прикрепив их с помощью хлебного мякиша к перу ручки и бросив ее на пол под соседней партой, особенно если там сидела девчонка.

Еще одно важное развлечение – зимние игры и спорт, прежде всего коньки и лыжи. Еще почти не было коньков, наглухо прикрепленных к ботинкам. Встречались специальные башмаки, в которых можно было ходить (но с особыми отверстиями на каблуке). На них легко крепились коньки и также легко снимались. Но такие мало у кого имелись. У моей сестры были именно такие, с коньками «снегурочками». В 1943 г., когда она стала студенткой МГУ, стало не до коньков, но ботинкигодились: она проносила их не

один свой студенческий год, вместе с байковыми шароварами, в которых до войны каталась на нашем замерзшем пруду. Но все же у многих ребят коньки были, причем разные: снегурочки с загнутыми носами, гаги (обычные хоккейные), «английский спорт» (чуть загнутые с острыми носами). Обычных беговых (их называли «норвегами»), кажется, не было ни у кого. Коньки крепили на валенки специальным стандартным образом с помощью толстых веревок и коротких палочек, которыми закручивали веревку на носу валенка. Но катание на коньках было возможным сравнительно короткое время, начиная от замерзания пруда и реки и до выпадения толстого слоя снега, когда его уже трудно было расчищать даже на небольшом пятачке. Зато мы много катались на лыжах, в основном с крутого берега реки, соревнуясь, кто дальше прокатится. В нижней части накатанных спусков делали из снега трамплины, иногда довольно высокие, при прыжке с которых далеко не все могли устоять на ногах. В местах таких накатанных спусков иногда собиралась чуть не вся деревня, в том числе матери, которые приходили «загонять» домой слишком загулявших ребят. Лыжи, конечно, имелись не у всех, было принято просить у владельцев покататься хотя бы на короткое время. Лыжи часто ломались, их чинили самым разным способом, иногда поверх сломанной, да еще не в одном месте, прибивали доску. Маленькие катались на санках, а ребята постарше на «ледянках», которые изготавливали сами. На дно старого решета или плоской корзины в течение нескольких дней, по мере их замерзания, накладывали слои свежего коровьего помета. Для этого приходилось сторожить процесс испражнения. После того, как навоз промерзнет, эту «нашлепку», опять-таки в течение нескольких дней, поливают водой, добываясь плоской гладкой поверхностью. К этому изделию привязывали веревку. На ледянках катались с горок, и часто пытались стукнуть друг друга для выяснения — у кого ледянка прочнее. На эту тему было много споров и соревнований. По рассказам старших это увлечение было очень популярно в России с давних времен. Едва ли сейчас оно сохранилось где-либо.

Наши детские развлечения и игры сочетались с разными формами помощи взрослым, иногда даже с тяжелой работой. В период сенокоса нас созывали к совхозной силосной башне (высокая, примерно с 4–5-этажный дом, деревянная обшитая досками круглая постройка на бетонном основании с окнами-отверстиями на разной высоте, рядом с которыми закрепляли лестницу). С помощью специальной машины башню доверху наполняли скошенной травой, подсолнечником, кукурузой. В нашу задачу входило утрамбовывать эту массу по мере наполнения. После очередного подвоза травяной массы мы забирались в башню и устраивали беготню и

пляски. Кстати, в нашем совхозе кукурузу вполне успешно выращивали на значительных площадях для силосования. Мы все-таки дожидались периода ее молочно-восковой спелости и с охотой бегали на дальние поля на этот промысел.

Большую роль в жизни любой деревни играло стадо коров. По своему желанию и по наказу родителей мы проводили много времени у стада с пастухом, который, как правило, был неординарный, хорошо знающий природу человек. Особым вниманием пользовался пастуший кнут. Сейчас мало кто знает, что это было за изделие. А ведь с давних времен это было произведением народного прикладного искусства: с короткой (около 40 см) толстой резной деревянной ручкой длиной 6–8 м, сплетенный особым узором из тонких квадратных в сечении ремешков, очень толстый (до 5 см в диаметре), обрамленный кожаной бахромой у ручки и постепенно истончающийся к концу, завершающийся тонким сырмятным ремешком, к которому особым образом крепилась косица, свитая из конских волос. К ручке он обязательно присоединялся специальным железным или медным кольцом. Каждый уважающий себя пастух имел именно такой кнут с какими-то мелкими отличительными деталями, которые придирчиво оценивались. Но главным достоинством каждого кнута была громкость хлопка, которого с его помощью можно было достигать. Эти хлопки пастухи умело применяли для управления стадом. Профессионально пользоваться таким кнутом было непросто, и мы подолгу занимались этим, тренировались, если разрешал пастух.

Владельцы коров, которые паслись в стаде, должны были по очереди кормить пастуха (своего рода ритуал, к которому относились очень серьезно). Нам это приходилось делать 2–3 раза за сезон. Независимо от достатка, каждая семья делала все возможное, чтобы приготовить ужин (пастух приходил вечером, после того как коров загоняли во дворы) не хуже, чем у других. Помню, как мама буквально за неделю доставала и накапливала продукты, необходимые для задуманного «меню», стол застилали чистой скатертью. Пастух входил степенно, вешал на стул кнут, разговаривал немногословно, поев, раскланивался с хозяйкой.

В период войны и даже в самые трудные первые послевоенные годы в нашей деревне не было настоящего голода. Выкручивались разными способами: огород, корова, коза, куры. В магазине обычно имелись хлеб и крупы, рабочие совхоза получали маленький, но постоянный заработок, колхозникам что-то выдавали и платили деньги на трудодни, мама получала стабильную зарплату библиотекаря. В совхозе, основным профилем которого было свиноводство, работала столовая для рабочих, в ней можно было поесть мяс-

ное рагу, котлеты, гречневую и даже манную кашу. Мама иногда посылала меня туда с кастрюлей и миской купить обед. Мне на всю жизнь запомнилось блюдо – молодая свинина тушенная с гречневой кашей.

По селу часто ходили «менялки» из Москвы и ее пригородов. Они выменивали какую-нибудь пищу за различные вещи, обычно за письменные принадлежности – тетради, блокноты, карандаши, перья для ручек, а также мелкие детали одежды, кепки, тюбетейки пуговицы, игрушки и др. Все это охотно меняли в основном на картошку, которую они везли в город на попутных машинах, а потом на поезде.

Я часто бравировал перед ребятами, много говорившими о еде, о том, где бы и что бы поесть, тем, что никогда не хочу есть. Но чувство голода все же хорошо помню. Иногда, не дождавшись, когда мама что-нибудь сварит, залезал в подпол и грыз сырую картошку. Самым трудным было время второй половины зимы, когда большинство коров не доили перед отелом. Дни после него считались праздничными. Первое молоко, очень густое с сильным привкусом, называлось молозивом, его не пили, из него делали что-то вроде сыра или омлета, запекая на сковородах в русской печи. Теленка первое время держали в избе, в специальном месте за печкой.

Весна – надежда на лучшее, и сразу после оттаивания полей все начинали промышлять. Многие, особенно ребятня, выходили с ведрами на поля, собирали вымытые талой водой картофелины, которые остались от осеннего сбора. С них снимали кожуру, а из внутренней съезжившейся белой мякоти, разбавив водой, молоком, пекли оладьи, которые называли «кавардашки». Иногда собирали много и в размолотом виде впрок сушили на крышах. Березовый сок не пользовался очень широким спросом, взрослые им не занимались, но мы постоянно бегали в лес с банками, которые подвешивали под надрез на стволе березы, пили сок, приносили родителям. Ребята хорошо знали, что качество (сладость) сока зависит от возраста дерева, от структуры коры, от места, где растет береза. Все это живо обсуждалось. Потом для нас начиналась пора охоты за зеленью. Самое разнообразное весеннее лакомство – цветоносы примулы «баранчика», щавель, хвощ, крапива, молодые листочки липы, цветки желтой «акации», позднее, к лету, корень лопуха, стебли зонтичных, свербиги, купыря, борщевика, аниса, камнеломки, бедренца. Мы хорошо различали все эти растения, у каждого свой запах, вкус.

Потом начиналось грибное и ягодное лето. Успехи сбора грибов определялись только количеством белых (общепринятый стандарт – не менее сотни на одного человека). Как тут не вспомнить извест-

ную «примету»: изобилие белых грибов предвещает войну (повесть «Открытие мира» В. Смирнова, начало первой мировой войны). Именно летом сорокового года в березовых лесах их было невероятное количество. В наших краях очень обильно плодоносила земляника, лишь местами – клубника, за которой ходили с ведрами. Но наш ребячий успех определялся тем, сколько донесем до дома, так как на обратном пути из леса за разговорами не замечали, как большая часть собранных ягод съедалась. Хотя во время сбора мы их поглощали в невероятных количествах, и иногда уже по пути домой случались коллизии с желудком.

Все же ни грибы, ни ягоды не привлекали меня очень сильно. Неповторимое место в моей детской жизни занимала рыбалка. Это было увлечение всерьез, совершенно особый мир. Воспоминания о рыбалке моего детства наводят на мысль, что в те времена, когда водоемы сельской местности были чисты, вода предельно прозрачна (мы постоянно пили ее прямо из реки), люди по-иному, чем сейчас, относились к рекам, озерам и прудам и к их живности. И в процессе рыбалки мы в гораздо большей степени видели, что происходит в воде, соприкасались руками с рыбами, лягушками, раками, разными беспозвоночными (моллюсками, личинками ручейников, стрекоз и др.), жизнь которых наблюдали визуально и собирая для наживки. И способы рыбной ловли были намного разнообразнее. Да и снасти в основном мастерили сами, а не только покупали. К тому же многие детали живо обсуждались ребятами и взрослыми. Помню, как мы делали небольшую прорубь над глубоким омутом, ложились на лед и наблюдали медленно плавающих рыб, спорили о том, какая рыба проплыла. Река Северка (она впадает в р. Москву недалеко от пос. Пески) в те годы была полноводной, чистой, с омутами глубиной до 3–4 метров, каменистыми перекатами и песчаными плесами. В течение сезона рыбалки последовательно сменялись способы ловли, наше ребячье участие и отношение к ней. Зимой рыбу у нас практически не ловили. Во время половодья, сразу после ледохода, когда вода еще мутная, стремительным потоком несущаяся в крутых берегах, взрослые ловили рыбу наметкой (некое подобие огромного сачка с ручкой до 5 метров). Ее опускали в воду с берега на всю длину ручки и, положив на плечо, гребли по дну, пятясь от воды. Мы, ребята, наблюдали и помогали вытаскивать рыбу. Иногда эта ловля была очень добычлива, за один «загреб» удавалось поймать несколько килограммов рыбы. Попадались довольно крупные щуки, окуни, голавли, которые в это время скапливались в прибрежных заводях, в омутах с менее сильным течением. Когда вода спадала и несколько светлела, начиналась ловля обыч-

ной поплавочной удочкой с грузилом, в основном на червя. В это время попадались окунь, плотва, ерш, елец, пескарь, иногда мелкий голавль. Удочки для этой ловли были самые примитивные, но надежные. Удилище – в основном из орешника, леска – из конского волоса. Из 3 или 4-х волосинок из хвоста лошади сплетали колена, которые связывали строго определенным узлом. Поплавков – из пробки, иногда его окрашивали в белый цвет. Вокруг волоса для лесок кипели страсти: спорили, какой цвет лучше – белый или черный (черный прочнее, но белый менее заметен в воде), во сколько волосинок лучше плести леску для той или иной рыбалки (в два или три волоса леска менее заметна, в четыре надежнее, но слишком тяжелая и заметна), у какой лошади лучше волос. Леску в два белых волоса «нахлыстом» использовали главным образом для летней рыбалки, но при попадании крупной рыбы или от зацепа она часто обрывалась, леску из черных трех волосинок – для поплавочной удочки с грузилом при ловле на дождевого червя. Волосы выдерживали у запряженных лошадей, заранее, зимой, иногда в загонах, поджидая, когда лошадь подойдет к забору, и до хвоста можно будет дотянуться.

«Высшим пилотажем» считалась кратковременная ловля голавля на майского жука. Тяжелое грузило крепили примерно в 30–40 см от крючка, так что насаженный на крючок майский жук находился в толще воды. Наживку забрасывали как можно дальше от берега на плесах, где глубина метр–полтора. Удилище втыкали в берег почти вертикально, так что поплавок висел, немного оттягивая вниз леску. Обычно ставили две удочки. Как правило, брал крупный голавль, и нужно было уловить момент, когда поплавок качнется, и леска стремительно натянется. Сразу необходимо резко подсечь, иначе голавль, почувствовав натяжение, выплюнет наживку. Эта ловля очень азартная, но не столь уж добычливая, редко кому удавалось поймать за раз более трех голавлей. Но зато, какая это добыча! Голавль весом около 1 кг был очень красив, с крупной чешуей, яркими красными и черными плавниками. В начале лета голавлей ловили на белый хлеб или тесто, насаживая большими кусками и забрасывая как можно дальше от берега на неглубоких плесовых участках речки. В хорошую погоду крупные голавли ходили небольшими стаями, по 5–10 штук, у поверхности воды на глубоких местах. Вода была настолько чиста и прозрачна, что хорошо были видны красные анальные плавники и яркая окраска рыб. Красивое зрелище! В нашем селе стояли военные, работавшие на подсобном хозяйстве своей части. Они пытались стрелять голавлей из винтовок, а мы собирались вокруг, глазели. Стая после каждого выстрела уходила в глубину, потом появлялась вновь. Насколько я помню,

удавалось застрелить или оглушить и достать единичных рыбин. Во время войны солдаты глушили рыбу гранатами. Еще один варварский способ добычи рыбы, который мы широко применяли – травление борной кислотой, порошок который доставали разными путями (покупали в аптеке, крали из домашних запасов лекарств). Его закатывали в хлеб и кусочками разбрасывали в воде у берега. Через некоторое время всплывала отравившаяся плотва (она не вся погибала, некоторые рыбины оживали), ее собирали, отрезали головы, потрошили, после чего жарили или варили уху.

Не очень успешно в разгар лета голавлей пытались ловить на крупных кузнечиков (зеленого или серого). Короткий поводок с насаженным на крючок кузнечиком привязывали к длинному шнуру, который перекидывали на другой берег, и вдвоем, натянув шнур, пытались подвести наживку к гуляющим голавлям, которые чаще отворачивались, но иногда все же хватали. Я помню лишь один случай поимки крупного голавля таким способом. Но мелкие голавли («голавчики») были массовой добычей летней ловли на насекомых (мух, саранчуков, кузнечиков, жуков, например – мягкотелок и др.).

Когда вода полностью светлела и наступала жаркая пора, началась самая интересная для ребят рыбалка легкой удочкой без поплавка и грузила с леской в два волоса и с самыми мелкими крючками (как мы говорили, «на муху»). На плесах, стоя в воде, аккуратно забрасывали леску, стараясь, чтобы она, как можно мягче, опустилась на воду, и крючок с наживкой (обычно несколько мух, которые иногда смазывали машинным маслом) не тонул, а спокойно плыл по течению. Через некоторое время над ним появлялся всплеск, за которым сразу же должна была следовать подсечка. Попавшую на крючок рыбу (чаще всего елец и голавль) выводили, шагая по воде, до берега. Еще один способ: из-за кустов подбрасывали наживку перед «гуляющей» у поверхности воды рыбой или их стайкой. Таким способом иногда в жаркое время ловили и уклеек, которых у нас не считали достойной добычей.

Во время метания икры плотву обычно ловили с помощью верш из ивовых прутьев. Чаще всего их плели как обычные корзины, но в некоторых домах сохранялись старые экземпляры, своего рода произведения народного искусства. Их основу составляли длинные ровные прутья, которые тянулись по всей длине и в нескольких местах очень прочно скреплялись поперечными рядами тонких прутьев. Горловина ее была расширена, ее сплетали из тонких прутьев в виде замысловатого узора.

Верши ставили в местах массового скопления нерестящейся плотвы у берега на небольших глубинах или на перекатах, которые перегораживали запрудами из крупных камней. В каждой оставля-

ли окна, в которые помещали верши горловиной вниз по течению. В мое время, особенно во время войны, эта ловля угасла, запруды почти не строили, но, судя по большому числу полуразрушенных старых, сложенных из огромных валунов, а также по вершам, хранившимся во многих избах, раньше, вероятно, до 30-х годов, в нашем крае она была очень распространена и добычлива. Использовали также ловлю в верши на приманку, хлеб или мясо. Попадались все та же плотва и окуни.

Ловля ставными сетями и бреднями (своего рода невод небольших размеров) в то время уже угасала, так как крупной рыбы становилось меньше. Лишь иногда бреднем удавалось поймать много подуста, рыбы для нас, ребят, загадочной, так как он практически никогда не попадался на удочку, не брал приманку. Щуку ловили на живца, на ставные жерлицы, которые у нас называли якорями. Для живцов налавливали, в основном пескарей, мелких плотвичек, которых старались как можно дольше сохранить живыми. Ловлю на блесну мы не знали, так как ни у кого не было спиннингов.

Летом, в жаркую пору, ребята ловили речных раков, особенно там, где дно состояло из особой глины серо-голубого цвета. Именно в таких местах было много их нор. Самый курьезный способ: мальчишка ходил по дну, насколько позволяла глубина, нащупывал ногой нору, шевелил пальцами, рак вцеплялся клешней в палец, пацан выдергивал рака из норы, и, быстро перевернувшись головой вниз, старался рассмотреть его под водой и схватить. Другой способ: к длинному пруту привязывали рыбку, иногда слегка протухшую, подводили к норе, и, если рак вцеплялся в нее клешней, медленно подтягивали ближе к берегу, на меньшую глубину, а потом быстро хватали рукой.

Сейчас это звучит удивительно, но в наше время ловля рыбы руками была очень популярна. В купальный сезон ребята подплывали к круто обрывающемуся в воду берегу, где имелись, как мы их называли, «обрезы» – промытые водой глубокие ниши, располагающиеся чуть ниже уровня летней воды. Мы просовывали обе руки в эти ниши и медленно обшаривали закоулки. Иногда ладонь или пальцы натывались на голову или хвост рыбы. Если действовать очень осторожно, она оставалась на месте, и рука ощущала движение плавников. Нужно было постепенно сблизить ладони и «взять» рыбку. Таким образом удавалось поймать крупных окуней, плотву, голавлей. Еще один наш сугубо местный способ: если вблизи реки удавалось найти несколько обрезков бетонных труб достаточно большого диаметра, например, на месте совхозной стройки, мы эти трубы разбрасывали на плесе или на «быстринке», где глубина не более 1 м. Потом время от времени бегали по плесу, бросали

камни. После этого подходили к трубам, с двух сторон и руками медленно нащупывали рыбин, которые туда заходили, испугавшись создаваемого нами шума. В некоторых трубах оказывалось до трех крупных окуней и голавлей или плотвичек и ельцов. Если действовать осторожно, можно было их просто взять рукой. Еще один популярный способ – ловля корзинкой: в заросших водной травой неглубоких местах ходили с корзиной, которую время от времени ставили боком на расстоянии, насколько позволяла длина руки, а потом ногой «загоняли» возможную рыбу в корзинку, которую через мгновение резко поднимали. Иногда удавалось за один подъем поймать до 5 мелких или средней величины рыбешек.

Очень популярна была ловля рыбы бутылками. Чаще всего использовали обычную пол-литровую, но лучше литровую и уж совсем хорошо – так называемую четверть. Бутылка должна была быть из бесцветного стекла, а дно иметь как можно большее вдавление (многие бутылки в те времена делали именно такими). Заостренными кремневыми камнями (наподобие каменных скребков древних) долго выцарапывали круг в дне, отступив 1–1.5 см от края дна. Потом осторожными ударами округленную серединку дна выбивали, так что получалось некое подобие стеклянной верши. Это делали для того, чтобы затруднить выскакивание рыбы из бутылки. Горлышко бутылки затыкали (лучше травой). На небольшой глубине, немного выше колен, выбирали место, обычно с быстрым течением и песчано-галечным дном, где было больше всего небольших рыбешек, особенно если они ходили стайками (пескари, плотва, ельцы, гольяны, мелкие голавли). Делали «загон» из двух расходящихся линий крупных (с кирпич) камней (узкая горловина этого забора должна быть направлена против течения). Дно внутри загона расчищали от слоя песка так, чтобы обнажились светлые камешки и галька (это привлекало рыбок, которые при тревоге старались проскочить именно над этой площадкой внутри загона). В горловину клали бутылку дном внутрь загона. Время от времени приходилось бежать в воде к загону, быстро хватать и поднимать бутылку, в которую могло набиться до десятка рыб, иногда сразу нескольких видов. Вспугнутые стайки рыб всегда двигались против течения, и многие из них стремились проплыть именно по загону над расчищенной галькой. Все перемещения рыбок во время этих забегов были хорошо видны в прозрачной воде. Этой ловлей мы занимались в наиболее жаркую пору лета, в самый пустой период рыбалки на удочку.

Еще одно увлечение, связанное с живой природой, – птицы, их ловля и содержание в доме, на чердаке, в сарае. У меня в разное время жили совы, канюки, кукушонок, ворон, синицы, снегири и т. д.

Зимой многие мальчишки увлекались ловлей птиц, в основном больших синиц, приспособлениями, которые мы называли пленками. На обрезке доски проделывали шилом отверстия, куда вставляли и закрепляли спичками или щепочками петли из конского волоса, которые стояли вертикально (высотой с мелкую воробьиную птицу). На доску насыпали зерно или укрепляли кусочек сала. Эту нехитрую ловушку обычно ставили на помойке или на каком-либо выступе дома, где чаще бывали синицы. Склеывая приманку, синица затягивала петлю, и ее надо было как можно быстрее освободить. Интересно, что воробьи в эти западни практически не попадались. Иногда целая их стайка опускалась на место, где стояла пленка, они сновали, что-то склевывали, но почти ни один из них не заходил на дощечку, а коснувшись ее, испуганно вспархивал. Кстати, интересный пример для этологов. Возможно, это связано с групповым поведением воробьев, как синантропных, даже городских, птиц.

По сути, уже в школьные годы я знал почти всех птиц средней полосы, особенно увлекался поисками гнезд, часто залезал на высокие деревья, даже со стволами без сучков. Потом, во время студенческой практики по зоологии, мне часто приходила мысль: а я это уже давно видел и знаю. У нас в деревне летом на базе школы был пионерлагерь, который принадлежал московскому Краснохолмскому комбинату. Перед его закрытием и отъездом я приходил к вожатым и пытался передать для зоопарка некоторых живших у меня животных, из которых, помню, увезли канюка, кукушонка, серую неясыть и лисенка.

Среди развлечений были и сопровождавшиеся немалым риском. Например, забравшись на большую елку с частыми длинными ветвями, спускались с вершины, скользя по ветвям и хватаясь за их концы, тем самым замедляя падение. Явно безрассудным было и такое. Во время ледохода на реке образовывались ледяные заторы в виде нагромождения льдин от берега до берега, которые через некоторое время взламывались, и лед шел дальше. Мы забегали на такой затор, находили на краю по течению «подходящую» льдину, запрыгивали на нее, с помощью колев раскачивали, освобождали из затора и плыли на ней до следующего затора или до того момента, когда льдина упиралась в берег. Естественно, что в любой момент весь затор мог придти в движение. Однажды за таким «развлечением» меня застала сестра, которая пришла смотреть на ледоход. Она до сих пор вспоминает, что пережила, как бежала по берегу за «моей» льдиной и как «волокла» меня домой, награждая подзатыльниками.

Здесь уместно сказать об одной особенности моего характера, проявлявшейся в детстве и частично даже в зрелом возрасте. В ре-

блячих забавах и играх у меня были явные черты чрезмерности, гипертрофирования. Меня часто подмывало спровоцировать самый сложный вариант. Например, достать не просто гнездо грача с яйцами, а долезть до самого высокого, на тонкой вершинной ветви; при прыжках со склоненного над омутом дерева – выбрать самое глубокое место, зачерпнуть ил и показать его с чувством победителя и т. д. Однажды я таким образом почти утонул, когда выгребал наверх уже ничего не осознавая, и сознание вернулось лишь на поверхности. В деревне я слыл «заводилой», не раз слышал назидания одной из соседок ее сыну: «Ты с Юркой не ходи, он тебя заведет, заведет». И действительно, наши лесные, полевые и речные походы часто затягивались до позднего вечера, ночи; матери ругались, а то и лупили ребят, в том числе за то, что по вечерам, к приходу стада нам надлежало выполнить некоторые дела, например, натаскать воды или обязательно собрать мешок свежей зеленой травы корове на ночь.

И мой костный туберкулез, последствия которого остались на всю жизнь, – следствие подобной чрезмерности. Однажды я залез на самую высокую липу и стал срезать ее вершину, благо, что липа очень легко режется, и свалился вместе с вершиной, которая лишь немного затормозила падение. В результате – ушиб бедра, которое долго болело как-то странно, изнутри, потом прошло, а после вторичного ушиба – вспыхнул туберкулезный процесс, но об этом – позже.

Что-то подобное осталось у меня на всю жизнь. Например, случай в плавании по островам Тихого океана, на острове Норфолк. Я – взрослый человек, хромой, собираю насекомых сачком, иду по кромке берега с отвесными склонами, внизу – бурлящий прибой. На боковом отвесном отроге вижу сидящего на гнезде фаэтона. Для орнитологов – ценнейший коллекционный экспонат. Начинаю пробираться к нему по выступающим на отвесной стене камням, прижимаясь к скале левым боком, накрываю фаэтона сачком, заматываю его и только тогда осознаю, что мне сейчас придется повернуться к скале правым боком с неподвижным тазобедренным суставом и идти назад. Прижимаясь к скале уже правым боком, пробую, но понимаю, я не могу это сделать, что еще усугубляется испугом. Долго так стою, представляю, что будет с экспедицией, с мнением обо мне, с семьей. Простояв до чувства полной усталости и отчаяния, решаюсь на столь же авантюрный вариант, будь что будет. Кладу сачок перед собой и начинаю ползти по почти отвесной стене, хватаясь за редкие выступающие камни и растения, которые осыпаются и выдергиваются, ноги скользят, но сачок толкаю перед собой. Когда дополз до бровки обрыва, осталась одна мысль – соверши-

лось чудо, сам я этого сделать не мог. А фазтона все-таки принес на корабль и подарил Л.С. Степаняну с просьбой сделать тушку и передать в коллекцию Зоологического музея. Увы, он оставил его в своей домашней коллекции, которую после его смерти родственники продали.

Теперь об одном из важнейших занятий моего детства и юности – чтении. Моя мать – библиотекарь. В те времена библиотека играла огромную роль в деревне. Постоянно толпились посетители – взрослые, старики, подростки и дети. Помню большой ящик с карточками с отметками о взятых для чтения книг. На многие – большие очереди. Некоторые завсегдатаи очень быстро прочитывали книгу за книгой. Библиотечное дело было поставлено на высоком уровне. Книжный фонд постоянно пополнялся, за счет так называемых «передвижек», экстренной рассылки вновь изданных и взятых из других хранилищ излишних книг. Даже во время войны регулярно приходили посылки с новыми только что вышедшими книгами, которые сразу разбирались читателями. Помню, как сразу после приезда машины, телеги, саней с книгами у библиотеки собирался народ.

В связи с такой организацией снабжения книгами районов нашей страны, я часто вспоминаю «кают-компанию» полярной станции «Бухта Марии Прончищевой» на Таймыре, где базировалась наша экспедиция (1973 г.). По стенам этой большой комнаты стояли полки, до потолка заставленные книгами, подписными изданиями, авторскими многотомниками, ассортимент которых я хорошо знал. И я не мог вспомнить ни одного издания того времени, которого там не было бы. Книги и журналы доставляли кораблями в период летнего судоходства, параллельно со снабжением товарами, попутными и специальными вертолетными рейсами и самолетами малой авиации в течение всего года. Иногда это делали с помощью «сброса» с самолета АН-2. В сравнение с этим мне вспоминается и обстановка на австралийской метеостанции на острове Рауль, на которой я оказался во время научного рейса по островам Тихого океана, где имелась лишь стопка журналов, в основном бульварного и сексуального толка.

Чтение художественной литературы занимало особое место в моей жизни. Подростком я буквально жил в библиотеке, которой заведовала моя мама. Вот тематика моего чтения. Помню, что читал в 5–7 классах: почти весь И. Тургенев (девочки вздыхали над «Вешними водами»), Дж. Лондон («Смок-Белью»), Ф. Купер, Н. Островский («Как закалялась сталь»), весь А. Гайдар, А. Дюма («Три мушкетера», «Граф Монте-Кристо», «Королева Марго»), Ч. Диккенс, А.Н. Толстой («Похождение Невзорова», «Детство Никиты»),

«Хождение по мукам», «Петр Первый»), Д. Мамин-Сибиряк, Л.Н. Толстой («Война и мир»), А. Стендаль («Красное и черное»), В. Гюго («Собор Парижской богородицы», «Человек, который смеется»). Помню, что очень популярен был американский романист Т. Драйзер, большинство книг которого было издано в СССР, в том числе в виде многотомного собрания сочинений. Увлекали различные исторические повести и романы, рассказы и повести о войне, например, Н. Симонов («Дни и ночи»), Л. Воронкова («Девочка из города»), Е. Ильина («Четвертая высота») и т. д. Не могу сказать, что поглощал книгу за книгой, скорее я смаковал те, которые особенно мне нравились, часто возвращался к уже прочитанному. В дальнейшем у меня возникла привычка повторно и многократно перечитывать, полностью или частично, некоторые книги, причем без всякой видимой приверженности какому-либо определенному жанру и содержанию. Так, в течение всей жизни я перечитываю такие произведения, как «Война и мир», «Преступление и наказание», «Господа Головлевы», «Сага о Форсайтах», «Хождение по мукам» и др.

В подростковом возрасте особое место в моем чтении играли книги Дж. Лондона, в чем, видимо, повинен мой повышенный с детства интерес к природе, животным, которые занимали видное место в творчестве этого удивительного писателя. На меня большое впечатление произвели две повести о собаках – «Джерри островитянин» и «Майкл – брат Джерри». В последней книге Дж. Лондон жестко обличал цирковую дрессировку животных, которую изображал как их постоянное мучительство, а рассказы о применении дрессировщиками ласки, лакомств – как широко распространенный миф. Отчасти под влиянием этой книги, но и в результате собственных наблюдений, я возненавидел любые формы цирковых номеров с животными, практически не посещал цирк и не водил туда ни сына, ни внуков. В последние годы с аналогичным мнением в отношении не только разных видов лошадиного спорта, но и всей истории использования человеком лошадей, выступал известный телеведущий, основной автор известных «600 секунд» А. Невзоров, оставивший телевидение и увлекшийся лошадьми. Он доказывает, что при определенной дрессировке лошадью успешно можно управлять без удил, доставляющих лошадям страшные мучения.

С детства я проявлял способности к рисованию, рано начал писать маслом. После 7-го класса даже поехал самостоятельно (путной машиной до станции Барыбино, потом «местным» поездом в Москву) поступать в топографический техникум, где требовались навыки рисования, но раздумал, и рисование и живопись остались

моим не очень активным хобби. Специально рисованию я никогда не учился, но все же некоторые мои вещи, как мне кажется, весьма неплохие. До сих пор у нас в квартире висит небольшая картинка маслом, написанная в ранние студенческие годы, – букет васильков и ромашек, о которой один знаток живописи сказал: «а я думал, что это какая-то вещь старых мастеров». В тот мой приезд в Москву я жил в студенческом общежитии МГУ на Стромынке, куда меня поселил в свою комнату Евгений Москвичев, тогда еще жених, а потом муж моей сестры Зои. Я прожил в общежитии около недели и на всю жизнь сохранил в памяти ту неповторимую послевоенную атмосферу, царившую в студенческой среде. Как и Евгений, многие студенты – фронтовики, в том числе с ранениями. Мне запомнились их лица, одухотворенные, приветливые, сильные, независимые. Во дворе общежития находилась спортивная площадка, где Евгений, несмотря на страшное ранение в области лопатки, крутил на турнике «солнышко», разрабатывал, корчась от боли, вопреки назиданиям врачей, высохшую от ранения руку. В комнату заходили его друзья, просили спеть, и он пел под гитару прекрасным басом, причем его серьезный репертуар включал романсы, народные песни, арии из опер. Они внимательно беседовали со мной, советовали уехать домой и продолжать учиться в школе, закончить десятилетку. Вероятно, после этих бесед я забрал документы, уехал домой и пошел в 8-й класс. В нашей деревне тогда уже не было десятилетки, она имелась в районном селе Малино в 15 км, поэтому мне пришлось жить в общежитии (в комнате нас жило четверо) и домой приходить в субботу на воскресенье.

Весна 1949 г. – новый, радикальный этап моей жизни и всей судьбы. В конце 8-го класса мы с мамой переехали в подмосковный г. Калининград (ныне Королев, станция Подлипки), где жила сестра Зоя. Причина этого срочного переезда – Зоя должна была родить, и без помощи мамы едва ли смогла бы успешно работать с ребенком на руках. При истовой, беззаветной увлеченности профессией (другие варианты, например, отдать сына в ясли, нанять няню, исключались), она хотела всю себя отдавать работе. Зое дали одну комнату в трехкомнатной квартире (в двух других жили еще две семьи по 3–4 человека). В эту комнату площадью, кажется, 15 м², мы и переселились вчетвером. Кроме того, регулярно приезжал Евгений, муж Зои. В те времена все студенты геологи вместе с преподавателями участвовали в разнообразных экспедициях по всей стране, которая тотально обследовалась на предмет поиска и разра-

ботки методов добычи полезных ископаемых. Женя был не просто геолог, а геофизик, ближе стоящий к конкретным технологическим разработкам. Помню его поздние осенние неожиданные возвращения в тулупе, с огромными рюкзаками, с 1–2 товарищами, в нашу единственную комнату. Сколько радости, восторгов, срочное мытье в ванной, а потом – подручная закуска, выпивка, раскладывание на ночь. Все это было с шутками, с весельем, если не очень поздно – с песнями. Но имелся и недостаток этой бурной жизни – геологи быстро, еще студентами, накрепко привыкали к выпивке, к застолям, семейным и не только. После окончания института они все оставались друзьями. Через несколько лет многих из них направляли на работу уже не только в полевые экспедиции, но и в различные учреждения, министерства, на добывающие предприятия. Специальность геолога была очень популярна, и для поступления в институты нужно было выдерживать очень высокий конкурс. После войны разработка недр шла ускоренными темпами и буквально по всей России, невзирая на бытовые условия. Именно с такого варианта тогда начинали все молодые семейные специалисты самых разных профилей.

Я на этом заостряю внимание потому, что это тогда считалось вполне нормальным, не считалось чем-то очень сложным, убогим. Я очень хорошо, во многих деталях, наблюдал атмосферу жизни молодых специалистов того времени. Все поголовно были глубоко преданы работе, жили весело, даже с разгулом, постоянным весельем, с серьезными увлечениями, спортом (например, Зоя – волейболом), театром, разными формами самодеятельности в секциях Домов культуры и т. д. Постоянно собирались вместе по поводу дней рождения, разных праздников, пели хором, у нас особенно – под гитару. Женя практически профессионально пел и играл на гитаре, с глубоким вкусом подбирая богатый репертуар, вплоть до сцен из опер. Все наши гости, в основном сослуживцы Зои, были такие интересные, открытые, неординарные люди. Помню одного из них, специалиста по подготовке космонавтов к полету, и именно он готовил Ю. Гагарина. Но самое главное, все понимали, что эти стеснения, однокомнатная жизнь – явление временное. По прошествии 2–4 лет жилье расширялось, прибавляли комнаты, давали отдельные квартиры. Такая же атмосфера жизни была и в других сферах и компаниях, где я, а потом мы с Ниной бывали – у учителей, инженеров. Царил дух оптимизма, надежд и, самое главное, увлеченности работой, избранной специальностью. Я здесь умышленно не пишу о другой стороне жизни моей страны, о лагерях, репрессиях, которые не коснулись нашей семьи, и о которых в те годы я знал слишком мало. Для меня это совсем другой вопрос, в

который сейчас привнесено слишком много того, с чем я в корне не согласен. О некоторых таких вещах я скажу ниже.

В калининградской школе, по всем параметрам сугубо городской и даже московской, я сразу почувствовал заметную разницу между мной и одноклассниками, которые были более раскованными. Не сказал бы, что более развитыми интеллектуально и более «начитанными», но все же, явно более уверенными, иногда развязными. Некоторые из них уже в открытую дружили с девочками (8 класс), гуляли вдвоем по городу, ходили на каток, на танцплощадку, в спортсекцию. Спортом занимались почти все, многие серьезно. Меня сразу прозвали «Иванычем» с явным намеком на редкость в городе этого имени, подсмеивались, но не зло. Я подружился с несколькими из них, в основном на почве волейбола и коньков (хождение на каток тогда было повальным увлечением). Помню имена некоторых – Саша Фалалеев, Макс Ситников. Сначала на уроках я был незаметен, меня мало спрашивали, а сам я редко поднимал руку, иными словами – типичный малозаметный середняк. Неожиданно мой «статус» в классе изменился. Наша «биологичка», помню имя – Полина Васильевна, дала письменное задание, сочинение на тему классификации и многообразия форм растений и животных, с упором на то, что сделали в биологии К. Линней и Ч. Дарвин (сейчас этот аспект биологии принято называть «биоразнообразием»). На следующем уроке она положила на стол проверенные работы, молча взяла одно из них и стала читать. Это было мое сочинение. Прочитав его, она сказала, что вот как надо уметь мыслить и находить интересное в таких, казалось бы, простых вопросах. Хорошо помню, что для многих ребят это было неожиданным и не совсем понятным, так как о моем увлечении биологией я ни с кем не говорил. Но в 1952 г. в разгар пропаганды решений сессии ВАСХНИЛ 1948 г. при сдаче экзамена по дарвинизму за 9-й класс Полина Васильевна осталась недовольна моим «самодельным» ответом на тему учения О.Б. Лепешинской о самозарождении живого вещества. Я ведь пропустил по болезни полтора года и ничего не знал об этих новшествах в школьной программе по биологии. Но все же, она поставила мне высшую оценку, никак это не прокомментировав. Вероятно, повлияло то, что я ей говорил о моем желании стать биологом.

Из школьных калининградских впечатлений в моей памяти сохранилось еще одно. При общении с ребятами я часто слышал слово «отец», бывал в домах, где были отцы. Это вызывало у меня странное чувство, недоумение, желание переспросить. Ведь за время войны в деревне это слово практически исчезло, почти никто их деревенских мужиков не вернулся (мой отец умер в 1943 г., отец

моей будущей жены после ранения в 1942 г.). Сейчас часто говорят и пишут о том, что войну выиграли трупами крестьян. В городах, особенно крупных промышленных, многие специалисты, в том числе рабочие, имели «бронь», а в подмосковном Калининграде – тем более, ведь на его заводах проектировали и создавали пушки и ракетные установки (кроме ведомства Н.П. Королева в этом городе базировался пушечный завод, в связи с которым упоминалась фамилия В.Г. Грабина). Звуки испытания ракет и пушечные выстрелы мы слышали постоянно.

В Калининграде с очень высоким уровнем развития спорта, я увлекся волейболом, коньками, но мои деревенские спортивные навыки явно тускнели на фоне многих ребят, интенсивно занимавшихся в различных спортивных секциях. Катание на коньках было повальным увлечением. Каток, заливаемый на футбольном поле, освещался большим количеством ламп и содержался в отличном состоянии. Днем на нем обычно работали секции, проходили соревнования, особенно популярен был хоккей с мячом, или русский хоккей. А по вечерам он до отказа заполнялся молодежью. Кто-то лихо носился по кромке катка на беговых коньках (их давали и на прокат), другие катались взявшись за руки – шеренгой в несколько человек, многие – парами с девушками, постоянно играла музыка.

Однако мое увлечение коньками закончилось печально. После сильного ушиба бедра при падении на лед я заболел костным туберкулезом, причиной которого, очевидно, было ослабление организма, недоедание в военное время и предыдущее падение с дерева в деревне, о котором я уже упоминал. Меня очень неудачно, если не сказать хуже, пытались лечить в калининградской больнице, где специалистов по этой болезни не было: заковали в гипсовый «тутор» от пояса до стопы правой ноги и оставили лежать дома (сказали, что главное – покой, не шевелить ногой и пить лекарство под названием «паск»). Так я пролежал около 3 месяцев в одной комнате вместе с мамой, сестрой и маленьким племянником. Мама была неопытной в таких делах, Зоя – тоже, они не знали, куда надо обращаться, одним словом – «деревня». Наконец мама догадалась поехать посоветоваться к своему брату Филиппу, директору московского мукомольного завода. И вот такое удачное совпадение. Оказалось, что он по профсоюзным или партийным делам был близко знаком с директором Центрального туберкулезного института, располагавшегося у станции Яуза, профессором Зинаидой Александровной Лебедевой, которая специализировалась по детскому костному туберкулезу. Помню, мама, вернувшись от дяди Филиппа, рассказывала, как он на нее кричал: «Манька! Дура деревенская, что же ты сразу не сообщила?». Буквально через день приеха-

ла на машине бригада санитаров, и меня поместили в костное отделение этого института, где я пролежал полтора года. У меня шел сильнейший процесс в тазобедренном суставе («коксит»), требовавший интенсивного лечения. Тогда только начинало развиваться лечение антибиотиками, и два раза в день в течение полутора лет мне делали уколы. И в течение года я был абсолютно лежачим. Лежал в сделанной по форме тела гипсовой «кроватьке», из которой только раз в неделю меня, не нарушая горизонтального положения, носили в банную комнату для мытья. Когда я, наконец, стал вставать, пришлось в течение нескольких дней привыкать, начиная с одной минуты, к вертикальному положению и учиться ходить, на костылях. В результате, я пропустил в школе конец девятого и половину десятого классов и потому отстал на год с окончанием школы.

Не могу сказать, что это время следует считать полностью потерянным для моего развития. Скорее наоборот. Атмосфера в больнице, не только медицинском, но и научном учреждении, была прекрасная, в работе врачей, сестер, нянечек мы видели энтузиазм, преданность делу. Витала атмосфера всеобщего интереса ко всему новому, к знаниям, больные чувствовали свое участие в изучении медиками их болезней. Никаких разговоров об оплате, о деньгах. Мы постоянно чувствовали внимание к себе не только как к больным. Для нас и персонала организовывали концерты, приглашали известных актеров. Например, помню блестящую народную артистку СССР Е. Гоголеву. В институте была хорошая библиотека, и библиотекарь ходил по палатам, развозя в тележке книги. По вечерам нас, не ходящих, свозили на кроватях в одну комнату для просмотра наиболее интересных передач по телевизору. В основном показывали знаменитые фильмы, в том числе такие боевики того времени, как трофейный «Тарзан», различные пьесы центральных московских театров, оперы, а также концерты, составленные из номеров выдающихся певцов и драматических артистов, таких как И. Ильинский, Н. Охлопков, А. Ливанов. Из певцов особенно запомнились, живо обсуждались всеобщие любимцы и объекты обожания – такие гиганты выдающейся плеяды Большого театра, как Н. Обухова, басы М. Михайлов, А. Пирогов, Б. Гмыря (Киев), И. Скопцов. Чрезвычайно популярными были теноры И. Козловский, С. Лемешев, М. Александрович.

В одной из женских палат Института лежала очень красивая дама с туберкулезом коленного сустава. Она оказалась женой знаменитого летчика, героя Советского Союза А. Маресьева, прообраза А. Мересьева – героя романа Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке». Он навещал ее раз в неделю, каждый раз привозил вареную

курицу, что я наблюдал неоднократно, когда нас всех вывозили на кроватях на веранду. Вот было такое совпадение, он без ног, у нее – туберкулез в колене, который, правда, сумели хорошо залечить, так что к выписке она практически не хромала.

В связи с моей больничной эпопеей не могу не вспомнить еще раз добрым словом дядю Филиппа. Как я уже писал, его отец, мой дед, потомственный крестьянин, освоил мукомольное дело и работал «крупчатником» на мельницах. Оба его сына продолжили дело отца и стали высококвалифицированными специалистами мукомольного дела, один – вплоть до директора мукомольного комбината имени Цурюпы, другой – до начальника цеха. Но у дяди Филиппа судьба сложилась трагично. Он женился на красавице из интеллигентной семьи. Но жена, еще очень молодой, заболела странной неизлечимой болезнью: у нее постепенно, начиная с концов пальцев, стали отниматься конечности и другие части тела, и это длилось почти 15 лет.

Подойдя ко времени окончания школы, хочу, забегаая вперед, высказать мое мнение о среднем образовании у нас в стране в период моей учебы, т. е. в 40–50-х годах. Несмотря на то, что я весьма посредственно учился по основным предметам (математика, физика, химия), у меня осталось самое светлое впечатление о школьных годах. Я с глубокими симпатиями вспоминаю многих учителей, их увлеченность работой, доброжелательность, преданность профессии. В школах существовал культ любимых учителей. Это ярко показано в фильме «Доживем до понедельника», правда, с некоторыми поправками на совместное обучение (в наше время в городах были отдельные мужские и женские школы). Обычно у каждого класса был любимый учитель, часто – женщина. Причем, чаще это относилось к учителям более строгим, требовательным. В нашей деревенской школе любимицей стала новенькая молоденькая «биологичка», а в Калининграде, в мужской школе – солидный основательный, очень строгий и ироничный литератор Смирнов. Сейчас, когда я «посмотрел мир», мне ясно, что у нас, в Советском Союзе, была создана уникальная, одна из самых лучших, а может быть самая лучшая в мире и эффективная в отношении развития личности, «ума и характера» система школьного, то есть среднего образования, наверное с некоторыми недостатками в смысле привития навыков и устремленности в будущую самостоятельную профессиональную жизнь. Бытовал культ чтения, чему кроме огромной прекрасно организованной сети библиотек, распространявшейся на деревни и малые поселки, способствовало снабжение книгами самых отдаленных уголков огромной страны, изолированных стан-

ций и различных пунктов. И дело не в обязательности среднего образования, а именно в его эффективности. В связи с этим вспоминаю один эпизод из моих зарубежных поездок. В университете американского города Сиэтла (это был 1989 г.) меня познакомили с историком, который занимался историей России. Он стал меня спрашивать о нашей стране, разговорились и долго беседовали, все по поводу истории и уже не только России. Помню, что речь шла о широко известных событиях, о Пугачевском восстании, Петре Первом, Екатерине, французской революции, Наполеоне, Грюнвальдской битве, о Марии Стюарт и т. д. Чувствовалось, что ему интересна наша беседа. В конце, когда меня стали торопить мои спутники, он вдруг спросил: какое у меня образование? На мой ответ, что я – биолог, окончил биолого-химический факультет, он пояснил, что его интересует мое историческое образование. И долго не мог понять меня, изумлялся, когда я ему стал объяснять, что у меня по истории не было ничего более, чем общеобразовательная школа в одной из деревень огромной России. Потом, вспоминая этот разговор, думал: а ведь я действительно после окончания школы специально не интересовался историей, не считая эпизодического чтения исторических повестей или романов. И вот почти на равных побеседовал со специалистом, да так, что ему тоже было интересно.

Из своих увлечений, кроме связанных с природой и биологией, я в первую очередь назову живопись, в основном – русские художники и иконопись, но также – импрессионисты. Долгие годы собирал книги-альбомы по искусству. Очень любил и пытался познать глубже театры. Особенно близки были – Современник, Таганка, МХАТ, Вахтангова в периоды их бурного роста и поисков нового стиля. Но на них все же не хватало времени. Уже в более зрелом возрасте на несколько лет серьезно заинтересовался русской глиняной расписной игрушкой, собрал вместе с женой весьма представительную коллекцию.

Еще несколько слов о системе среднего образования, в частности о специальном: ремесленные училища, ПТУ, детские дома. В 30–40 годы существовали особые формы – трудовые коммуны с тюремными элементами. В 6 км от нашей деревни находилась такая трудовая коммуна, директором которой был С. Калабакин (персонаж С. Карабанов в книге А. Макаренко «Педагогическая поэма»), чей сын погиб от рук воспитанника. Нас туда водили классами, и я помню, как удивляли и привлекали порядок, дисциплина, ухоженная территория, раскованность, веселость и спортивность ребят, которые обыгрывали нас и в футбол, и в прыжках, и беге, и в плавании и т. д. Сейчас об этом нужно говорить особо, понимая последствия уничтожения системы ПТУ, ремесленных училищ. Хорошо

помню, как их начали организовывать в 40-х годах. Конечно, имелись и отрицательные последствия, Молодежь нашей деревни буквально ринулась в Москву поступать в «ремеслуху», тем самым снижая профессиональный уровень работников периферийных и сельских производств. Но это уж слишком сложный вопрос – какой «хрен слаще редьки». И уж совсем иная история – разорение системы среднего профессионального обучения в 90-х годах XX века. К сожалению, не все мы понимаем, что это – трагедия нашей страны, может быть даже умышленно организованная.

В 1953 г. я окончил мужскую школу города Калининграда. Несмотря на раздельное обучение, выпускной вечер у нас был совместный с женской школой. На нем я познакомился со своей будущей женой Ниной Барабановой, которая под села ко мне, возможно, потому, что я передвигался с помощью костылей. Оказалось, что она, как и я, мечтает стать биологом, заниматься, как она сказала, физиологией высшей нервной деятельности. Потом со специальностью получилось иначе. Сразу после знакомства на вечере одновременно с подготовкой к поступлению в институт мы стали часто встречаться. Кроме интереса к биологии сразу возникли взаимные чувства. Гуляли по вечерам в ближайших окрестностях нашего города Калининграда, в основном в так называемом Комитетском лесу. Сейчас он застроен, но одна из улиц сохранила название «Комитетский лес». Много ходили по музеям, в театры, с трудом, но доставали билеты в Большой. По праздникам бывали на студенческих вечеринках, главным образом с моей группой. На третьем курсе мы поженились.

Школьницей Нина была в московском литературном кружке, настолько увлекалась литературным творчеством, что ее статья была опубликована в одном из журналов, точно не помню. Она очень неохотно рассказывала об этом периоде своей жизни. И вот почему. Кружковцы чуть не затащили ее в политическую историю. Они обсуждали политику и поведение Сталина, сравнивали его высказывания и сочинения с трудами классиков марксизма, рассуждали об ошибках и извращении марксизма. Сталину эти ребята противопоставляли Троцкого, которого, напротив, восхваляли, пытались распространять его труды. Насколько я знаю, позднее во многих европейских странах появились молодежные объединения, открыто именовавшиеся троцкистскими. Но Нина, будучи очень умной, проницательной и уже чрезвычайно начитанной, сразу отметила для себя и высказывала кружковцам, что обличая Сталина, они избрали своим кумиром Троцкого, о котором она уже тогда знала, что тот – головорез почище Сталина. Как и я, она по своему характеру и убеждениям была абсолютно чужда партийности. Естественно, что кру-

жок выследили, и начались беседы «органов» и даже аресты. Неизвестно, чем бы это кончилось для Нины, но она заболела воспалением легких, оказалась в больнице, где ее посетил молодой человек, явно следователь. Оказалось, что в это время нескольких ребят из кружка арестовали и даже сослали. Для нее все обошлось, возможно потому, что в это дело вмешался ее дядя, член партии с 1918 г., но он ничего ей об этом не сказал. Из ее рассказов я помню имя Сусанна, из числа кружковцев, которая, кажется, появилась в Москве в 80-х годах и, кажется, звонила Нине. Кстати, по поводу Троцкого. Позже я не раз слышал и читал, что он популярен и даже слышит кумиром некоторой части молодежи и не только в России, но и в Европе. Уже позже в «перестройку» мне приходилось слышать такие пассажи от моих друзей, например от Дани Бермана: «Я полностью приму «перестройку», когда реабилитируют Троцкого». После подобных пассажей я стал резко менять характер своих отношений с моими научными коллегами и друзьями. Изменился стиль жизни в нашей квартире, в которой ранее постоянно бывали гости со всей России, ночевали. По нашей вине их становилось все меньше. Потом некоторые из них недоумевали, обижались на меня.

С Ниной мы прожили вместе 53 года. Она была очень цельной и яркой натурой, наделенной от природы мощным, строго логическим умом и поразительной работоспособностью. Она умела и любила работать, причем делать все быстро, с удовольствием, с огромной отдачей, будь то разбор почвенных проб, определение численности мельчайших почвенных животных, сидение за микроскопом, писание научных статей, чтение лекций, создание учебников. Но вместе с научной работой – шитье, вязание, вышивание, например, рубашек, которые носили я и сын Иван, а также огромных ковров, диванных покрывал, вязаных шерстяных и мохеровых пальто. Наряду с этим – сбор ягод, например, облепихи, и в таких количествах, которые по моим представлениям в одиночку собрать никому не было под силу. Любила чистить картошку – результат быстро виден! В последние годы жизни увлеклась дачными, в основном цветочными делами. В течение нескольких лет Нина создала на нашей даче внушительный цветник.

Всю жизнь она с упоением работала и много делала. Написала более 10 учебников, из которых некоторые многократно переиздавались и переведены на другие языки. Из них наиболее известны – «Общая экология» для вузов и особенно «Основы экологии» для школ, который выдержал около 10 изданий и по сей день служит основным школьным учебником экологии. Подготовила 37 кандидатов наук. Выполняла огромный объем работ по организации преподавания в стране экологии и дарвинизма. Долгие годы была пред-

седателем Учебно-методической комиссии СССР, потом России, членом многих других комиссий и оргкомитетов. Уже в зрелом возрасте, в 1990-х годах, читала лекции по экологии и дарвинизму одновременно в трех вузах. В 2001 г. стала лауреатом премии Президента в области образования. Ее деятельность отражена в нескольких некрологах, опубликованных в «Зоологическом журнале», в международном журнале «Pedobiologia», «Известиях РАН», «Журнале общей биологии», «Русском энтомологическом журнале».

Нашему с Ниной сближению, несомненно, способствовал общий интерес к биологии, а потом в студенчестве – уже и к почвенной зоологии, к коллективу и трудам школы М.С. Гилярова. Судя по началу наших отношений, это могло закончиться характерным среди ученых-естественников вариантом, таким как в парах Л.Е. Родин – Н.И. Базилевич, И.П. Герасимов – М.А. Глазовская и др., то есть тем вариантом, когда вся основная работа держится на женщине, а мужчина считается лидером, пожинает основные успехи и «лавры» научного руководителя (научной школы, института и т. д.). Но, несмотря на гораздо более мощный научный ум и высокую работоспособность Нины, мы быстро и очень далеко разошлись тематически, по объектам и стилю мышления. Меня потянуло в хорологический и биогеографический аспекты. Нину – вглубь, в процессы, в детали, у нас так и не получилось ни одной совместной работы. Но все же забавный курьез в этом плане был. Сразу после кандидатской меня стали приглашать на всякие должности и в разные учреждения, в редколлегии журналов, лаборатории, на кафедры. Например, известный энтомолог Е.С. Смирнов – на кафедру энтомологии МГУ (см. ниже). В результате, проработав десять лет в педагогическом институте, я по приглашению руководства ИЭМЭЖ им. А.Н. Северцова оказался в почвенно-зоологической лаборатории М.С. Гилярова, профилю которой, безусловно, более соответствовала Нина. Почему он это не разглядел – загадка. Как почвенный зоолог и как руководитель конкретных и концептуальных разработок в этой области и по потенциалу для развития лаборатории и всей школы почвенной зоологии, созданной М.С. Гиляровым, Нина была на голову выше меня. После его смерти она была бы идеальным преемником заведующего лабораторией. Для подтверждения этого следует добавить, что через несколько лет при поддержке М.С. Гилярова я вышел из лаборатории почвенной зоологии и организовал новую лабораторию иного профиля, а Нина до конца своих дней проработала в системе педагогических вузов, где проявились ее выдающиеся способности ученого, педагога, руководителя. Кроме кафедры зоологии и экологии Московского государственного педагогического института она работала еще на ка-

федрах двух других институтов, одну из них, кафедру экологии в Московском международном политологическом институте, она сама организовала и заведовала ею в течение нескольких лет, а потом передала своей ученице Н.А. Кузнецовой.

Раз уж я коснулся темы Я и Нина, затрону еще один вопрос – различий наших характеров. Она и я – выходцы из деревни, из семей служащих, отцы – учителя. Мы очень рано лишились отцов. Наши семьи долгое время жили скромно (война, послевоенное время, 50-е годы), экономя буквально каждый рубль. Но все же на протяжении всей нашей жизни мы постоянно расходились по многим вопросам, обычно с легким подтруниванием и шутливыми намеками на черты характеров, когда речь шла о трате денег, покупках вещей, о подарках, всяких развлечениях и времяпровождениях. У Нины было постоянное стремление к экономной простоте, несколько нарочитой скромности, не к мелочному расчету, а к здоровому рационализму. На этой ее черте, по сути, и держалась вся «экономика» семьи. У меня же постоянно проявлялись противоположные качества – элементы некоего расточительства, «аристократизма», стремления показать своего рода «шик». Так, даже защиту кандидатской диссертации (1962 г.) при зарплате ассистента я решил отпраздновать с коллективом кафедры, оппонентами, друзьями (около 30 человек) в ресторане «Арагви», в то время одном из самых популярных и шикарных в Москве. Конечно, помогли Зоя и ее муж Женя. В последующем походы в лучшие рестораны Москвы, например в «Националь», стали моей постоянной забавой. Потом я увлекся шитьем очень хороших костюмов в ателье «Люкс», куда надо было занимать очередь (в несколько месяцев) или организовывать протезирование через знакомых и друзей у лучших закройщиков. В моем случае это сделала «приятельница» Бориса Анатольевича Тихомирова Ирэн Певзнер, которая была хорошо знакома с одним из самых известных закройщиков Москвы Шафраном (ателье близ Столешникова переулка). Дополнительно в таких случаях платили немного – 25 рублей. Шить платья в этих ателье и выбирать закройщиков я постоянно заставлял и Нину. Во время зарубежных поездок и плаваний я постоянно покупал самые дорогие вещи, например – шикарные кожаные и замшевые пиджаки для себя и куртки для Нины. По поводу этих моих замашек и об их возможных истоках мы постоянно шутили.

С характером Нины все более или менее ясно, во всяком случае, для меня. Это четко выраженный психологический тип, детали которого отчетливо увязаны друг с другом, с разнообразными особенностями окружающей жизни (семья, служба, друзья, увлечения и т. д.). Причем – все в законченной форме. Это – тот случай, когда

в человеке все его окружающие сразу видят притягательные положительные качества, хотят быть поближе, что-то получить. Нет смысла перечислять всех друзей и учеников Нины, достаточно посмотреть групповые фото на ее днях рождения и особенно юбилеях. Они действительно «слетались» со всей страны и даже из-за границы. Из множества десятков учеников, кандидатов и докторов наук я не знаю ни одного, который бы отошел в сторону, не напоминал бы о себе постоянно в течение многих лет. И это при том, что Нина как руководитель ни в коем случае не была «добренькой», покладистой, скорее – жесткой, требовательной, настойчивой. При ее лиризме и внутренней мягкости, когда дело касалось профессии, науки, преподавания, она всегда стремилась «выжать» все, что только можно из автора научной работы. Из всех своих учеников она больше других любила Зару Тарба, декана, а потом ректора абхазского университета. Очень радовалась когда Зара приезжала в Москву и жила у нас по несколько дней.

Когда я вспоминаю эти нюансы нашей семейной жизни и отношения с друзьями, коллегами, у меня постоянно возникает вопрос об особенностях моего характера, который очень отличался от характера Нины. Уж очень он у меня был неопределенный, может быть даже не мужской. В сфере научной работы у меня масса недоделанного, незавершенного, брошенного и забытого, того, на что в прошлом положил много сил, и что было связано с увлечением, энтузиазмом. Пример – начатые и далеко продвинутые монографии по синэкологии лесостепи, полупустыни, по структуре травостойного комплекса, по питанию птиц Арктики, незаконченная переработка для второго издания «Жизни тундры» и т. д. При всем нашем сходстве общих взглядов на жизнь у нас было много мелких различий, например, в отношении к деньгам. Нина их умела накапливать в разумных пределах, а потом рационально тратить. Так, начиная с 1976 г. мы купили четыре кооперативные квартиры (трехкомнатную, две двухкомнатных и одну однокомнатную). И это все благодаря рачительности Нины. Нас сильно разнило это отношение к деньгам, она часто с юмором называла меня – «купчиком», имея в виду мою склонность покупать вещи помоднее, подороже. Со временем я привык ходить только в самые лучшие и известные в Москве парикмахерские, где выбирал «своего» мастера, к которому, как правило, была постоянная очередь (часа на 2–3). Любимым моим рестораном стал «Националь», в котором я постоянно видел за столиками некоторых знаменитостей, например поэта Михаила Светлова, органиста Гарри Гродберга и др. Нина не раз мне сообщала о репликах ее приятельниц: «Видели твоего Юрку, ну, он у тебя и выглядит, и костюм, и прическа. Это ты его направляешь в этих делах?».

Хочется вспомнить о застольях, о винных пристрастиях и предпочтениях периода нашей молодости. Как выходец из деревенского детства, я в студенческие годы совсем не разбирался в алкогольных напитках. Но первые же пирушки стали моими «университетами» в этом деле. На втором курсе собрались на квартире одной из студенток нашей группы в Балашихе отмечать 7 ноября. Пригласили и Эдика Коренберга, будущего крупного медицинского зоолога, с которым мы подружились, потому что оба интересовались научной литературой, которую мы разыскивали в букинистических магазинах, регулярно совершая их объезды после получения стипендии. На этот раз нам поручили обеспечить выпивку. Он привел меня в винный магазин в знаменитом Столешниковом переулке. Это был роскошный магазин, в котором имелись все марки вин СССР. Эдик со знанием дела стал выбирать вина, замелькали незнакомые для меня названия Твиши, Тетра, Киндзмараули, Саперави, Гурджаани, Цинандали, полусладкие, сухие и полусухие. Сразу замечу, что вина тех времен – натуральные, полностью соответствующие этикетке, которые сейчас напрасно пытаться найти в московских магазинах (названия эти сохранились, но этикетка наверняка не будет соответствовать содержанию). На вечеринке реакция девиц моей группы была однозначной: что вы накупили – кислятина сплошная, ничего приличного нет (имелся в виду хотя бы портвейн или вермут). Прошло совсем немного времени, и уже к третьему курсу я знал основные московские винные магазины, какие вина и к каким блюдам подают в ресторанах, например в «Арагви», – к цыплятам табака только Гурджаани, в «Национале» – всегда были сухое Цинандали и полусладкое Киндзмараули. На днях рождения в нашей квартире красовался ассортимент из прекрасных грузинских вин и настоящий армянский коньяк. Одним словом, я стал неплохим знатоком и ценителем не только одежды, костюмов и пальто, но и алкогольных напитков.

К тому же я, как говорят, научился «правильно» пить, без внешних признаков опьянения. Лишь однажды, когда на дне рождения нашей самой бойкой однокурсницы Зои Яроцкой, который справляли в общежитии, одному из участников застолья стало плохо, я стал его «лечить», по интуиции, вызвал рвоту и т. д., после чего ко мне один за другим стали подходить с одобрением, с выпивкой. В результате Нина, которая также была на вечеринке, буквально на себе тащила меня до электрички, потом в Подлипках до дому. Это был единственный в моей жизни случай сильного опьянения.

Но вернусь к последовательному рассказу о моей жизни. Окончив школу, в 1953 г. я, конечно, мечтал о биологическом факультете Московского университета, но осознавал, что вернувшись из больницы за три месяца до вступительных экзаменов, пропустив вторую половину девятого и первую десятого классов, сдав экзамены за 9-й класс, по сути, экстерном, передвигаясь с помощью костылей, я едва ли имел шансы успешно сдать экзамены. Поэтому я решил поступать на биолого-химический факультет Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской (МОПИ), второго по рангу педагогического вуза Москвы. Весь первый курс я ходил на костылях, ездил до Москвы ежедневно на электричке, более того, ходил на свидания с Ниной, бывал на студенческих пирושках. Кстати, Нина тоже мечтала о биофаке МГУ, хотела заниматься физиологией высшей нервной деятельности. Она все годы учебы в школе была круглой отличницей, но на выпускных экзаменах, допустив одну ошибку в письменном задании по геометрии, получила не золотую, а серебряную медаль. В университете ей сказали, что все вакансии на серебряных медалистов уже заполнены, и ей надо сдавать экзамены. Поэтому она также решила поступать в педагогический, но в более престижный Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина (МГПИ).

Костыли я бросил после окончания первого курса на полевой практике, некоторое время ходил с палкой, а потом, несмотря на хромоту (анкилоз, т. е. неподвижность, правого тазобедренного сустава), уже почти не ограничивал себя ни в чем, даже играл в волейбол. А спустя некоторое время в полную силу работал в полевых условиях в экспедициях от Арктики до тропиков, увлекался охотой, в том числе зимней и осенней на зайца, когда нужно было проходить по заснеженным полям большие расстояния.

В первую экспедицию я поехал в 1957 г. с орнитологом С.М. Успенским. Это была серьезная и трудная поездка на Югорский полуостров и остров Вайгач. С перемещением на собаках, впрягшись в сани, вдвоем, с ночевками в палатке. После этой экспедиции я «заболел» Арктикой (бытовало тогда такое выражение), и не только Арктикой, а вообще полевой работой. В последующем было много экспедиций на машинах и стационарные многолетние работы в лесостепи, степи, пустыне и полупустыне, на самолетах и вертолетах – в российскую и американскую Арктику (острова Элсмир и Девон), на морских судах – по малым океаническим островам, атоллам, тропическим лесам и т. д. О некоторых деталях этих поездок я скажу ниже.

Атмосфера на биологическом факультете МОПИ была прекрасная, доброжелательная, я буквально наслаждался вниманием, расположением преподавателей, лаборантов. По линии студенческого научного кружка мы устраивали зимние выезды в «поле», в различные районы Подмосковья, когда приходилось проходить большие расстояния. В дружном веселом студенчестве витала атмосфера надежды, веры в будущее. Сказывался послевоенный социальный настрой страны. Институт я окончил в 1958 г., и меня оставили в аспирантуре при кафедре зоологии. В моем педагогическом институте в то время работали первоклассные преподаватели и крупные ученые. Один из них – бывший профессор МГПИ Владимир Францевич Натали, известный генетик, был отстранен от занятий генетикой после 1948 г. (в чем активную роль сыграл известный зоолог С.П. Наумов) – в середине 50-х годов стал профессором МОПИ, где блестяще преподавал зоологию беспозвоночных. Он стал моим наставником, старшим другом и близким человеком до самой его смерти. Он вел прекрасный спецкурс «Проморфология», основанный на трудах В.Н. Беклемишева. Рисую цветными мелками на доске, В.Ф. Натали разбирает детали морфологии разных групп беспозвоночных с позиций их филогенетических отношений и уровня эволюционного развития. Этот курс дал мне возможность почувствовать притягательность концептуального мышления, зародил вкус к обобщениям и теоретическим построениям. В.Ф. Натали ввел меня в круг генетиков, с некоторыми из них (В.В. Хвостовой, В.В. Сахаровым, Б.Н. Сидоровым) я встречался на праздничных ужинах, на днях рождения в его квартире (он жил на Ново-Песчаной улице). И параллельно с основной работой в области зоологии, будучи аспирантом, а потом ассистентом, я стал преподавать основы классической генетики, сначала в курсе дарвинизма, а потом в виде специального курса генетики (вместе с профессором кафедры, медицинским энтомологом О.Н. Сазоновой), одного из самых первых (после 1948 г.) таких курсов в пединститутах. Организовал биологический семинар, на котором выступали известные генетики, например В.В. Сахаров. В 1959 г., в связи со столетием выхода в свет «Происхождения видов» Ч. Дарвина мне удалось вместе с Владимиром Францевичем попасть на юбилейное собрание Академии наук СССР, которое вел президент Академии наук СССР А.Н. Несмеянов. Главным докладчиком был академик Е.Н. Павловский, который выступал в генеральской форме. На портретах с «ежиком» на голове и круглым лицом он воспринимался маленьким, а оказался крупным, внушительным, с мощным загривком, весь какой-то «блестящий», как назвал его один из выступавших представителей английских биологов. Запомнилось, что в своем докладе Е.Н. Пав-

ловский произносил слово «видов» с ударением на второй слог. В нашем институте также проходило заседание Ученого совета, посвященное этой дате. В.Ф. Натали сделал прекрасный доклад с упором на механизмы наследственности, после которого со стороны философов посыпались вопросы и выступления, обвинявшие его в отступлении от творческого дарвинизма и диалектического материализма. Я выступил в защиту позиций Владимира Францевича, и, когда вернулся на место, сидевший рядом мой приятель Эдик Коренберг (теперь он известный ученый) сказал: «ну, теперь тебе будет...». Через несколько дней мне нужно было сдавать аспирантский экзамен по философии. Достался вопрос о взаимосвязях наук, о роли физических и химических законов в биологии. Принимавший экзамен профессор присутствовал на том заседании, и у нас сразу возник спор по поводу роли физики и химии в биологии и о генетике. В результате он мне поставил, не помню точно, тройку или двойку, после чего я написал заявление в ректорат с обвинением экзаменатора в предвзятости, с «угрозой» жаловаться в Министерство и с требованием срочного создания комиссии для проверки моих знаний. Со мной долго беседовал проректор, маленький спокойный приветливый человек, уговаривал не «кипятиться» (помню, он спросил меня: «зачем тебе это нужно, зачем связываться с этими...?») и направил сдавать экзамен к другому профессору, который молча выслушал меня и поставил четверку. Вспоминая этот эпизод, я думаю о том, как сильно искажают то время современные интерпретаторы нашей истории (в частности, о возможности «простому» человеку отстоять свою позицию).

Кстати, к вопросу об обвинениях, доносах и анонимках (я здесь жестко отсекаю тему того, что творилось в 30–40-е годы, и о том, кто это творил, какие социальные, властные и этнические слои нашего общества). Казалось бы, дело прошлое, но вот началась «перестройка», а потом «лихие» 90-е (вроде как специально придумано это нейтральное словечко!). Теперь вяло вспоминают, что творилось в это время в отношении ложных обвинений (уголовных и политических), доносов. Сколько людей лишились всего в жизни – профессии, зарплаты, сколько судеб поломалось! При этом говорят в основном об артистах. А почти все крестьянство, молодая часть рабочего класса?! Но ведь и сейчас в полной мере остались анонимные доносы, точно такого толка, как и в 50-х годах, о которых сейчас «демократы» по всем телевизионным каналам продолжают вещать, как об «ужасах прошлого». Другое дело, что не всегда ясна их практическая цель. Когда я баллотировался в 1997 г. на звание академика Российской Академии наук, у членов Академии, которые должны были голосовать, появилась анонимка: Ю.И. Чернов – типичный лысенко-

вещ (вместе со мной в таком же качестве называли еще несколько академиков, возглавлявших Отделение биологических наук РАН) – противник современной молекулярной биологии, хочет возродить «учение» Лысенко. Для вескости упоминалась даже моя жена, которая когда-то вместе с М.С. Гиляровым брала почвенные пробы в Горках Ленинских (ведь там работал Лысенко!). Меня тогда удивило отношение к анонимке (ведь явно глупой!) некоторых опытных руководителей РАН. Они посоветовали на всякий случай приготовить ответ. Когда я его готовил, думал: вот в старые времена, действительно были основания называть меня вейсманистом-морганистом (чтение генетики в рамках курса дарвинизма, дружба с В.Ф. Натали и через него – с широким кругом крупных генетиков, организация на факультете лекций, например В.В. Сахарова, попытка Н.П. Дубинина пригласить меня в его лабораторию радиационной генетики, да еще сразу на заведование подразделением и т. д.).

Я в течение всего периода «перестройки» и рыночных реформ практически не касался того, что называют внутренней политикой, хотя окольно до меня доходило кое-что из тех страшных для судьбы страны событий и деяний власти предрежущих, но все же отреагировал – написал статью «Наука и демократия».

В связи с политикой и всякими культами вспоминается такой случай. На 5 курсе (1959 г.), перед госэкзаменом нам читала обзорные лекции по истории партии новый для нас профессор (фамилия, кажется, Алешина), пожилая сухая дама, пережившая ленинградскую блокаду, типичная убежденная большевичка. В принципе она давала нужный для экзаменов материал неплохо, но чем дальше, тем больше мы слышали имя Хрущева, и в один из моментов мы взорвались. Помню студентку (Зоя Яроцкая), которая первая поднялась буквально со словами: «...ну хватит, сколько можно, как Вам не стыдно? Был Сталин, Сталин, теперь Хрущев, Хрущев...». Профессор, надо признать, повела себя весьма достойно, прервала лекцию, мы поднялись, окружили ее и долго, то наперебой, то в форме диалогов, беседовали, спорили с ней. Она прочитала еще одну лекцию, в которой не упоминала Хрущева, но «мину» выдержала, сказала, что в этой лекции не было повода для обсуждения роли Н.С. Хрущева. Мне кажется, что в аналогичной ситуации современные студенты едва ли обратили бы внимание и стали бы таким открытым образом выражать свое мнение, свою позицию.

Вернусь к нашим преподавателям. Естественно, не были редкостью и негативные и даже остро отрицательные отношения к некоторым из них. Не очень ясно, с чем это связано, но особенно это проявлялось в отношении к преподавателям сельского хозяйства и методики биологии. Относительно первых это было явно вызвано

навязыванием надуманных положений «мичуринской биологии» и творчества Т.Д. Лысенко. Практически все преподаватели сельского хозяйства не пользовались у нас должным авторитетом. К методистом мы также относились не более, чем снисходительно. Помню такие курьезные случаи, которые даже мне самому сейчас кажутся неправдоподобным. Всеобщая любимица нашей группы Дина Толстова получила тройку по сельскому хозяйству, а с тройками не платили стипендию. Экзамен проходил в небольшом кабинете. Мы, несколько человек из группы, закрыли изнутри дверь и стали упрашивать преподавателя (мы ей дали кличку «буренушка»), чтобы она исправила оценку на четверку, аргументируя тем, что у Дины стесненные условия жизни, что ей невозможно без стипендии продолжать учебу и т. д. Постепенно от упрашивания и уговоров перешли к требованиям, а потом и угрозам, что заявим в ректорат, насколько она слабый преподаватель, покажем тексты лекций, где масса нечеткостей, примитива и даже ошибок. Разговор тянулся, мы не уступали, ключ от двери спрятали, преподаватель разрыдалась, но все же уступила и исправила оценку.

Еще случай. В одном из совхозов Подмосковья проходили полевые занятия по методике преподавания сельского хозяйства (в связи с созданием пришкольных участков). Я не остался на занятие, а отправился в лес собирать своих любимых мух журчалок. Возвращаюсь из леса, а навстречу – вся группа. Вы куда? – Купаться. – А занятия, а где Пинчук (это наш преподаватель)? – А ну его, надоел, талдычит какую-то ерунду, мы его закрыли в аудитории, сейчас искупаемся и вернемся. Я испугался, пошел в отведенный нам корпус, открыл дверь, вхожу. Пинчук сидит за столом, я здороваюсь, заговариваю, он, как ни в чем не бывало, поддерживает разговор, через полчаса возвращаются купальщики.

Бывали и чисто юмористические ситуации достойные эстрадной сцены. Так, во время полевой практики в одной из комнат общежития девицы расшутились и написали на бумажках записки по поводу друг друга (вроде таких: где бы ни работать, лишь бы не работать) и пришили их над кроватями. В комнату зашел преподаватель (помню фамилию – Волков) сельского хозяйства, профессор из окончивших особый Институт Красной профессуры. Увидел бумажки. Это что за лозунги вы развесили? Стал ругаться, грозить разобрать на партбюро, срывать и собирать «лозунги», но на одной бумажке было написано: «Все дороги ведут к коммунизму». Протянул руку, остановился, постоял, подумал и молча ушел.

Еще несколько слов о нашем образовании, обучении и воспитании. Широко практиковались биологические кружки, среди которых – знаменитые КЮБЗ и ВООП. Об их руководителях ходили

легенды, сочиняли песни, которые самозабвенно пели в электричках, у костров. Особо любимыми были П.П. Мантейфель (дядя Петя), П.П. Смолин (ППС). Мои знакомые активные кружковцы Э.В. Ивантер, Э.И. Коренберг, Н.Н. Дроздов, П.П. Второв, Ю.Г. Пузаченко стали крупными учеными. Но кружки – лишь частный случай. В то время в стране была организована целая система популяризации науки, о чем я в свое время написал в юбилейном выпуске журнала «Природа» (2012 г.).

Академик М.А. Мензбир еще в 20-х годах прошлого столетия на одном из биологических форумов высказал такую мысль: настоящий ученый – не тот, кто публикует один за другим фундаментальные научные труды, а тот, кто выкраивает время и силы изложить их в популярной форме, доступной для широкого круга читателей. В России с XIX века интенсивно развивалась, быть может, одна из самых эффективных систем популяризации научных знаний. Это, прежде всего, такие журналы, как «Вокруг света», «Наука и жизнь», «Знание – сила», «Юный натуралист», «Химия и жизнь» и т. д. Возглавляет этот перечень академическая «Природа». Она задавала и задает тон научно-популярному жанру, демонстрирует принципы достоверности и корректности наших знаний о природе и обществе. Это особенно важно сейчас, когда пышным цветом расцветают воинствующее невежество и лженаука, когда недостаточная образованность части населения используется в сугубо корыстных целях, искажаются принципы физиологии и основ медицины, сохранения здоровья, среды обитания человека, законов демографии и т. д.

«Природа» – источник сведений обо всех явлениях природы: от строения материи и зарождения Вселенной до макроструктуры нашей планеты и уровней организации жизни, биологического разнообразия и общества. В наше время роль журнала такого профиля трудно переоценить и для развития самой фундаментальной науки. Кроме того, благополучное существование системы научно-популярных журналов – показатель уровня интеллекта общества.

Мой любимый преподаватель в МОПИ – Евгений Павлович Спангенберг, известный коллекционер, натуралист, автор многих увлекательных книг в жанре «записок натуралиста», которые я читал еще школьником. Хорошо помню, как 1 сентября на вступительной лекции по зоологии первому курсу, которую читал Евгений Павлович, еще не зная, кто этот лектор, я с радостным изумлением услышал знакомые мне истории о полевой работе, о ловле редких животных для зоопарка и стал с гордостью рассказывать сидевшим рядом студенткам, что я уже читал его книги. Разумеется, девушки стали шушукаться обо мне, какой я умный и образованный. Е.П. Спангенберг стал моим старшим другом, мы вместе

охотились в Подмосковье, а в его квартире я часами рассматривал уникальную, не имевшую тогда аналогов, коллекцию птичьих тушек и яиц, которая была пополнена и моими сборами. Например, он мне сказал, что у него нет кладки клеста-еловика, который в ту зиму в массе гнезвился в Подмосковье не только в лесах, но и в парковой зоне. Я нашел гнездо в черте города Калининграда. Потом по его просьбе я искал и находил гнезда тундровых птиц: краснозобика, турпана и др.

В 50-е годы зоологическое коллекционирование переживало подъем, даже своего рода бум. Многие зоологи увлекались собиранием «тушек» птиц и зверьков, птичьих яиц, бабочек, жуков. Заядлыми коллекционерами были А.П. Кузякин и тогда еще очень молодые В.Е. Флинт, Л.С. Степанян. Впоследствии, многие из личных коллекций дополнили фонды академических институтов и университетов, но не всегда без корысти создателей или их наследников. У меня отношение к этому не однозначное, так как их собирали в основном во время экспедиций и командировок. Я не раз «задираю» этой темой Л.С. Степаняна, с которым мы близко общались, часто бывали на застольях (он очень любил хорошую выпивку). Во время Тихоокеанского рейса на судне «Калисто», когда мы жили в одной каюте, ему очень не нравились разговоры на тему о праве создавать значительные личные коллекции в экспедициях, оплачиваемых институтами. О судьбе его очень ценной орнитологической коллекции я ничего не знаю.

Вокруг этой темы кипело много страстных споров, например о том, какую форму надо придавать тушке птиц, куда должен быть направлен клюв, какова выпуклость брюха, каков должен быть размер дырочки у выдуваемого яйца, каков размер коробок и т. д. Живо обсуждались приемы снятия шкурок. Например, Е.П. Спангенберг снимал шкурку тут же после отстрела на собственном колене. В связи с этим интересна история его коллекции птичьих яиц. Он начал собирать птичьи кладки (не яйца, а именно кладки, которые должны были быть обязательно полными) одним из первых, вероятно еще в 20-х годах, и сначала брал только яйца, которые клал в коробочки на вату. Потом, когда коллекция стала уже большой, а ее создатель слыл первым авторитетом в этом деле, он написал статью, что этот способ обедняет научное содержание коллекции, что надо обязательно собирать вместе с гнездом или, для самых крупных птиц, с материалом из гнездового лотка. И после этого стал собирать именно таким образом, стремясь заново охватить как можно полнее авифауну уже новым способом. Я видел и те и другие экспонаты в яичных коллекциях, и надо признать, что можно удивляться тому, что орнитологам-коллекционерам долгое время не при-

ходила в голову эта мысль. Действительно, коллекция без гнезд выглядит намного беднее по зоологическому содержанию, и она гораздо менее эстетична. Огромная коллекция Евгения Павловича занимала две большие комнаты, в которых жила его семья в большой коммунальной квартире на ул. Горького (Тверской). Коробки стояли штабелями почти до потолка, буквально продавливая друг друга. Он был человеком незаурядным, с крайне индивидуальным характером. Кроме профессиональной деятельности в качестве зоолога в Зоологическом музее, он писал научно-популярные очерки, которые издавались в виде сборников. Наиболее интересен и широко известен его сборник «Из жизни натуралиста». Смысл жизни он видел в поездках в разные уголки страны, в наблюдениях за птицами и другими животными, в поисках гнезд, в охоте. Особенно много он путешествовал по Средней Азии и Дальнему Востоку. Стрелял он бесподобно. У него была уникальная двустволка 32 калибра (это всего несколько дробинок), из нее он ухитрялся с подхода без промаха стрелять рябчиков, слетающих с деревьев в глухом лесу. Когда Евгений Павлович стал серьезно болеть и уже не мог совершать свои путешествия, он застрелился (в 1968 г.), о чем я узнал от В.Е. Флинта через несколько дней после похорон, вернувшись из экспедиции на Таймыр, где в том же году по сходным мотивам совершил самоубийство полярник П.С. Свирненко (см. ниже).

Под влиянием профессора Александра Петровича Кузякина, который стал заведующим кафедрой зоологии МОПИ, я заинтересовался проблемами зоогеографии. Он оказывал на меня большое влияние. Своеобразный человек с нелегким характером, он привлекал бескорыстной преданностью науке и какой-то беспредельной истовостью, с которой собирал коллекцию птичьих гнезд, тушек птиц и млекопитающих, а потом бабочек (он был прирожденным коллекционером), отстаивал свои научные позиции. На одном из заседаний в зале Московского общества испытателей природы (МОИП) на ул. Герцена после доклада Т.Д. Лысенко о видообразовании Александр Петрович выступил и заявил, что тот украл у него идею скачкообразного видообразования (действительно, в довоенном сборнике студенческих научных работ была опубликована его статья, в которой он на примере летучих мышей доказывал, что видообразование сводится к порождению самкой одного вида детеныша другого). Впоследствии, в 60-х годах он опубликовал свои взгляды на вид и видообразование в обширной монографии в трудах МОПИ. В теоретическом аспекте это было повторением старых, высказанными разными биологами воззрений, например, де Фризом. Но надо признать неординарность этой публикации Александра Петровича, в том числе потому, что его представления доказывались на примере такой свое-

образной группы, как летучие мыши. Запомнилось то, как Т.Д. Лысенко, которому при его крайне невыразительной внешности нельзя было отказать в некотором артистизме, отвечал на это выступление в МОИП. Он достал спичечный коробок, на котором якобы записал фамилию выступавшего, долго не мог ее произнести, явно намеренно искажая (что-то вроде «Козьявкин» и т. д.).

В последующем мы разошлись с Александром Петровичем просто по характерам. У него не складывались отношения с большинством членов кафедры и факультета, я его не поддерживал, он на меня обижался, и в 1972 г. я поспешил принять уже не раз высказанное предложение М.С. Гилярова и В.Е. Соколова перейти в Институт эволюционной морфологии и экологии животных им. А.Н. Северцова АН СССР (ИЭМЭЖ).

Одной из моих любимых преподавательниц кафедры зоологии была Н.В. Сыч-Аверинцева – жена (тогда уже вдова) известного зоолога С.С. Аверинцева, который ранее заведовал этой кафедрой. Когда я поступил в институт, его уже не было в живых. До революции Наталья Васильевна была его ученицей на Высших женских курсах, где он был профессором, и вышла за него замуж, несмотря на большую разницу в возрасте. Всегда спокойная, мягкая, никогда не повышающая голос, обычно во время лабораторных занятий, когда мы смотрели в микроскоп и рисовали, тихо напевавшая старинные романсы, Наталья Васильевна была любимицей кафедры и всех студентов. Она вела лабораторные занятия и полевую практику по зоологии беспозвоночных. Я с первых занятий почувствовал ее внимание ко мне, а на летней практике (деревня Крюково под Москвой) она стала приглашать меня к себе и все просила подружиться с ее сыном Сережей Аверинцевым, который жил с ней на стационаре. Это был будущий широко известный, выдающийся литературовед (помню название его кандидатской диссертации: «Плутарх и античная биография»), а в перестроечный период общественный деятель, часто выступавший по телевидению с оригинальными лекциями, в том числе облачившись в своеобразный (смесь католического и православного) церковный наряд. В 70–80-х годах на его лекции в МГУ любители словесности, библиофилы ходили буквально толпами, набиваясь в аудиторию так, что приходилось стоять и писать друг у друга на спинах. Мы с ним одновременно, в 1987 г., прошли в члены-корреспонденты АН СССР, а потом и в академики РАН (в 2003 г.). А тогда это был до крайности болезненный мальчик (и позвоночник, и ноги, и какие-то болезни внутренних органов), поэтому почти не учившийся в школе, а занимавшийся на дому и сдававший экзамены экстерном. На первом курсе я тоже ходил на костылях, потом с палкой, и может быть с

этим и было связано особое внимание ко мне Натальи Васильевны. Она, зная о моем деревенском происхождении, просила меня пообщаться с Сережей, с явной целью хоть как-нибудь приблизить его к «земле». Но у меня ничего не получалось. Он был совершенно «не от мира сего» и сразу поражал явной талантливостью. Уже тогда, в возрасте старшеклассника, он читал и говорил на нескольких иностранных языках, интересовался античными искусством и литературой, которые знал на вполне профессиональном уровне. Как-то я подошел к нему с ружьем и предложил пострелять. Он ответил, что вот если бы ему предложили любимый древними греками или римлянами лук или арбалет, а из ружья... это совсем не интересно. В последующем я долгие годы поддерживал связь с этой семьей, бывал у них дома на Кропоткинской улице. Наталья Васильевна очень беспокоилась о будущем Сережи, о том, как он будет жить без нее, сложится ли у него семейная жизнь. Ведь он был совсем не приспособлен к самостоятельной жизни. К счастью, все образовалось как нельзя лучше. Одна из однокурсниц решила посвятить ему жизнь. Я бывал у них дома, когда у них уже росли двое детей. Потом мы стали встречаться на академических собраниях. Общаться с ним было нелегко. Кроме его отрешенности от обычных деталей жизни, у меня складывалось постоянное ощущение собственной неполноценности. Меня особенно поражало его знание множества языков, в том числе древних, уже не действующих. Как я уже сказал, в перестроечное время он часто выступал по телевидению, вел специальную программу философско-религиозно-нравственно-этического характера. Должен признаться, что я не очень внимательно следил за этими передачами. Он умер в 2004 г. в Австрии. Сейчас его вспоминают как одного из наших выдающихся филологов и философов.

Забегая вперед, хочу коснуться еще одной стороны жизни страны, которую я наблюдал в своем подмосковном Калининграде, а потом и бывая в разных городах Севера (в Воркуте, Амдерме, Норильске, Хатанге и т. д.). С послевоенного времени в развивающихся городах с интенсивно растущим производством требовалось много рабочей силы, а строительство жилья не поспевало за этим. В такие города приезжало много народа, устраивались на работу, а жили, где попало. Так возникали «шанхай» – поселки из временных построек, сделанных на скорую руку из самого разнообразного материала, отходов строительства, разрушенных домов, плавника, камней, старой жести, рубероида и т. д. Подобные поселения занимали большие площади на окраинах городов. Во время арктических экспедиций, проездом или в связи с какими-либо надобностями (например, в поисках собачьей упряжки), или просто из любопытства,

мы неоднократно посещали такие поселки, бывали в самодельных жилищах, разговаривали с людьми, естественно, угощали выпивкой и т. д. При всем убожестве этих жилищ мы не видели и не ощущали признаков уныния, безысходности. Напротив, были веселость, бесшабашность, настроение кратковременности подобного существования. Довольно скоро многие получали комнаты, квартиры, поселение в общежитиях. Так и хочется сравнить с современными внешне сходными явлениями, с тем, что сейчас получило название «бомж» (вот это – безысходность!). Но та жизнь была совсем другой, ничего общего не имеющей с нынешней. Примерно в конце 60-х годов «шанхай» на Севере повсеместно исчезли.

Но вернусь к научной работе. В МОПИ, питая особую любовь к птицам, я все же стал серьезно заниматься энтомологией, в основном двукрылыми, среди которых меня сначала привлекли журчалки, или сирфиды, а также синантропные мухи. Два полевых сезона я мотался по Подмосковию, собирал материал по фауне и экологии этих насекомых. Получились неплохие статьи – первые вполне научные публикации в студенческих сборниках (1956 и 1958 гг.). Это были работы так называемого эколого-фаунистического профиля – результаты полевых наблюдений с попытками количественного учета. С этим материалом, начиная со второго курса, я стал регулярно ездить в каникулы в Ленинград, в Зоологический институт, где меня радушно принял и посадил работать с коллекциями рядом с собой главный специалист по этому семейству и по двукрылым в целом Александр Александрович Штакельберг, выдающийся систематик и организатор отечественной энтомологии. В Зоологическом музее МГУ я познакомился с профессиональными энтомологами, сотрудниками музея и приходившими туда работать с коллекциями: Д.В. Панфиловым, Л.В. Зиминной, Б.Б. Родендорфом, Н.Н. Плавильщиковым и др. Контакты с А.А. Штакельбергом (консультации по определению двукрылых и просто беседы) я до сих пор вспоминаю с благоговением, как подарок судьбы. Он был удивительным человеком, прямым потомком известного военного деятеля царской России, выходца из Швеции. Именно он фигурирует в известном романе «Порт-Артур» А.Н. Степанова о русско-японской войне 1905 г. Александр Александрович по этому поводу шутил, указывая на портрет, висящий в его кабинете: «вот какие предки были, а я мух давлю». Мне казалось, что я ему понравился, и он был бы доволен, если бы я стал профессиональным диптерологом. Когда я привозил свои сборы двукрылых, он как-то особенно благожелательно комментировал мои находки, явно стараясь поддержать мой интерес к этим насекомым, в том числе к сирфидам, основным объектом его исследований. Особенно запомнился эпизод

с моей находкой в Подмоскowie журчалки*, до того времени известной только на Дальнем Востоке и в Пиренеях, и считавшейся видом с разорванным ареалом.

Однако после окончания 4-го курса мои интересы изменились. Как я уже упоминал, по рекомендации Е.П. Спангенберга и А.П. Кузьякина я попал в экспедицию в Арктику, на Югорский полуостров и остров Вайгач, где мне пришлось работать с известным орнитологом С.М. Успенским. Благодаря ему я познакомился с главой московской орнитологической школы Г.П. Дементьевым, который пользовался наибольшим авторитетом среды орнитологов. Он происходил, кажется, из дворянской семьи, закончил императорский Пажеский корпус, который готовил кавалергардов (не уверен, что это именно так). К сожалению, он много пил, к чему особенно побуждали постоянные подношения и приглашения на различные орнитологические совещания, особенно в союзных республиках на Кавказе и в Средней Азии, где эти совещания проводили с особым размахом.

В этой своей первой экспедиции я сразу окунулся во все атрибуты полевой жизни в суровых условиях Севера (наша полевая работа началась в конце мая, еще при сплошном снежном покрове): палатка, теплый спальный мешок из собачьего меха. Тогда еще не было надувных матрасов, и приходилось утепляться всеми возможными в тундре способами. Под мешок подкладывали кустарники и всю бывшую с собой одежду. Значительный путь мы прошли на собаках местного охотника, потом около 70 км – по «припаю» (прибрежный лед) вдоль берега Югорского полуострова на юг, впрягшись в олени нарты со всей поклажей. Потом – остров Вайгач, с геологами мы дошли на лодках до его северного Болванского носа, где была Полярная станция, на которой мы узнали, что объявлена эвакуация всех с Новой Земли и Вайгача в связи с испытанием атомной бомбы на Новой Земле. Вместе с геологами «бежали» на лодках до южной части острова и т. д. Одним словом, экспедиционные красоты были по полной программе.

Эта экспедиция определила мою научную судьбу. Как я уже говорил, я «заболел» Арктикой. И там я занимался двукрылыми, которым посвящены мои первые публикации, но меня больше интересовали разнообразные биоценологические вопросы, такие как структура населения почвенных беспозвоночных, взаимоотношения насекомых с цветками, птиц с насекомыми, синантропизм насекомых и др. В первых экспедициях я пытался охватить чрезмерно широкий круг явлений, и это мне как будто удавалось. По их результатам я опубликовал несколько статей, посвященных двукрылым, птицам, почвенным беспозвоночным. В 1958 г., после оконча-

ния института, я поступил в аспирантуру (по рекомендации кафедры зоологии и благодаря ходатайству В.Ф. Натали, вопреки только что вышедшему постановлению Министерства просвещения о нежелательности приема в аспирантуру сразу после окончания вуза).

В связи с этим – еще один эпизод. Владимир Францевич рассказал, что когда он заговорил об этом постановлении в Министерстве (даже помню, что заведующим отделом распределения студентов была женщина по фамилии Лысенко), ему сказали, что этот документ только для того, чтобы в аспирантуру не попадали случайные люди, но если профессор ручается за кандидата – какой может быть разговор. Но вот когда распределяли мою жену, в ответ на доводы М.С. Гилярова принять ее в аспирантуру, партбюро факультета возражало, а просить министерство никто не решился. Думаю, что если бы М.С. Гиляров с его авторитетом попросил в Министерстве, вопрос был бы решен. В результате она смогла поступить в аспирантуру (в Академии наук) лишь после того, как проработала несколько лет в Институте фитопатологии (сейчас – Всероссийский научно-исследовательский институт фитопатологии).

В связи с моим приобщением к генетике, точнее к генетикам, в студенческие и аспирантские годы я с горечью вспоминаю один случай. У нас был очень интересный, всеми любимый, преподаватель химии Владимир Карлович Шталь, который, очевидно, зная о моей тяге к научной работе, безуспешно пытался приобщить меня к химии, не раз беседовал, давал специальные индивидуальные задания по качественному анализу. Как-то раз он заговорил об энтомологии, спросил, собираю ли я бабочек, а потом рассказал, что в Горьком (Нижнем Новгороде) живет его друг, старый профессор (насколько я помню, он не называл его фамилии и вообще, как мне тогда казалось, что-то недоговаривал), который коллекционирует бабочек, что он мало общается с энтомологами, и было бы очень хорошо, если бы я к нему съездил и показал или подарил бы бабочек с Севера (он договорится о моей встрече с ним, устроит мое там пребывание и т. д.). Этот разговор повторился, я обещал, но как-то все не получалось (сессии, экзамены, на каникулы – в Ленинград в ЗИН, летом – полевые работы и т. д.). В.К. Шталь часто болел, неожиданно ушел на пенсию и вскоре умер. В общем в Горький я так и не съездил. И вот однажды, спустя год–полтора после этих разговоров, в 1959 г. В.Ф. Натали сказал мне, что умер С.С. Четвериков, рассказал о его жизни в Горьком, и я понял, что В.К. Шталь говорил именно о нем. Сожаление усиливалось тем обстоятельством, что С.С. Четвериков особенно интересовался арктическими бабочками, ему принадлежит статья о бабочках Ямала по материалам экспедиции Б.М. Житкова, на которую я ссылался в только что

законченной обзорной статье по дневным бабочкам Арктики. Меня всегда занимали совпадения. И вот спустя несколько лет, в середине 60-х, я получил письмо от сотрудников кафедры зоологии Горьковского университета с предложением возглавить кафедру и с убедительными доводами целесообразности этого шага (для моей будущей карьеры и т. д.). Что странно, я не отказался сразу, обещал подумать, колебался, но так и не решился, поскольку разными узами уже был связан с Москвой. Были еще и неоднократные уговоры И.В. Стебаева переехать нам с Ниной в Новосибирск, в Академгородок. Мы на эти предложения долго не отвечали, раздумывали, но все-таки отказались (наверное, это было правильным решением).

В 1959 г. у нас родился сын Иван. В первые годы я с сыном общался мало, но потом начались поездки по Подмосквовью, рыбалка, музеи, театр, научно-популярные фильмы в кинотеатре «Наука и знание» и т. д. Практически все летние школьные каникулы, начиная с 1-го класса, Иван проводил на стационарах с матерью, а каникулы в старших классах, потом и вузовские – в экспедициях. С Ниной он несколько сезонов просидел на известном подмосковном стационаре «Малинки». Затем побывал в очень серьезной высокогорной экспедиции в Туве, а потом со мной, начиная с 1972 г. – на Енисее (стационар Мирное), затем – на Таймыре: в бухте Марии Прончищевой, на мысе Челюскина, на реке Пясины (урочище Кресты), в окрестностях Диксона, где сделал курсовую работу. После этого по материалам, собранным в долинах рек Ленивая, Сырада-сай, Рагозинка, Иван написал кандидатскую диссертацию.

Будучи аспирантом, три летних сезона я провел в разных районах Арктики (Ямал, Таймыр, побережье Анабарской губы). На Таймыре в 1961 г. мне посчастливилось работать с двумя очень интересными людьми – уникальным натуралистом и фотографом Арсением Васильевичем Кречмаром и орнитологом-любителем, известным коллекционером птичьих кладок, профессиональным искусствоведом-нумизматом, ученым секретарем Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина Владимиром Владимировичем Леоновичем (свою уникальную коллекцию птичьих кладок он безвозмездно завещал Зоологическому музею МГУ). С В.В. Леоновичем я поддерживал знакомство, не раз бывал у него дома, знакомился с пополнениями коллекции, которую он собирал только сам лично, ежегодно выезжая в разные районы страны во время отпуска. О жизни этого удивительного человека опубликована статья в недавно вышедшем сборнике «Московские орнитологи» (1999). В моей памяти Владимир Владимирович – человек бескорыстный, светлый, лишенный каких-либо обычных человеческих недостатков, поглощенный страстью к птицам и красотам при-

роды. Он не был женат, жил с сестрой, в его квартире всегда стояли живые цветы или красивые растения, обязательно не купленные, а собранные в природе. Помню, как он говорил весной: завтра поеду в Дмитров (рядом с этим городом располагалась деревня, где он постоянно отдыхал), должна расцвести (далее какой-то вид растения). Virtuозно искал гнезда, мог обнаружить гнездо практически любой птицы по ее поведению. Ходил только с авоськой в руках, в которую складывал гнезда с яйцами, заворачивая их в носовые платки. Он считал, что любой другой способ чреват порчей яиц. Существовали специальные приспособления для выдувания яиц. Но по моим наблюдениям он их просто высасывал, сплевывая и полоща рот водой, объясняя это тем, что так можно делать наименьшее отверстие, чему коллекционеры придавали особое значение. Не знаю, пользовался ли он другими способами. В тундре, где я наблюдал его в полевых условиях, в поисках гнезд он проходил десятки километров, не возвращаясь в лагерь по 15 часов в сутки.

С А.В. Кречмаром, кроме таймырской экспедиции, я работал еще весной 1980 г. на Анадыре. Дружеские контакты с его семьей я поддерживал всю жизнь. Его сын Михаил, одаренный в гуманитарном аспекте юноша, под влиянием отца все же стал заниматься зоологией и поступил в Московский заочный пушно-меховой институт, часто бывал у нас дома, иногда жил по несколько дней. Арсений Васильевич – неординарный, чрезвычайно талантливый человек. Таких обычно называют «золотые руки». Он мог все – переделать ружье, изменить винтовочные или ружейные патроны для специального отстрела, перестроить для определенной цели фотоаппарат, починить мотор катера, изобрести и во многих экземплярах целиком воссоздать (не в мастерской, а в своей квартире, больше похожей на мастерскую) сложнейший прибор для круглосуточной и многодневной съемки сидящей на гнезде птицы (с учетом суточной смены освещения и сходов птицы с гнезда). Изучению гнездовой экологии с помощью таких аппаратов посвящена его специальная книга. Главная страсть его жизни – фотографирование животных. Он издал несколько прекрасных фотоальбомов. Отличаясь скромностью, неприязательностью и неприхотливостью в быту, всегда терпеть не мог позерства, нечестности, причем настолько, что однажды прямо в коридоре своего института избил одного партработника за клевету. Никогда не занимался спортом, но обладал огромной физической силой и выносливостью, что проявлялось в труднейших полевых условиях.

За время аспирантуры я так и не избрал строго профилированную тему диссертации. В арктических экспедициях явно разбрасывался, собирал материал по почвенным беспозвоночным (коли-

чественные учеты в широком спектре биотопов), по взаимосвязям антофильных насекомых с цветками, учитывал численность птиц, исследовал питание птиц и рыб, группировки животных антропогенных местообитаний, особенно детально – комплекс синантропных двукрылых. Все это я пытался рассмотреть в аспекте широтно-зонального распределения и связать с климатическими градиентами, которые в Арктике очень сильны. Профиль моей работы можно определить как географическая, или ландшафтная, биоценология (или синэкология). К окончанию аспирантуры в 1961 г. мне удалось опубликовать и сдать в печать 12 статей и тезисов докладов, в том числе в «Энтомологическом обозрении», «Зоологическом журнале», «Бюллетене Московского общества испытателей природы».

Когда пришло время писать диссертацию, я решил изложить в ней весь материал, который успел собрать к окончанию аспирантуры. Получилась объемная рукопись в 300 страниц на тему «Наземные беспозвоночные мезофауны в биоценозах тундровой зоны», которую я защитил в 1962 г. Моими оппонентами были профессора М.С. Гиляров и Ф.Н. Правдин. Меркурий Сергеевич, посмотрев работу, сказал, что он не намерен читать все, а прочтет только одну главу, посвященную почвенным беспозвоночным, и даст заключение только на нее. Так он и сделал. Хотя он пытался уговорить меня переделать диссертацию, оставить только материал по животному населению почв, а остальное отложить для докторской, я упорно настаивал на том, что буду защищать то, что успел сделать за время аспирантуры. На Совете он прочитал отзыв, в котором было сказано, что такая-то глава работы соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям.

С 1961 по 1972 г. я работал на кафедре зоологии в должностях ассистента и доцента (с 1965). В 1963–65 гг. был перерыв в полевых арктических исследованиях, так как я решил расширить их зональные рамки. Весной 1963 г. познакомился с животным миром пустыни в Туркмении, а в 1964 и 1965 гг. совместно с сотрудниками Института географии АН СССР (ИГАН) К.С. Ходашовой и Р.И. Злотиным проводил полевые работы в Центрально-Черноземном заповеднике им. В.В. Алехина, привлекая студентов пединститута. Начались работы по Международной биологической программе (МБП), и ИГАН активно включился в это дело. В заповеднике я провел обширные учеты численности и распределения по элементам ландшафта всего комплекса беспозвоночных (почвенных, травостойных, антофильных и др.), что отражало увлекшую меня идею развить научное направление «геозоологию», которое соответствовало бы геоботанике (животное население – как аналог раститель-

ности). Эта идея отражена в статье 1971 г. в «Журнале общей биологии». Подавляющее большинство собранных тогда материалов остались неопубликованными, так как с 1966 г. по приглашению известного ботаника, исследователя Арктики профессора Б.А. Тихомирова я включился в работы на стационаре «Тарей» на Таймыре. Одна из причин прекращения моих работ в Курском заповеднике – конфликт с Романом Злотиным (его чрезмерные выпивки, отношения с работающими в заповеднике студентками и т. д.).

Стационар «Тарей» был организован как опорный пункт по МБП, и в дальнейшем по итогам выполненных на нем исследований было опубликовано 4 сборника во всесоюзной серии изданий по этой программе. Здесь я продолжал свои зоологические работы, в них участвовали студенты и аспиранты МОПИ. Два аспиранта, Л.Л. Кузьмин, изучавший нематод, и С.И. Ананьева, ставшая хорошим специалистом по коллемболам, защитили по этим материалам кандидатские диссертации.

Активная работа в Тарее продолжалась с 1965 по 1971, потом стала затухать. Б.А. Тихомиров был неординарной личностью. Огромный, очень полный, он весь дышал жаждой жизни, любил много поесть и выпить. Он сумел собрать уникальный коллектив специалистов с очень разнообразными интересами (ботаников, зоологов, микробиологов, паразитологов, климатологов, почвоведов), которые с большим энтузиазмом включились в работы по профилю МБП. Летом на стационаре собиралось одновременно до 30 человек. Много времени уходило на налаживание работ, в чем мне также приходилось участвовать. Ежегодно со мной на стационар прибывали студенты МОПИ (до 5 человек). Надо было организовывать спецрейсы самолетов, нанимать катера, налаживать питание, запасать продукты.

В 1968 г., когда я выполнял функции начальника экспедиции, случилась трагедия. В сезон 1966 г. на стационаре в качестве лаборанта появился пожилой человек, пенсионер Петр Степанович Свирненко (он был давно знаком с Б.А. Тихомировым и попросился к нему экспедицию). Петр Степанович – заслуженный полярник, герой Социалистического труда, 25 раз зимовавший на разных полярных станциях. В это время по возрасту ему уже не разрешали работать в Арктике, и он жил в прекрасной квартире в Ялте. Когда мы познакомились, я вспомнил, что встречал эту фамилию. Еще в аспирантуре, просматривая хранившиеся в Главсевморпути архивы полярных станций, в программу работ которых одно время входили фенологические наблюдения, я обнаруживал в них много четких и очень интересных наблюдений о прилете птиц, вылете шмелей и комаров, зацветании растений, миграции оленей и т. д., явно

сделанных одним человеком. Под некоторыми из них стояла подпись Свирненко. Это был очень интересный человек, один из типичных энтузиастов освоения Севера, появившихся в нашей стране в 30-х годах, не мысливших жизни без Арктики. Он приехал на стационар в 1966 г., остался зимовать (и практически провел зимовку один), пробыл весну и часть лета 1967 г. Он не раз произносил фразы, суть которых сводилась к тому, что он не видит смысла жизни без Арктики. И вот в июле 1968 г. Петр Степанович застрелился, оставив прощальное письмо с просьбой похоронить его в окрестностях стационара «Тарей». Его жена, получив известие о смерти, требовала доставить тело в Крым. Но прибывший из Норильска следователь поддержал нас в том, что мы не имеем права не выполнить его просьбу. Через год с помощью вездехода мы приволокли большой камень, на котором прикрепили пластину из нержавеющей стали с надписью и изображением звезды Героя социалистического труда, и установили на могиле памятник.

Взаимоотношения на стационаре были сложными, как и в любом научном коллективе. Различия характеров и научных позиций, вызывавших острые дискуссии по самым разным вопросам, например в процессе выбора пробных площадей, усугублялись чисто бытовыми спорами (о времени завтрака и др.) и особенно специфическим «арктическим фактором», т. е. отношением к алкоголю.

Как уже упоминал, с первых студенческих лет я стал регулярно, по несколько раз в год, ездить в Ленинград, в Зоологический институт, где работал с коллекциями двукрылых в отделе диптерологии, возглавляемым А.А. Штакельбергом. Сотрудниками отдела в эти годы стали К.Б. Городков, Э.П. Нарчук, В.Ф. Зайцев – в последующем наши крупнейшие диптерологи. С ними, особенно с К.Б. Городковым, я поддерживал тесные научные и дружеские связи. Сначала я ездил ночными поездами, а потом – дневным «Аврора», который шел всего 6 часов и приходил в 22.30. Сразу место в гостинице можно было получить не всегда, но как правило, мне это удавалось, особенно если приходиться не с утра, а к ночи. По ценам это было вполне доступно даже по ассистентской, а тем более по доцентской зарплатам.

Особые воспоминания у меня о Ленинграде того времени – музеи, кафе, «Кафе-молочная» на Невском. Сойдя утром с поезда, я заходил в это прекрасное кафе. На столиках стояли вазы с булочками, плюшками, ватрушками, официантки подавали молочный суп, вареники, вареники ленивые, сырники, блинчики с творогом, топленое молоко, мороженое, кофе с молоком и т. д. Все очень вкусное, свежайшее, по теперешним ценам за копейки. Кстати, хлеб в 50–70-х годах в столовых и кафе был бесплатным, всегда лежал на

столах. Всем хорошо известна современная судьба тех диетических столовых и кафе.

Атмосфера в Зоологическом институте была незабываемой: витал дух преданности науке, увлеченности. К многочисленным приезжим из разных республик и городов СССР относились приветливо, внимательно, не считаясь со временем, помогали осваивать группы, определять коллекционные материалы. Коллектив сотрудников – созвездие корифеев. Идя по коридору, можно было одним за другим встретить Е. Н. Павловского, А. А. Штакельберга, Б. Е. Быховского, Г. Я. Бей-Биенко, М. Э. Тер-Минасян, Н. К. Верещагина, А. А. Стрелкова и т. д.; из моего поколения – И. М. Кержнера, А. Ф. Емельянова, М. И. Фальковича и др.

В связи с моим знакомством с кругом генетиков, благодаря В. Ф. Натали, вспоминается еще один случай. После вступления в должность ассистента в 1962 г. я стал вести курс дарвинизма на заочном отделении МОПИ. В своих лекциях много времени уделял вопросам наследственности, генетическим основам эволюции (в то время у нас генетика уже начала возрождаться, но специалистов по настоящей генетике почти не было). И вдруг, не помню, в каком году, получаю записку от Н. П. Дубинина с просьбой придти к нему Лабораторию радиационной генетики, которая была самостоятельным учреждением. Она находилась рядом с нашим институтом на ул. Баумана. Н. П. Дубинин принял меня, только что получившего кандидатскую степень, подчеркнуто любезно, представил группе сотрудников и после краткого разговора о моих интересах предложил возглавить отдельную группу, по сути – лабораторию по экологической генетике. Я отказался, аргументируя тем, что кафедра меня растила, готовила, а генетика – не моя специальность и т. д. К этому разговору он не раз возвращался и в дальнейшем. Я был удивлен, откуда он узнал обо мне? Оказалось, что на курсе заочного отделения, которому я читал дарвинизм, училась его лаборантка, а в последующем жена – Л. Венкина. Она и рассказала ему, что вот в пединституте есть парень, который рассказывает студентам о настоящей генетике.

В 1963 г. по рекомендации М. С. Гилярова я был утвержден секретарем экспертной комиссии по биологии Высшей аттестационной комиссии (ВАК). В это время начали поступать дела на присуждение без защиты диссертаций ученых степеней и званий генетикам, пострадавшим после 1948 г. Вероятно, в связи с этим потребовалось сменить секретаря, которым до этого многие годы был отставной военный, далекий от биологии. В состав комиссии в то время входили многие выдающиеся биологи (например, Л. А. Зенкевич, А. Н. Формозов, Б. А. Кудряшов, В. В. Попов, С. И. Алиханян,

М.С. Гиляров, Т.А. Детлаф и др.), лидеры определенных научных направлений. Работа мне очень нравилась, я легко с ней справлялся, составлял протоколы, в которых должна была быть отражена суть принимаемых решений по диссертациям, что способствовало расширению моего биологического кругозора. Эта работа продолжалась до 1968 г. В дальнейшем, в течение многих лет мне приходилось иметь дело с ВАК, уже в ипостаси рецензента, иногда с приглашением на заседания по трудным ситуациям. И должен сказать, уровень работы комиссии по биологии в конце 80-х и в 90-е, был несоизмеримо ниже, чем в годы моего секретарства. Тогда все диссертации, и особенно докторские, рассматривали по их научному существу, на самом высоком уровне. Практиковались постоянные вызовы диссертантов, и не только в связи с отрицательными отзывами. Большинство докторских диссертаций, особенно с периферии, рецензировались дополнительно. Обсуждения проходили оживленно, с большим количеством вопросов. Иногда члены совета усердствовали даже чрезмерно. Так, помню курьезный случай с Н.Н. Воронцовым, впоследствии крупнейшим зоологом. Когда проходила его работа, кто-то из комиссии, спросил: «А не тот ли это Воронцов, который опубликовал в «Комсомольской правде» статью «Приматы моря», в которой он называет головоногих одними из претендентов на роль высших приматов? Что это за вольности для профессионального ученого? Это вульгаризация науки! Давайте вызовем его, побеседуем и сделаем внушение». Решили вызвать. А на следующем заседании, М.С. Гиляров, которого не было на предыдущем, увидев в коридоре Н.Н. Воронцова, спросил, зачем он тут, и, узнав что для «внушения», возмущился (он уже хорошо знал его очень серьезные работы), возникла перепалка. Меркурий Сергеевич заявил, что не будет присутствовать, что ему просто стыдно от того, чем занимается комиссия, вышел и вернулся только после того, как вышел Н.Н. Воронцов. Действительно, ситуация сложилась трагикомичная, кто-то пытался задавать невнятные вопросы диссертанту, на которые тот кратко и односложно отвечал, члены комиссии сникли и быстро отпустили «ответчика».

Всем генетикам, дела которых поступали в комиссию по биологии без защиты диссертации, степени присуждали без каких-либо осложнений. Помню фамилии Хвостовой, Сахарова, Сидорова, Мирюты, Керкиса и др. Правда, о некоторых кандидатурах, например о Сидорове, со мной говорили их коллеги и друзья, предвидя какие-то сложности. Но все проходило гладко, без осложнений. И вдруг, на одном из заседаний, когда докладывалось дело о присуждении докторской степени без защиты Н.В. Тимофееву-Ресовскому, который в течение длительного времени, в том числе в период

всей войны, работал в Германии, выступает Н.И. Нуждин, бывший известным генетиком-дрозофилистом, а после 1948 г. заявивший о своей приверженности идеям Т.Д. Лысенко. Ничего не говоря о причине, он заявил, что не хочет принимать участия в этом деле и обсуждать эту кандидатуру, что это особый случай, который должен рассматривать Президиум ВАК. Несколько членов комиссии, помню С.И. Алиханян и др., предложили все же рассматривать. Но тут еще один из ее членов, очень крупный орнитолог профессор МГУ Н.А. Гладков сказал, что и он присоединяется к мнению Н.И. Нуждина. После этого председатель комиссии П.А. Генкель сказал, что он проконсультируется в Президиуме. Потом в течение довольно долгого времени я его неоднократно спрашивал о результате консультаций и о том, когда же мы будем обсуждать этот вопрос. Дело Н.В. Тимофеева-Ресовского так и не поступило в комиссию, но через некоторое время стало известно, что степень ему присуждена, то есть вопрос был решен непосредственно Президиумом ВАК. Причины поведения Н.А. Гладкова тогда объясняли тем, что он был в плену, и что его каким-то образом освободил (кажется, говорили – из лагеря) известный немецкий орнитолог Э. Штреземан и поселил на своей даче, откуда его и забрали наши военные. Никаких особых последствий этих событий в дальнейшем у него не было, после войны он стал работать профессором МГУ. Однако, в 2009 г. вышел перевод книги немецкого орнитолога Е. Новака «Ученые в вихре времени», в которой приведены выдержки из его активной переписки со Э. Штреземаном. Из нее следовало, что Н.А. Гладков работал у немцев переводчиком, свободно передвигался по странам, то есть, по сути, был не пленным, а специалистом, перешедшим на сторону немцев, что каким-то образом ему удалось скрыть.

В 1968 г. меня ввели в состав редколлегии «Зоологического журнала» на должность ответственного секретаря, которую я занимал до 1976 г. Многие годы, до смерти в 1965 г., главным редактором журнала был создатель учения о природной очаговости трансмиссивных болезней академик Е.Н. Павловский. Затем 3 года журнал был без главного редактора. В 1968 г. им стал паразитолог К.М. Рыжиков, а его заместителями – известные энтомологи К.В. Арнольди и Г.А. Викторова. Втроем мы образовали рабочую группу редколлегии, собирались через неделю по вторникам в редакции на Кузнецком мосту. Основную часть редакционной работы делали мы с Г.А. Викторовой, который был удивительно симпатичным, умным человеком. Я пытался перенимать его принципы и подражать организованности и четкости в работе. Г.А. Викторова вскоре избрали членом-корреспондентом АН СССР, и все видели в нем крупнейшего ученого, лидера и организатора науки, но случилось непредвиденное. В 1974 г., на 49

году жизни в ночь после возвращения с дачи он скончался в своей городской квартире от сердечного приступа. Это случилось как раз во вторник: я пришел на наше заседание, а Георгия Александровича нет и нет. Позвонили домой, а его жена Е.Н. Поливанова ответила: «а он умер»; мы были ошарашены.

Через некоторое время, после защиты докторской (в 1976 г.), меня и Г.М. Беляева назначили заместителями главного редактора, которым стал В.Е. Соколов, а ответственным секретарем – М.В. Мина. Позднее в состав редколлегии и рабочей группы включили Б.Я. Виленкина. В течение многих лет мы вчетвером и тянули эту тяжелейшую ношу – редактирование ежемесячного журнала. В 1988 г. главным редактором «Зоологического журнала» был назначен академик Л.П. Татаринов. В.Е. Соколов возглавил журнал «Успехи современной биологии», а я стал его заместителем. Когда через несколько лет Владимир Евгеньевич отказался от этой должности, главным редактором «Успехов» назначили меня.

Журнал «Успехи современной биологии» имел статус «обзорного», публиковал обзоры по разным проблемам с упором на иностранную литературу. Но в 90-х годах роль таких публикаций по ряду причин стала снижаться, чему еще больше способствовало развитие Интернета. Я начал менять профиль журнала, заказывать концептуальные статьи. К концу 90-х годов журнал утратил статус «обзорного» и превратился в общебиологический, печатающий статьи широкого профиля. Предпочтение отдавалось статьям, основанным на сугубо оригинальном материале, но концептуальным, включающим теоретический анализ результатов. Позже мне пришлось возвратиться в «Зоологический журнал» в качестве главного редактора. Рабочая группа редколлегии расширилась до 7 человек, и в этом составе работает до сих пор.

Как я уже говорил, в 1972 г. по приглашению М.С. Гилярова я перешел в ИЭМЭЖ им. А.Н. Северцова в лабораторию почвенной зоологии. В этот момент я вновь попытался «изменить» Арктике. Начал работы в полупустыне Прикаспия на стационаре «Джаныбек» Лаборатории лесоведения АН СССР, где провел несколько весенних сезонов (1972–1974 гг.), опять собрал большой материал по структуре животного населения. Особенно много работал по травостойному комплексу, по распределению нематод в почвенном профиле. И опять все это осталось незавершенным, так как накапливались материалы по Арктике. Пришлось готовить докторскую диссертацию «Животный мир Субарктики и зональные факторы среды», которую защитил в 1976 г.

1976–1977 гг. для меня были чрезвычайно насыщенными. Кроме хлопот по защите докторской, принял участие в организации и

проведении научного рейса на тропические острова Тихого океана, а в дальнейшем – в обработке собранного материала в форме издания сборников и монографий, устройства разнообразных совещаний, симпозиумов, в том числе – секции Международного Тихоокеанского конгресса.

Поразительно легко удалась организация первого рейса. Сейчас это воспринимается как сказка. С только что защитившим докторскую Ю.Г. Пузаченко мы написали в отдел морских экспедиционных работ Академии наук, которым руководил всем известный И.Д. Папанин (не помню, был ли он еще жив) записку о важности исследования органического мира, экосистем малых океанических островов, о наличии в стране хороших специалистов для выполнения этой работы (записка была от нашего имени с визой директора ИЭМЭЖ В.Е. Соколова). Спустя месяца два получаем ответ – срочно пришлите программу работ и список участников экспедиции. Еще через два месяца после ответа – приглашение прибыть всему составу во Владивосток.

Наш рейс (4 месяца) проходил на экспедиционном судне «Каллисто» Дальневосточного отделения АН СССР. Что меня тогда поразило, какая же это махина – научный океанский рейс, какую уйму денег он стоит. Мы целый день помогали матросам разгружать с баржи мешки с мукой. Когда я переспрашивал, зачем же так много, мне отвечали: а ты посчитай: 4 месяца на 70 человек. А когда мы стояли в Сингапуре и ожидали прихода поезда с горючим, я продолжал спрашивать, когда же придет наш вагон, и меня все время поправляли: да не вагон, а весь состав, его целиком зальют в наш корабль. Все это не укладывалось в мою исходно сельскую голову.

Кстати, наряду с командировочными (из средств институтов) нам выдавали ежемесячно по 150–200 долларов (тогда это были неплохие деньги), которые мы тратили на стоянках, покупая всякие редкости, изделия местных народностей (маски, бусы), раковины, а также японские магнитофоны, фирменные джинсы, шикарные куртки. Например, я приобрел две, себе и жене, самого высшего качества кожаную и замшевую, то есть далеко не предметы первой необходимости (это к пресловутому вопросу о нашем тогдашнем уровне жизни).

Потом удалось организовать еще два рейса по островной тематике (в 1981 и 1984 гг.) на более мощном и комфортабельном корабле «Академик Виноградов». Я участвовал в рейсе 1984 г. на Сейшельские острова. В связи с этим мне пришлось часто отрываться от моей постоянной работы по арктической тематике, участвовать в организации совещаний Тихоокеанского конгресса, подготовить несколько докладов и статей в тематические сборники и

журналы. Один из объемных сборников готовился долго, вышел только в 1994 г. на английском языке с моей статьей по таксономической структуре островных экосистем.

Взаимоотношения в рейсах были разные. На фоне всеобщего ликования, восторгов, увлеченности работой и глубокого интереса к объектам своих исследований, возникли группы, объединенные как «коммерческими» увлечениями во время увольнений на берег, так и личными дружескими и иными отношениями. Неожиданно для меня обособилась группа маститых (и не очень) ученых на почве повышенного пристрастия к алкоголю, к групповым выпивкам, причем очень «серьезным», вплоть до обморочного опьянения, с откровенной неприязнью к другим сотрудникам, которые неодобрительно смотрели на такие сборища. И это при 40-градусной жаре! В тропическом поясе нам раз в три дня выдавали бутылку (0,7 л) прекрасного сухого вина (кто не хотел – трехлитровую банку яблочного сока). Для данной компании это было каплей в море, зато в избытке имелся этиловый спирт для научных целей, который привлекал неослабное внимание. Меня особенно удивляло то, что в таких сборищах принимали участие авторитетные ученые, доктора наук и профессора. Однажды это проявилось в особенно курьезной форме. Во время стоянки на Новой Гвинее нас пригласили поехать на один из дальних стационаров, предупредив, что поездка будет очень долгой. Всем понятно, что такое зоологу или географу побывать в глубине Новой Гвинее. Ехали почти весь день, приехали к вечеру. Мы с фотографом, перекусив, собрав фотоаппараты, сачки и банки, сразу побежали в лес, смотрели, фотографировали, собирали всякую живность в морилки, банки и мешки, неоднократно возвращались на базу, пересыпали собранную живность в свободные емкости, в спирт, заправляли новые морилки и т. д. Уже давно была глубокая ночь, а вся остальная компания, встретив на стационаре двоих иностранных ученых, выставив бутылки и закуску, продолжала застолье (потом объясняли, что это нужно для серьезных разговоров по поводу работы). Надо осознать, что мы попали в центр Новой Гвинее, где из профессиональных зоологов и ботаников за всю ее историю бывали единицы. Мы продолжали бегать, собирать животных и наслаждаться пребыванием в тропической ночи. А зрелище было потрясающим, особенно поражали огромные светящиеся среди ветвей глаза, как оказывалось при поимке их обладателей, в основном пауков и реже змей и ящериц. Под утро мы немного вздремнули. Когда проснулись, оказалось, что почти вся наша компания еще сидит за столом (некоторые участники все же лежали) и находится в состоянии серьезного опьянения. А на рассвете нас обещали сводить на ток райских птиц. Это – действительно уди-

вительное зрелище, сейчас на эту тему снято много фильмов, но тогда я подобное видел впервые. Увы, основной части нашей компании было уже не до зрелища «райского» токования. К сожалению, подобные «завихрения» пьяных мозгов в течение прекрасных тропических рейсов можно было наблюдать неоднократно.

В 1960-е годы начала действовать уже упомянутая выше Международная биологическая программа с очень широким тематическим содержанием. Ее центральной проблемой была биологическая продуктивность в самом широком смысле, включая физиолого-биохимические, трофо-энергетические, биоресурсные механизмы биологического круговорота и другие аспекты. Но реальные исследования под эгидой МБП велись в самых разнообразных направлениях. На стационарах проводили и в Трудах публиковали работы самых разных направлений, таких как инвентаризация видового состава сообществ, региональных и зональных флор и фаун, создание обширных баз данных по флористике и фаунистике, изучение разных форм адаптаций животных и растений, трофических отношений и т. д. Нет оснований рассматривать такое очевидное размывание конкретной задачи программы только с негативных позиций. Это было результатом чрезвычайной популярности и позитивного принятия идеи и смысла единой программы исследований, включая возможности более близких контактов с иностранными коллегами. По всей стране мгновенно возникли многочисленные стационары, объявившие о присоединении к исследованиям по МБП. Во главе развернутой структуры ее руководства встали и приняли активное участие в работе такие выдающиеся ученые, как Г.Г. Винберг, М.С. Гиляров, Н.И. Базилевич и др. Я оказался в центре этого движения, работал на нескольких стационарах, особенно продолжительное время в Центрально-Черноземном заповеднике и на стационаре «Тарейя» на Таймыре. Опубликована огромная серия трудов МБП в едином оформлении (синий переплет с оригинальной эмблемой), но крайне разношерстных – от специальных методических вопросов до глобальных обобщений. Все это делалось без специального финансирования за счет тех средств, которые имелись в институтах. Энтузиазм и возвышенное чувство причастности к общему делу международного масштаба обусловили высокую эффективность работ. Другое дело – какова была роль этих исследований в развитии мировой экологии, вопрос, который, к сожалению, специально не анализировался. Естественно, здесь много спорного, главным образом потому, что под эгидой МБП выполнялись очень разнообразные по тематике работы. В одном из сборников «Ресурсы биосферы» мы с М.С. Гиляровым опубликовали большой обзор о структуре населения и роли почвенных беспозвоночных в

сообществах умеренного пояса. К окончанию МБП в конце 70-х годов появились содержательные обзоры и методические пособия, например, великолепная книга под редакцией Г.Г. Винберга по методам изучения трофоэнергетики в пресноводной гидробиологии, что, безусловно, способствовало прогрессу отечественной гидробиологии и общей синэкологии.

К сожалению, в последовавший в конце 80-х и в 90-х гг. период «перестройки» эти, с таким трудом завоеванные позиции, были утрачены. По моему немалому опыту анализа проектов конкурсов РФФИ, совершенно очевидно, что отечественные гидробиология и геоботаника, две ведущие дисциплины в сфере общей синэкологии, в настоящее время по своему концептуально-методическому уровню занимают невысокие места в рейтинге научных направлений общей биологии. Особенно плачевно их состояние в периферийных институтах и вузах, которые как раз в период МБП развивались очень интенсивно. Все, что происходило под рубрикой этой программы очень поучительно для современной отечественной науки. Сейчас можно лишь с ностальгией воспринимать тот огромный эффект, который был результатом столь активной деятельности отечественных ученых без дополнительных дотаций на базе обычного финансирования научных учреждений.

Участие в этих работах и соответствующих совещаниях и публикациях повлияло на мои научные пристрастия, в частности, усилило увлечение проблемой природной зональности, вопросами макрогеографической структуры жизни, фауны, флоры и сообществ. Этот интерес возник у меня в самом начале приобщения к научной работе на первом курсе, когда я начал заниматься двукрылыми, сначала синантропными, а потом сирфидами, или журчалками, под влиянием профессора кафедры зоологии А.П. Кузьякина, который боготворил и пропагандировал идеи Л.С. Берга, все его географические труды, особенно посвященные природной зональности. В результате быстро появился макет первой моей книги, которая имела обзорно-концептуальный характер. Уровень ее был не популярный, но, во всяком случае, вполне общедоступный. В 1975 г. она вышла в географическом издательстве «Мысль» под названием «Природная зональность и животный мир суши». Подчеркиваю, что книга была написана в значительной степени благодаря моему активному участию в работах по МБП, как на стационарах, так и в различных совещаниях и сборниках. Эту небольшую книжку интенсивно использовали биологи разного профиля и активно цитируют до настоящего времени.

В 1981 г., также в издательстве «Мысль», вышла еще одна книжка, которую можно отнести к категории научно-популярных или

популярно-справочно-обзорных – «Жизнь тундры». В 1985 г. она была издана на английском языке в Кембридже под названием «The Living Tundra». Через некоторое время издательство прислало мне копии аннотаций и рецензий на нее из различных европейских журналов. Их было около 60, из которых лишь одна с критическими замечаниями, касающимися различных конкретных вопросов экологии видов, ценологических связей и др. Это была рецензия Н. Remmert, который в 1980 г. опубликовал насыщенную интересными конкретными данными книгу «Arctic Animal Ecology», по некоторым позициям перекликающуюся с моей. По поводу своей книжки я получил несколько писем, например от академика С.С. Шварца, в котором было: «Поздравляю с безусловной удачей», и читал в различных изданиях весьма лестные для автора отзывы на русскую и английскую версии даже в том духе, что они на 20 лет стали основным пособием в мире по тундроведению. К сожалению, я не нашел времени для ее дополнения с целью переиздания, как и для много другого явно важного и полезного, о чем очень жалею.

Начались 90-е годы. «Перестройка», распад страны, катастрофическое обеднение науки. О моем восприятии всего этого, переживаниях, дискуссиях с коллегами – чуть позже. А в научном плане на меня свалилось огромное количество дел и обязанностей – программы, гранты, конкурсы, РФФИ, проекты, комиссии, заказные прогнозы неизвестного назначения и т. д. Во все это мне пришлось окунуться с головой. Чем мне довелось заниматься все эти годы, и что стало с моей наукой, моими экспедициями, начатыми книгами! Достаточно заглянуть в мой компьютер...

Все это стало одной из причин умышленного и одновременно невольного, и, может быть, отчасти ошибочного, резкого изменения стиля жизни с неблагоприятными для меня последствиями. Меня все меньше стало интересовать общение с коллегами или просто приятелями из научной сферы. У меня в архивах, в папках накопился огромный объем начатых и незавершенных материалов самого разного профиля, от сугубо фактологических до концептуально-теоретических, которых, как говорят, хватило бы еще на две жизни. Поэтому примерно в середине 90-х годов я принял два решения. Во-первых, прекратить поездки в длительные экспедиции, во-вторых (самое главное) начать писать монографию «Биота Арктики», в которой я намеревался обобщить данные по всем таксонам ранга класса органического мира Арктики. В первые год-два эта работа шла успешно. Быстро удалось написать и отчасти опубликовать

ликовать отдельными статьями обобщающие очерки по флоре сосудистых растений, по разным группам насекомых (жуков-листоедов, двукрылых, дневных чешуекрылых), по млекопитающим, птицам, рыбам и др. Но в это время одновременно катастрофически стала нарастать загрузка другими формами деятельности, связанными с новыми механизмами финансирования, с появлением Программ разного профиля и уровня, Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), в работе которых я, как член Академии, вынужден был принимать все большее участие. Моя загрузка особенно увеличилась, когда, начиная с 1999 г., я стал выполнять обязанности председателя экспертного совета РФФИ по общей биологии. Это уже была не нагрузка, а настоящая перегрузка. Только в 2009 г. я отказался от этой обязанности. Но подыскать новую кандидатуру оказалось непростым делом, лишь после длительных переговоров и консультаций было достигнуто соглашение, и в 2011 г. назначен новый председатель. Одним словом, работа над монографией застопорилась, я успевал готовить лишь достаточный минимум публикаций, необходимых для ежегодных отчетов. Сейчас объем написанного около 300 страниц, но нужна огромная работа по рисункам, таблицам, библиографии. Совершенно очевидно, что все это я сделать уже не успею...

В эти годы я был удостоен серии наград, очень для меня лестных. Был награжден орденом СССР «Знак Почета». В 1989 г. за серию работ «Зональные особенности организации биоты» мне присудили золотую медаль им. В.Н. Сукачева – высшую награду Академии наук СССР по экологии, в 1997 – международную премию им. А.П. Карпинского, в 1999 г. – премию Фонда им. В.Е. Соколова за научную и научно-организационную деятельность. Наиболее значимой и престижной для меня стала премия А.П. Карпинского, присуждаемая комиссией, в которую входят российские и немецкие ученые. Моя кандидатура прошла не без определенной дискуссии. На вручении Премии в зале РАН я прочитал речь (см. приложение).

Теперь самое время снова прерваться на некоторые аспекты личной жизни, дабы не уподобиться застенчивому однобокому профессиональному сухарю. Ведь все описанные стороны жизни теснейшим образом переплетаются с чувствами, с отношением близких людей, в особенности с супругой и детьми, да простит мне читатель некоторые вольности, которые будут минимальными. Тем более, что мы подошли к следующей эпохе конца 80-х – 90-х гг.

Жизнь нашей семьи в «лихие» 90-е пришлась на период относительного малолетства обоих внуков – Данилы и Тимофея. Это был период наиболее тесного общения всей семьи и особой «нужности» бабушки и дедушки сыну и внукам. Денег на жизнь явно не хватало. Даже проблему питания приходилось решать с немалыми хлопотами. Во двор нашего дома каждую субботу приезжала машина из одного района дальнего Подмоскovie. Новые сельские хозяева привозили молоко, творог, сметану, мясо, овощи. Мы все это закупали в объеме возможного ручного переноса, вызывали Ивана или Данилу и срочно переправляли в Теплый стан, где жили ребята. Мне приходилось постоянно ходить на рынок, выбирать приличное мясо, в том числе специально для супа Даниле и Тимофею. Еще один фактор общения: в домах стали стремительно появляться компьютеры, появился он и у нас в квартире. Иван работал на компьютере лишь на кафедре, заводить его дома пока не хотел, так как считал, что это преждевременно для детей, которые сразу бы его абонировали и включились в стремительно распространявшиеся компьютерные игры. Поэтому каждое или почти каждое воскресенье мальчишки с Иваном приезжали к нам, садились за компьютер и втроем «наслаждались» этими внешне безобидными «забавами». Мы готовили как можно более питательные и вкусные обед и ужин, усаживали ребят за стол и к вечеру отправляли домой наигравшихся и насытившихся «мужиков».

Кроме компьютерных игр ребята с увлечением рассматривали коллекции морских животных, русской глиняной игрушки и деревянной росписи. Любили вытаскивать их из шкафов, расставлять на коврах, устраивать всякие сценки. Рассматривали собранную мной внушительную коллекцию художественных альбомов. В это время я стал со старшим, а потом с обоими, ходить в театры, музеи (особенно часто посещали Третьяковку, Исторический музей, но также и Зоологический и Минералогический и др. музеи), возил их в Санкт-Петербург – во дворцы, в Русский музей и т. д.

Нина сначала ежегодно отдыхала с Данилой в академическом санатории в Звенигороде, а потом стала каждое лето совершать с ним речные плавания по разным маршрутам. Одним словом, все 90-е и начало 2000-х годов – был период максимально тесного общения семьи, и это, безусловно, оказало положительное влияние на духовный рост ребят.

С 1993 г. началась наша дачная эпопея. Двух внуков надо было куда-то определять на лето. В 70-х годах, когда рос Иван, дачная «идея» просто не приходила в голову, и не только нам. Проблему решали просто, без особого напряжения (пионерские лагеря, дома

отдыха). Мы, например, возили Ивана с собой на стационары, в экспедиции. В 90-х же под названием «приватизация» стали закрывать, разорять и красть детские сады, летние лагеря. Для многих семей возникла проблема. Два года мы снимали дом в одной из деревень Тверской области. А потом как-то сама собой возникла идея о необходимости собственной дачи (подвернулся институтский садовый кооператив в Шаховском районе). К ее постройке, по сути простой сельской избы с садом, активно подключился Иван, в течение нескольких лет практически в одиночку построив добротный бревенчатый дом, где и отдыхали дети. Потом – новая дачка в академическом садовом кооперативе близ Бронниц, уже для нас с Ниной. Сначала Нина там почти не появлялась, а потом после моих многочисленных поездок в целях завоза бытовки, хозблока, постройки дома, посадки сада, что в основном завершилось примерно к 2000 г., стала посещать и этот садовый участок и сразу увлеклась цветами, клумбами. Разрослись мощные куртины пионов, гладиолусы, флоксы, розы и т. д. Как и все, за что бы она не бралась, Нина делала это истово, интенсивно, с неодолимым желанием все большего объема и разнообразия. Инициатива дачных занятий перешла в ее руки. Меня дачные заботы постепенно перестали занимать. И последние годы я уже стал ездить на дачу просто как ее сопровождающий.

Наша интенсивная дачная жизнь продолжалась до страшного лета 2010 г., когда в середине июля мы буквально бежали с дачи, не выдержав жары и с ожиданием еще худшего. Менее чем через месяц, 9 августа, Нина умерла.

Конечно, я не могу не написать о своих переживаниях, эмоциях, мыслях и своем отношении к заключительному этапу жизни, связанному с «перестройкой», распадом страны и современному периоду 2000-х гг. Начало 90-х – новые времена, опять революция. Позор России – расстрел парламента со ссылкой Б. Ельцина на одобрение Б. Клинтона. Позор, который видела вся страна. Из танков – по парламенту под флагом демократии, под крики собравшихся поблизости людей! Какой там Октябрьский переворот, который никто не видел и о котором потом фантазировали на разные лады. А после 1993 г., как я наблюдал, большинство людей постарались забыть этот позор, не придавать ему большого значения. Мы с Ниной смотрели все по телевизору молча, не обсуждали, но и у меня и у нее сложилось абсолютное неприятие и переворота, и новых правителей, и их приспешников. Ни одна фамилия самых активных

деятелей этого периода, так называемого демократического толка, не вызывала у нас ни тени сочувствия или какой-либо иной формы положительной реакции. Наше отношение ко всем этим начальным и последующим событиям не изменилось и в последующем, до смерти Нины и моего теперешнего состояния.

Появилось новое поколение промывателей мозгов: на телевидении, радио, в газетах. Н. Сванидзе вел передачу о том, как новые «большевики», то есть «демократы» брали в свои руки телевидение (не телеграф), как расстреливали безоружных ничего не понимающих людей (страшно было смотреть на этих мальчиков с автоматами, которые явно не вникали в то, что они делают, в кого им приказано стрелять и кто приказал). А вот А. Любимов, этот «истинный» демократ, теперь, наверное, миллионер, в ту страшную ночь заявил, что он не хочет в этом участвовать и пойдет спать. И другие поспешили объявить, что это не их дело, и молчали, пока люди не забыли и не успокоились. Какая же во всем этом была степень вранья, лицемерия!

Все до сих пор вспоминают советскую цензуру. А вот я в 1992 г. написал статью «Наука и демократия» (см. приложение) и принес ее в «Известия», в газету, которую наша семья выписывала до той поры. Редактор начал читать мою статью с интересом, но по мере чтения выражение его лица менялось. Вернул он ее со сбивчивым объяснением, что это не их профиль. В других центральных газетах ее также не взяли. Вот вам и цензура. Потом я оставил рукопись в редакции журнала «Природа», где ее напечатали сразу. На нее пришло много откликов, люди писали, что я выразил их мысли. Особенно запомнилось письмо теперь уже покойного академика Ю.М. Пушаровского о том, что эта статья – о разрушении того, что создавалось трудом целых поколений великого народа и великого государства.

Хотел продолжить писать на эти темы, например статью «Смердяковщина – болезнь или проклятье моего сословия?» Но потом бросил, поняв, что или политика, или наука. Эта ненаписанная статья была бы вот о чем. Жажда представить себя гонимыми, притесняемыми при советской власти, и борцами с тоталитаризмом поразила нашу интеллигенцию как злой вирус, как эпидемия. Ее первая волна – это действительно пострадавшие и «честные» диссиденты, заполнившие эфир, страницы печати и коридоры власти в начале «перестройки». Спустя несколько лет некоторые из них поспешили отмежеваться от последующего разгула настоящей «смердяковщины». Так, приехавшие в Россию А.Д. Синявский с супругой М.В. Розановой с горечью признавались, что они не находят общего языка и, более того, не хотят иметь дело почти со всеми давними друзьями и

единомышленниками, даже с теми, которым они благодарны и считают себя обязанными за помощь и содействие в трудные для них времена. В.Е. Максимов высказывал подобную позицию в еще большей степени. А.А. Зиновьев стал развивать тему «метили в тоталитаризм, а попали в Россию». Более того, в публичных выступлениях таких людей стало все более отчетливо проявляться осознание того, какую великую страну мы потеряли, какую культуру разрушили и какой мерзостью ее заменяем. Вторая волна – это стенания «обделенных». Одному не дали звания народного артиста, которого он, по его мнению, безусловно, достоин, благо, что уже стали забывать какого уровня были народные артисты; другого не избрали в Академию, третьего не пускали за границу и т. д. На фоне социальной трагедии общепланетарного масштаба, гибели огромной страны с многомиллионным народом, создавшим удивительную, уникальную цивилизацию, все эти личные обиды, внешне вполне искренние, представлялись как нечто первостепенной важности, как драма, заслуживающая всеобщего внимания, обсуждения и осуждения. Все это подавалось в том духе, как было плохо в «этой стране». На этом «эпидемия» не угасла. Стали вспоминать – кому не дали квартиру, не приняли на работу в театр и т. д. Третья волна, которая длится до сих пор – откровенная «смердяковщина», безудержные изощренные фантазии на тему о том, как было плохо при социализме и натужные воспоминания о своих «бедах» вроде тех, что вот мол, какая-то противная советская баба меня обругала на кухне (или на рынке) или как редактор мучил и исправлял мой (конечно, идеальный) текст и – уж совсем страшно – статью редакция журнала отклонила. Артисты особенно любят вспоминать, как им было плохо во время заграничных гастролей и командировок, как они не могли всего купить, что хотелось, как они поражались зарубежному изобилию на фоне нашего дефицита. Выше я уже говорил о собственных впечатлениях во время зарубежных научных командировок и рейсов.

Читая и видя все это в телевизионных передачах, я невольно все чаще сравниваю изощренность, силу воздействия, степень некорректности и простого вранья идеологического аппарата советской власти и современных СМИ. Стоит напомнить, что многие и многие современные пропагандисты, например В. Познер, имели партбилеты. А я знаю, к чему это обязывало, хотя сам в партии не состоял и ни на одном партсобрании не присутствовал, да и близких друзей с партбилетами у меня практически не было. Все чаще приходит мысль, что современная пропаганда по своей сути неизмеримо более изощренна и лжива. Все эти передачи об ужасах нашей жизни, о дефиците товаров, о запретах, о цензуре и т. д. очень тонко

продуманы, выглядят правдивыми, опираются на факты, которые действительно были. Но все это – типичная полуправда, которой издавна пользовались все, кто проводил идеологическую обработку масс, будь то коммунизм, фашизм, капитализм, феодализм и т. д. По своему возрасту я все это знаю не из современных газет, а как простой житель того времени, который интересовался многими сферами нашей жизни и во многих из них участвовал и как любитель, и как профессионал. Мне не понаслышке были знакомы наука, изобразительное искусство, театр, сельское хозяйство, экспедиции и морские плавания, зарубежные поездки, наконец, торговля и модная одежда, ателье люкс, хорошие рестораны, доставание дефицита и т. д. И я с горечью и тревогой убеждаюсь в том, что современная молодежь воспитывается в атмосфере гораздо большего вранья, или, скажем мягче, искажения правды, то есть полуправды, которая страшнее вранья, так как ее труднее распознавать. А в итоге эта обработка полуправдой намного жестче и страшнее, она сильнее искажает личность, тривиализирует ее, «причешивает под одну гребенку». Я постоянно вижу, что современные поколения, младшие и средние, намного легче верят этой пропаганде, с гораздо большим трудом распознают идеологический обман, и тем самым легче управляемы, чем наше поколение. Я все меньше вижу яркие индивидуальности, будь то артисты, ученые или рабочие, все реже встречаю людей с нестандартными увлечениями, все больше становится тех, кого интересует только одно – заработок и модные развлечения.

До сих пор (уже 2012 г.), интеллигенция, особенно, деятели искусства, литературы, частично и артисты, причастные к СМИ, не могут успокоиться в своем рвении доказать преданность новой власти, стремятся превзойти друг друга в изобличении того, что называют социализмом. Можно, например, слышать такие тирады. О прекрасном, утонченном, с великолепным ансамблем актеров, фильме «Доживем до понедельника» недавно на канале «Культура»: «Этот фильм вскрыл пороки советской системы образования и по существу был вызовом существующему государственному строю». Каково? Что там советская пропаганда! Или такие пассажи – якобы запрещалось исполнение песенки «Ландыши», и были повсеместное гонение и запреты танго и фокстрота. А ведь эти танцы танцевали повсюду на танцплощадках, которые строили по всей стране, не только в городских поселках, но даже в малых деревнях. Теперь все они разрушены, уничтожены, а в сельских поселениях не осталось не только танцплощадок, но и молодых жителей.

Д.А. Гранин на панихиде по Д.С. Лихачеву произнес, что при Советской власти его ненавидели и боялись. Вот так и сказал, не

кто-то конкретно, а вообще – в Советском Союзе. У меня возник вопрос: «Д.А. Гранин тоже ненавидел?». Самое страшное – не сама эта фраза, а то, что, я уверен, подавляющее большинство не обратило внимания на эту дикую фразу в устах литератора. С этим сжились и считают такую фразеологию необходимым и безобидным ритуалом, как когда-то речи тупых партийных функционеров.

Стенания «интеллигенции» по поводу притеснений и недостатков нашей прошлой жизни напоминают мне одну из интермедий А. Райкина, помните: «... жизнь была ужасная, жизнь была страшная..., но рыба в Каме была!». И вот Г.П. Вишневская вспоминала, как ей было плохо, как ее притесняли... Все очень туманно, ну, например, наверное, было тяжело принимать постоянные приглашения на концерты в Кремль. Но вот она начинает говорить по существу – о своей работе, о репетициях, об учителях, например, о Б.А. Покровском, о соратниках, о спектаклях Большого театра, и сразу становятся видны профессиональный уровень, профессиональная и интеллектуальная мощь советского театра. И что же можно сказать, если сравнить это с современным уровнем? Еще студентами мы постоянно ходили в Большой театр, хотя и приходилось выстаивать очереди за билетами или доставать, выпрашивать «лишний» билетик, но никакой проблемы с их стоимостью не было.

А стенания артистов по поводу «принуждения» участвовать в идеологически выдержанных фильмах! Ну а теперь – в каких фильмах они снимаются, что идет потоком? Какие идеалы, идеи, образы? Помните, какие гиганты вырастали после дебютов в «Аттестате зрелости», «Молодой гвардии», «Добровольцах». А теперь, посмотрите бесконечные современные сериалы – какие роли там играет молодежь, и что из них получается 5 и 10 лет спустя? Где новые Мордюковы, Гриценки, Лановые, Ульяновы, Лавровы, Борисовы, Хитяевы, Табаковы, Быстрицкие, Купченко, Макаровы, Вертинские, Гурченко, Михалковы и т. д.? А какие вырастали характеры, какие личности, какие несхожие мастера! Это – к вопросу о причислении под одну гребенку. А ведь за последние 20 лет ни одной фамилии такого масштаба не появилось, даже из тех, кто до 90-х годов подавал большие надежды. В этом самое главное – если и появляются явные таланты, где им реализовать себя?

Особый вопрос – о возможности быть приобщенным к самому высокому уровню искусства, музыки в те времена, когда мы были совсем молодыми. Помню, что в студенческие и в несколько более поздние времена я регулярно доставал билеты в Большой и Малый залы консерватории, в т. ч. на концерты Рихтера, Гилельса или оркестрово-хоровое исполнение Реквиема Моцарта. Не могу представить, сколько мог бы стоить билет на такой концерт в настоящее

время, и какая публика там бы сидела. Да и музыкантов такого уровня сейчас нет. Можно ли представить, чтобы в наше время появились, развивались и творили такие непохожие гиганты музыкальной сцены, как Уланова и Плисецкая?

Наблюдая и слушая бесконечные стенания об ужасах советского строя, о притеснениях, дефиците, пустых полках и колбасных электричках, я почти не вижу попыток сравнить по существу, поговорить не о трудностях вообще, а в сравнении с современными условиями, в конкретных и разных сферах жизни. Например – о том, что практически во всех городах и даже поселках всегда имелись рынки, на которых продавалось все необходимое (мясо, масло, молоко, творог, овощи, фрукты и т. д.) по ценам, которые, по отношению к тогдашней зарплате, были такими же, как повсеместные сейчас цены по отношению к зарплате «бюджетников». И во многих городах значительная часть населения вынуждена была питаться в основном «с рынка». По таким же ценам можно было купить что угодно в ресторане. Например, к домашним празднествам я постоянно покупал икру и пр. в буфете ресторана «Прага», и это мне, младшему научному сотруднику, а потом доценту, было вполне «по карману». Не все было в дефиците. Крупы, подсолнечное масло, макаронные и многие кондитерские изделия, сахар, алкогольные напитки (антиалкогольная кампания – это особый вопрос) и т. д. были в любом сельском магазине по обычным государственным ценам. На заводах, в научных институтах и др. практиковалось разного рода распределение продуктов в виде пайков, талонов, бесплатного молока почти на всех предприятиях, бесплатного хлеба на столах в столовых и т. д. По поводу нашего дефицита ходило много шуток и анекдотов в стиле «на прилавках пусто, а в холодильниках густо».

Иностранцы (я имею в виду, например, американцев, с которыми больше имел дело), приглашенные на наши приемы, банкеты, на домашнее застолье или перекусить в номере гостиницы, часто шутили в духе: «Ах! Опять эта русская “бедность”». А вот в гостях у американцев мы видели совсем иное, уж такую экономность, что мне, например, это казалось просто неприличным, хотя в принципе это – совсем неплохая черта, но американская, и не надо ее копировать, пусть каждая нация сохраняет свои индивидуальности.

Или еще такие характерные мелочи. На экспедиционных академических (кажется и на других тоже) кораблях, пересекших тропик, каждый третий день всем полагались бутылка сухого вина, причем вина настоящего, а не такого, какое продается сейчас, которое приходится сначала пробовать, а потом решать – вылить в рако-

вину или поставить на стол. С конца 70-х годов развивалась сеть магазинов, торгующих по коммерческим ценам (например, самые хорошие конфеты или сырокопченая колбаса, стоившие 4 руб., продавались по 10 руб.), и в них, несмотря на высочайший покупательный потенциал населения, подобные продукты не исчезали с прилавков. Если надо было принять гостя с особым значением, например профессора из США, я шел в буфет ресторана или в магазин «Олень», где на прилавке лежали рябчики, белые куропатки, тетерева, глухари, мясо кабана, оленя, лося. Все это стоило, в сравнении с сегодняшними ценами, копейки, и уж точно было доступно практически всем, например мне, научному сотруднику, кандидату наук. А теперь я, академик, и не помышляю о подобном шике, да и магазинов таких в Москве, кажется, нет, все это уже давно только для таких, как раньше говорили, кто «почище». На деньги, заработанные за границей, например строителями, делали покупки в специальных магазинах «Березка». Кооперативные квартиры были доступны большей части работающих, однако многие нуждающиеся в жилплощади предпочитали ждать в очереди бесплатные квартиры. А что такое сегодняшнее изобилие? Вот пример: раньше было понятно, почему ту или иную ткань привезли из Голландии. Но сейчас купить действительно хорошую, не по рекламе и этикетке, а действительно хорошую, шерстяную или шелковую ткань, которая была бы доступна всем, практически невозможно. Не исключено, что такие ткани уже давно не делают, они просто уничтожены «рыночной» экономикой. Мне, понимающему в этом толк, носившему костюмы из «люксовых» ателье и покупавшему ткани для жены, это не удастся. В ателье «люкс», постоянно заваленных заказами, очередь растягивалась на несколько месяцев (потом приходила открытка с уведомлением, что очередь подошла). Сейчас это тоже преподносится как пример всеобщего дефицита. Но ведь таких ателье было много, и очереди в них говорили лишь о том, как немало было людей, которые могли себе это позволить и которые любили шить в дорогом ателье у высококлассного портного. Ведь имелись ателье так называемого первого класса, в которых никакой очереди не было.

Самое главное – поразительная однобокость суждений интеллигенции в стенаниях по поводу дефицита при советской власти и умиления обилием любых товаров теперь. Но редко высказываются мысли в стиле «хрен редьки не слаще». Ведь уже ясно, что в этом изобилии, причем явно избыточном, всего и везде (пресловутая и столь желанная глобализация, стирание национальных и географических различий), то есть гибель, причем очень близкая, среды обитания человека и всего человечества. Для того, чтобы по-

нять это, довольно цифр о количестве ежедневно, ежегодно выбрасываемых продуктов (достаточно сходить на городскую свалку), отходов, упаковочных материалов, разбитых и изношенных автомобилей и т. д. Ведь выбрасывают не испорченное, а вполне пригодное, только для того, чтобы поддержать уровень стоимости. И этому невозможно противостоять, не решить даже самый простой вопрос, например, уменьшить количество полиэтиленовых пакетов, заменив их авоськами (как-то это обсуждали в какой-то телепрограмме). А ведь именно в этом избыточном и одностороннем производстве и самоуничтожении – проявление сути капитализма. Помню, мы посмеивались (не верили) над советской пропагандой и обвинениями империализма, когда нам показывали, как на фоне беднейших кварталов в озеро из цистерн выливают тонны молока. Теперь мы сами с вождением участвуем в этой гнусности.

А сельское хозяйство и деревня России! Они погублены полностью в течение 90-х годов и первого десятилетия XXI века. Поездка на автобусе или на машине по любому району Подмосковья – опустевшие, разрушающиеся и зарастающие теплицы, скотные дворы, уже заросшие лесом поля и обезлюдившие деревни. А ведь это азбука экономики: полноценное экономическое развитие страны возможно лишь при условии, что оно базируется в значительной степени на возобновляемых ресурсах, то есть на сельском хозяйстве, на производстве зерна, растительного масла, мяса, молока и т. д. Как, например, в США, где смысл свободы применительно к производству и торговле весьма условен.

Так что мы имеем взамен социализма, а по-моему – государственности? Одно из достижений современной политико-экономической структуры – неумное и неодолимое стремление к новым формам роскоши и сверхроскоши. Яркий пример – огромный современный лайнер на 19 человек с банкетным и физкультурными залами, ванными комнатами. В это вкладывают деньги от продажи природных ресурсов и от труда тысяч людей.

Но есть еще одна страшная сторона так называемой рыночной экономики. Недавно я узнал, что если на упаковках продуктов стоит знак ГОСТ, это значит, что продукт сделан по нормам, утвержденным государством, и никакой другой знак на этой упаковке неправомерен. Беру с полки «солидного» магазина «Перекресток» банку сгущенного молока, на ней – «ГОСТ», но на другой стороне написано «ТУ», что значит, что производитель внес свои изменения в рецептуру. С другой полки беру соленую рыбу в вакуумной упаковке, на ней бумажка с датой заклеена так, что хорошо видна прежняя (видимо так много пришлось переклеивать, что не успели отклеить прежнюю, а может эта уже и не вторая?). А ведь это рыб-

ный продукт, хорошо известны последствия его несвежести. И еще. Оказывается, что теперь для изготовления мороженого вообще не используют натуральное молоко, тем более – сливки, хотя и употребляют названия «молочное», «сливочное». А что именно используют, я так и не понял, хотя иногда об этом пишут и говорят, например, упоминается некое пальмовое масло, которое делают не из плодов, а из стволов пальм. Это «масло» еще совсем недавно нигде в мире не применялось в пищевой промышленности. А что мы едим вместо сливочного масла, я так и не смог понять. Пишут и говорят, что надо читать этикетки, которые в большинстве своем совсем не отражают того, что под ними на самом деле. И ситуацию никто не контролирует, никого не наказывают, все производители откупаются. И вот результат – во всех обычных продовольственных магазинах на прилавках – только несколько сортов сыра более или менее известного происхождения. А ведь в советских магазинах постоянно присутствовал отечественный Рокфор, а в некоторых – наш прекрасный Швейцарский, который делали только в двух совхозах – в Белоруссии и в Армении (держали качество).

И это – лучше пресловутой плановой советской экономики? И это – самая прогрессивная передовая рыночная экономика? За что ж боролись... О ней говорят в телевизионных программах, по радио, на митингах и диспутах, охотно декларируют в своих речах и беседах Президент и Премьер. Ну и что, в какую сторону хоть что-нибудь меняется? И чего добиваются многотысячные митинги и бунты антиглобалистов и противников законов, создаваемых в угоду торгашей в «цивилизованных» странах?

Но далее – уровень образования, стабильность, уверенность в завтрашнем дне, возможность реализации личного потенциала, хотя бы на примере науки (раньше была возможность всю жизнь работать в одной области, а не менять темы в соответствии с различными программами и грантами). Ведь в самых разных аспектах очевидны преимущества госфинансирования перед грантовой системой. Я не раз слышал реакцию молодых американских ученых в начале нашей «перестройки»: зачем менять вашу прекрасную систему? Но пожилые американцы, как правило, были более послушны линии власти: «А когда у вас все изменится?».

Достаточно вспомнить уровень обеспечения научных исследований. Пример: в 80-е годы ежегодное прикрепление на весь год к моей лаборатории экспедиционной машины (УАЗ, ГАЗ-66) с прицепом с шофером и горючим, с полной свободой использования (кроме времени отпуска шофера) от Москвы до Казахстана и Алтая. Об обеспечении грандиозных тропических рейсов на специальных кораблях Академии наук я уже рассказывал выше. Сейчас

это воспринимается как сказка. У Академии уже почти не осталось таких кораблей, и, тем более, давно нет таких денег. У Института океанологии РАН сейчас единичные корабли, которые в основном арендуют иностранцы, а в прошлом было кажется 12, на рейсы которых выборочно приглашали и зарубежных ученых, имеющих контакты с нашими океанологами.

Прибавим к этому возможность увлекаться своей работой, широкое распространение разнообразных хобби. Я уже рассказывал о людях Севера, «заболевших» Арктикой. Какой был энтузиазм, преданность делу! Особенно яркий пример – П.С. Свирненко (см. выше).

А что стало с книгами и их тиражами, журналами? Например, прекрасный семейный журнал «Наука и жизнь», тираж которого был 3–5 млн. Сейчас он сохранил свой высокий уровень и профиль, но тираж – всего 40 тыс. Пресловутый дефицит книг в советское время – от спроса, а не от недостатка (тираж 100 тыс. считался малым).

Вспоминая все это, понимаешь, насколько отвратительна позиция представителей «малого народа» (с некоторой оговоркой я принимаю это понятие И.Р. Шафаревича) или причисляющих себя к элите, к власти с их настойчивыми попытками объединить всю нашу историю однозначно негативными явлениями, представить ее единым последовательным рядом проявлений быдлости, предательства. Постоянно пытаются доказать, что теперешнее состояние страны – это естественное, закономерное следствие предшествующих периодов, будь то крепостное право, царизм или социализм, Гражданская, Первая мировая или Отечественная войны. Чего стоят бесконечные муссирования злодейств Ивана Грозного как, якобы, типичного явления русской истории. И это при том, что все хорошо знают, что творили правители средневековой Европы. Это позиция не просто невежественна, основана на подтасовке фактов и искажении логики, она замешана на элементарной лжи и подлости, а в конечном счете на явлении, которое следует именовать русофобией, безусловно занимающей заметное место в нашем обществе.

Каждый период истории оригинален, имеет свои последствия, проявляется в особых формах общественного сознания, и ставить в один ряд даже близкие периоды, например 60, 70, 80 и 90-е годы с позиций их социально-исторической значимости, по меньшей мере, неграмотно. Ведь очевидно, что по показателям растрепанности общества, унижения и социальной деградации массы населения, манипулирования сознанием столь больших контингентов людей период 90-х ни в какой мере несравним со всеми этапами развития советского периода, включая эпоху коллективизации и ГУЛАГа.

Например, масштабы деградации русской деревни даже после коллективизации несравнимы с тем, что произошло после «перестройки» и становления «рыночной экономики».

Популярны рассуждения деятелей «демократического» толка о лениности, органическом пьянстве, разгильдяйстве, неумении работать русского народа. Советую взглянуть на карту. Южная граница Канады проходит по широте Киева. Заселенная, освоенная и промышленная территория страны жметя узкой полосой к этой границе. Севернее, в условиях более сурового климата – практически не освоенные земли. Теперь посмотрите на карту России. Таежный и тундровый Европейский Север, север Урала, большая часть Западной Сибири, Северо-Восток – намного севернее этой широты. Но на всех этих огромных и крайне суровых пространствах русскими созданы культурно-сельскохозяйственно-промышленные центры с уникальными достижениями народного искусства, иконописи, самобытной сельской и церковной архитектуры, сельского и промыслового хозяйства, добывающей и создающей промышленности (Вологодчина, Мезенский край, Архангельск, поморский Северо-Запад, низовья Енисея). Процветавшие с глубокой старины, в том числе и при советской власти, они именно сейчас, в эпоху «глобализации», подвергаются полному разрушению, упадку. А что касается повального пьянства, то на Руси его не было, это просто злобные или глупые выдумки. Еще мальчишкой я слышал такие слова: у нас в селе как везде в русских деревнях – один пьяница и один дурачок. Действительно, мы ребята все знали нашего сельского пропойцу, которого звали Фигурком, а других, которых можно назвать пьяницей я не помню, их просто не было. И чтобы убедиться в правильности моей позиции достаточно простого анализа: посмотреть «национальный» состав склонных к пьянству людей, и не вообще в России, а отдельно по сословиям, например, среди ученых, работников искусства, сельских интеллигентов и т. д. Уверен, что получатся очень интересные результаты, и совсем не такие, как это обычно подают СМИ. Как я уже писал, во время одной из морских экспедиций в коллективе научных работников образовалась группа из 5–6 человек, любителей чрезмерных и постоянных выпивок (казенного экспедиционного спирта), настоящего пьянства. В этой группе не было ни одного русского! Конечно, это можно считать случайным совпадением. Но все же...

40–70-е годы в науке, литературе, искусстве, в театре, кино и на эстраде – эпоха корифеев, то есть чрезвычайно высокой концентрации (во всех сферах жизни и в слоях общества) людей, в высшей степени реализовавших свой творческий потенциал. Для меня это особенно очевидно в биологии, как это ни покажется странным, в

связи с постоянными стенаниями о разгроме нашей биологической науки после 1948 года. Однако 60–70-е годы – это время не просто крупных, но оригинальных, самобытных ученых, таких как А.А. Штакельберг, Б.А. Тихомиров, М.С. Гиляров, Г.Я. Бей-Биенко, Г.А. Виктор, И.В. Стебаев и многие другие.

Что же сейчас? Явная «дебилизация» интеллигенции. Очевидная иллюстрация – многие слушатели радиопрограммы «Эхо Москвы», мало способные к самостоятельному мышлению, анализу. Вот простейший пример с зарплатой. Как правило, вызывает удивление, недоверие и ярое стремление опровергнуть слова о том, что зарплата старшего научного сотрудника, кандидата наук, в институтах Академии наук, перед перестройкой составлявшая 300 руб., равнялась как минимум 300 или даже 1000 долларам по теперешним ценам (а на самом деле – даже больше, если сравнить цены на тогдашние кооперативные квартиры и современную стоимость жилья).

Как правило, высказывается такая мысль: если бы я при социализме получал 1000 долларов... И в ответ на то, что мы по покупательной способности, действительно, получали около тысячи нынешних долларов: «... ну, эти пересчеты, этого не может быть, тут какая-то ошибка». Примеры: самые хорошие импортные ботинки стоили 30 рублей, а в Америке начала 80-х гг. – 30 долларов, чашка хорошего кофе в хорошем кафе стоила в США 50 центов, а у нас 50 копеек, – также ни в чем не убеждают. А то, что 300 долларов в 80-х годах равняются современной тысяче – это очевидный факт.

В советское время я многократно бывал за рубежом и мне удивительны современные разговоры о неприличном поведении наших соотечественников, которые, попав за рубеж, стремились как можно больше купить в магазинах. И ни слова о сути и причинах такого поведения. Конечно, покупки делали, но что покупали? Сувениры, предметы роскоши, необычное и местное, главное – то, чего у нас нет. Точно так же, как покупали во Владивостоке морепродукты, в Ашхабаде – дорогой натуральный шелк, на Кавказе – ковры, коньяк. Точно так же в Европе – дорогую одежду, например замшевые пиджаки в Чехии. Это – просто результат того, что все было не везде. А вот – реакция американцев на наши действия. Например, мой подарок – вышитая льняная скатерть за 25 рублей – поставил в неудобное положение семью профессора (хорошо знавшие эту семью американцы говорили: ты же их крайне озадачил – чем они могут ответить на столь «дорогой» подарок?).

Даже такое самое неприятное, можно сказать позорное, явление, как пайки, выглядит не столь ужасным, как об этом постоянно пишут и говорят в СМИ, если рассмотреть его на фоне реалий тех

лет и современного бесстыдства, расслоения общества и коррупции. Как-то я шел с дамой по улице Грановского, и она сказала вслед несущему такой пакет господину: «Вам не тяжело?». К этому относились с иронией и презрением. Но что плохого было в специальной столовой, находившейся напротив универмага «Москва», принадлежавшей Академии наук (в окружении многих академических институтов)? Магазины с подобным режимом я видел и в США. А сейчас, вслед за исчезновением подобных пунктов «общепита», исчезли и диетические столовые. А ведь гастриты сейчас среди молодежи – почти у каждого второго.

Когда я слышу с экрана телевизора постоянные стенания по поводу того, как притесняли творческих работников, писателей, режиссеров, актеров, как их не любила власть, как откладывали премьеры, а то и запрещали фильм и клали его на полку, как обижала выговорами министр культуры Е. Фурцева, в газетах пробирали в критических статьях и как все это было мучительно, тяжело переносить, и как они (творческие работники) страдали, у меня каждый раз возникает вопрос – а вот уже 25 лет (это ведь огромный отрезок, целая эпоха в культурной жизни) нет цензуры, власть в творческий процесс не вмешивается... и что? Что создают? Сейчас уходят последние представители великой нашей культуры 20-го века. Вот не стало «последнего великого поэта цивилизации», как он себя называл, А. Вознесенского. После его смерти основное внимание СМИ – к тому, как его, собиравшего стадионы и крупнейшие залы, печатавшегося огромными тиражами, которые моментально раскупались, автора песен, которые пела вся страна, и спектаклей, на которые мечтали достать билет, на одном из заседаний грубо оборвал полуграмотный Н. Хрущев. Но ни слова о том, почему в последние десятилетия его почти не знает современная молодежь, фактически забыли и СМИ. Конечно, в дни траура вспомнили, скоростными методами смонтировали и срочно вставили в программы телевидения передачи, в которых опять основное внимание не таланту и роли поэта в нашей и мировой поэзии, а его притеснениям и гонениям, которые выглядят шутками на фоне современных разборок в «творческих» слоях нашей «элиты». Ну, можно все объяснить недостатком денег (а ведь тогда их не считали, и их давала та самая власть), но все же фильмы ставят и театры работают. И еще трудятся те, кто создавал прекрасные фильмы, ставил великолепные пьесы, хотя и появились новые имена. Но почему же за весь огромный период вождельенной свободы не сделано ни одного фильма равного или хотя бы приближающегося по качеству режиссерской и актерской работы ко многим десяткам фильмов, настоящих шедевров 30–70 и даже 80-х годов? Э. Рязанов, не столь уж талантливый, но

весьма и весьма умелый, абсолютно профессиональный, очень успешный, получавший поистине безмерные средства, ставивший фильм за фильмом, среди которых были откровенно слабоватые, но все же интересные, и в большинстве – очень хорошие, полюбившиеся всей стране, пытался ставить фильмы и в 90-х годах. Ну и что? Можно ли хотя бы до середины, досмотреть фильм «Небеса обетованные» или «Старые клячи»? А сейчас он постоянно выступает с воспоминаниями о том, как его притесняла власть, цензура, как ему чего-то недодавали. И что поставил в этот период Ю. Любимов на Таганке? В прошлом я специально водил туда сына, с огромным трудом доставая билеты, иногда удавалось купить только один «лишний», приходилось гулять по Москве до конца спектакля. Сын выходил из театра в полном восторге. Теперь ходил с внуком. Ни у меня, ни у внука современные спектакли не вызвали никаких чувств. Что же, вот так внезапно исчезли таланты, стали вдруг рождаться люди другого качества?

Как биолог, упадок кинематографа я особенно ярко вижу на примере фильмов о природе, о дикой жизни. С 50-х годов снимались прекрасные документальные или такие «полуигровые» фильмы как «Сила жизни», «Закон великой любви», или мультипликационные по Д. Мамину-Сибиряку, В. Бианки. Где сейчас подобное качество сценариев, тонкость мысли и глубина? В основном крутят однообразные, плоские, с примитивным текстом фильмы, явно не вызывающие интереса у детей.

Много раз слышал и видел в телевизионных передачах один сюжет – о том, что единичные попадавшие к нам хорошие зарубежные фильмы, такие как «Серенада солнечной долины», мы смотрели, затаив дыхание, как глоток свободы, что именно на них формировалось наше поколение. Перечисляют персонажи, таланты, которые выросли на этих фильмах, каковыми были «преследуемые» последователи джаза и др. Я хорошо помню то время и эти фильмы, их действительно смотрели с большим удовольствием, но чтобы они только одни и воспитывали, способствовали росту таланта!? Мы воспитывались общей атмосферой доброжелательности в обществе, идеей главного смысла жизни в работе, в специальности, в увлеченности трудом. Помню, как в последних классах все мы были увлечены выбором профессии, куда пойти учиться? Все знали друг о друге – кто куда, и главным был не заработок, об этом вообще говорили мало. Наш класс не ринулся весь в модные тогда инженеры, поступали и в педагогический, и в Тимирязевскую академию, и совсем не потому, что где-то меньше конкурс. А что касается фильмов, то воспитывали как раз наши фильмы, такие как «Золушка», «Сельская учительница», «Человек родился», «Разные судь-

бы», «Дом, в котором я живу», «Весна на Заречной улице», «Девять дней одного года», «Сорок первый», «Баллада о солдате», «Чистое небо», фильмы о войне, экранизации классики, такие как «Дети капитана Гранта», «Анна на шее».

Недавно в «Природе» прочитал воспоминания одного из друзей скончавшегося крупного биолога. Оказывается, в 50–60 годах запрещались танго и фокстрот, а разрешались только бальные танцы. Откуда это и зачем? Я уже говорил выше, что по всей стране после войны в парках строились танцплощадки, так называемые веранды, на которых, а также на вечеринках в многочисленных клубах (сейчас уничтоженных) вся страна танцевала именно фокстроты и танго. Правда, в «Крокодиле» и в школьных стенгазетах и даже в фильмах «протягивали» так называемых «стиляг», ну и что? А хорошо ли, что сейчас там, где танцуют, нет никого кроме новых «стиляг»? И посмотрите на это беснование, и попробуйте потанцевать на дискотеке не так, как все. Это к вопросу об индивидуальности, о причесывании под одну гребенку. Когда этого «причесывания» было больше? И когда оно было страшнее? Сейчас СМИ буквально напичканы всякими измышлениями по поводу былой цензуры, запрета песен, стихов. Повторюсь, однажды в нескольких телепередачах сразу услышал, что была запрещена популярная песенка «Ландыши», которая постоянно звучала по радио, на телевидении, уж не говорю о бытовой сфере. Ну откуда все это, такое искажение жизни своей страны, глумление? Неужели среди нас действительно так много людей с такими мозгами и таким «интеллектом»?

И еще по поводу творческой индивидуальности. Если сравнить актеров 60–70 годов и современных, самых популярных. Когда было больше индивидуальностей? И когда в большей мере реализовывался талант? Сейчас поставлен новый многосерийный фильм по «Братьям Карамазовым» Ф.М. Достоевского. Смотрел несколько кусков из разных серий и постоянно ловил себя на мысли, что никак не могу запомнить, кто из них Иван, кто Митя, кто Алеша, не узнаю, пока не послушаю текст. А помните старый фильм И. Пырьева с Д. Ульяновым, К. Лавровым, А. Мягковым в главных ролях? Мне кажется, что для творческой интеллигенции сейчас было бы гораздо важнее обсуждать вопрос о том, почему при тоталитарной власти, при цензуре талант проявлялся намного ярче, чем при полной свободе, чем вспоминать о том, как кого-то обидела Е. Фурцева. Неужели интеллигенции всегда нужен кнут, или она всегда продажна?

Вспомните наши старые фильмы на морально-этические и бытовые темы. Многие из них предельно просты по сюжету, не притязательны, но как много в них уважения к человеку, к даже самым

незначительным внешне проявлениям его личности, к оттенкам чувств, поступкам и делам. Сколько такта, скромности, невыспренности в игре актеров. Названий большинства из них я не помню, но когда их показывают по телевизору – какой жуткий контраст с современной кинопродукцией! И самое главное – по игре актеров видно, что эта «работа», то есть игра, доставляет им истинное наслаждение (посмотрите, например, фильм «Стакан воды», где блистают А. Демидова, К. Лавров, Н. Белохвостикова). Вот это – главное, что произошло с нами сейчас. Люди утратили возможность трудиться в свое удовольствие.

В древности великие цивилизации разрушались варварами, сейчас – образованной элитой, «светочами», скупаемыми гордостью и себялюбием.

Об отношении к антисемитизму. В этом мне близка позиция А. И. Солженицына о степени участия и активности евреев в создании и в деятельности репрессивного аппарата (НКВД, ГУЛАГ) в 20–30-х годах, что детально описано в его капитальном труде «Двести лет вместе». Можно привести хотя бы список награжденных деятелей ГУЛАГа после строительства Беломорканала, а также в связи с другими неприглядными коллизиями, такими как разрушение храма Христа Спасителя, расстрел царской семьи (да еще с надписями из стихов Г. Гейне), лысенковщина, деятельность «творческой» организации РАПП, преследование военных спецов во время Великой Отечественной войны и др. Можно удивляться, более того, выглядит загадочным практически полное отсутствие при этом реального, а не мифического антисемитизма в СССР и в России. И Россия в данном вопросе смотрится исключительной страной, и русские могут гордиться этим. Когда-то, кажется в конце 80-х годов, в «Нашем современнике» была опубликована статья «Антисемиты», о том, что может быть одной из причин «антисемитизма» в России. Она вот о чем. Недавно по телевидению была неплохая передача о режиссерах И. Хейфице и А. Зархи, о которых говорилось в самых возвышенных тонах, как о талантливейших и гениальных. Это были абсолютно идеологически выдержанные режиссеры, ставившие заказные, сугубо просоветские, полностью соответствующие задачам формирования сознания советского человека фильмы, очень хорошие в отношении режиссерской работы, с очень сильными актерами («Депутат Балтики», «Член правительства», «Сельская учительница», «Большая семья» и др.). Их и сейчас можно смотреть с удовольствием. Но в передаче промелькнули два пасса-

жа. Один – совершенно непонятное сравнение с замечательно сделанными, но столь же заказными и идеологически выдержанными и в чем-то схожими фильмами И. Пырьева, о котором почему-то, без всякой связи с содержанием передачи, было сказано, что он пользовался гораздо большим вниманием властей, но был несравнимо менее талантлив. Мне кажется, именно И. Пырьев являет собой яркий пример талантливейшего выдвигенца советской эпохи, и это ярко демонстрируют его последние фильмы, резко отличные от предыдущих, – экранизации романов «Идиот» и «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, удивительные по филигранности режиссерской работы и проникновению в суть философии писателя. Второй пример – текст передачи по поводу фильма И. Хейфица и А. Зархи «Большая семья» по роману В. Кочетова. Фильм полностью соответствует фабуле и сюжету романа, включая характерное для этого писателя карикатурное изображение интеллигентов. Но в отношении В. Кочетова, которого сейчас считают утрированным типом советского писателя (и режиссеры, о которых была передача, принадлежали к таковым же деятелям идеологического фронта и сделали хороший фильм именно по его роману), опять-таки говорилось что-то о бесталанности, о том, что авторы фильма не принимали его как серьезного писателя и т. д. Кажется, одним из авторов этой передачи был сын И. Хейфица.

Еще пример. До сих пор постоянно и повсеместно, в печати, на радио и на телевидении вспоминают дело врачей как явную антисемитскую кампанию. В то же время, никогда практически не обсуждалось так называемое «дело академика Виноградова» 1936 г., то есть дело по Институту славяноведения АН СССР. Дискуссии об этом деле отсутствуют в печатных изданиях и на каналах телевидения, кроме редких упоминаний в изданиях «левого» толка, как, например, журнал «Наш современник». Это была откровенная антиславянская и русофобская кампания, в ходе которой сама идея научного исследования истории, культуры и этногенеза славянских народов, в том числе русского, объявлялась проявлением «русского фашизма». В ходе этого процесса был ликвидирован институт, расстреляны или отправлены в лагеря десятки ученых. В числе сотрудников НКВД, ведших это «дело», – в основном были лица еврейской национальности во главе с Я. Аграновым – широко известным организатором подобных процессов в 20–30-х годах.

Мне непонятно, почему многие евреи, которых я знаю как умных, грамотных и порядочных людей, не возмущаются подобными пассажами. Ведь совершенно очевидно, что если антисемитизм существует, то именно подобное поведение ему способствует. А вот еще пример. Недавно в передаче В. Познера участвовал В. Жири-

новский, который, не помню по какому поводу, произнес столь откровенно антисемитский пассаж, какого я ни разу не слышал с экрана и не видел в современной печати, может быть потому, что почти не читаю газет. Речь шла о том, что все воровство, грабеж страны, вывоз капиталов и дележ государственного имущества в 90-х годах устроили только евреи, и надо от них спасать страну. Представляю, что было бы в печати и на экране, если бы это заявил русский, и какие бы для него были последствия. Вопрос: с какой целью В. Познер пригласил В. Жириновского и почему он не вырезал это из передачи, если Жириновский уж такой неуправляемый, и почему этот пассаж остался без последствий, как раньше говорили – «без оргвыводов»? Уж очень здесь просматривается: никак не можем, не хотим без антисемитизма, если его нет, то давайте создавать своими руками. Об этом много написано у А.И. Солженицына.

В этом ключе характерный пример – в книге С.Э. Шноля «Герои, злодеи, конформисты российской науки». Об известном цитологе и физиологе растений Владимире Яковлевиче Александрове, которого я хорошо знал, бывал с ним в экспедиции на Таймыре, где он много рассказывал о своей жизни, о временах после сессии ВАСХНИЛ 1948 г., о его встрече с И.И. Презентом на Командорских островах. С.Э. Шноль пишет, что В.Я. Александров был героем того времени, восстал против мичуринской биологии, против Т.Д. Лысенко и И.И. Презента, О.Б. Лепешинской и т. д. и «был изгнан отовсюду и как истинный биолог, и как еврей». В рассказах Владимира Яковлевича я ни разу не слышал об антисемитизме. К тому же страницей выше С.Э. Шноль характеризует окружение Т.Д. Лысенко и главных пропагандистов, а по сути создателей его учения, как гонителей генетики, и самых ярых из них – И.И. Презента, Ф.М. Куперман, Н.И. Фейгинсона, М.А. Ольшанского и др. Неужели не ясно, что «притягивать» в таком контексте еврейскую тему и антисемитизм неуместно, по сути это – провокация.

Мне самому забавна «эволюция» моих политических взглядов. С ранней юности я был принципиально беспартийным, с глубоким чувством возмущения воспринимал то, что именовалось раскулачиванием, репрессиями, культом личности и его последствиями. В пединституте меня буквально осаждали партийные активисты, обещающая всяческую поддержку моей карьере. Но я не только не вступил в партию, но ни разу не был на партийном собрании. Между тем считалось, что повестка некоторых из них просто обязывала присутствовать беспартийных руководителей и активных сотрудников.

Позже я проявлял интерес к диссидентству, к закрытой запрещенной литературе, например, со школьных лет у меня в шкафу хранилась изъятая из обращения небольшая книжка Л. Фейхтвангера «Москва, 1937». Но мне она не нравилась, я уже школьником удивлялся, как этот европейский писатель мог в такой мере славословить Сталина и верить в реальность всех тех злодеяний репрессированных политиков, которые обсуждались на судебных процессах и в речах А.Я. Вышинского.

Выше я уже рассказывал о том, что с моей невестой Ниной мы обсуждали «деятельность» Сталина и других наших вождей в связи с ее посещением антисталинского кружка. Серьезно меня эти вопросы не занимали, и не могу сказать, что у меня были антисоветские убеждения, но я вырос в деревне, видел жизнь крестьян, колхозов, и все это отражалось на моем восприятии жизни, на отношении к партийности. Во всяком случае, многие разговоры и поведение сверстников, например комсомольских вожаков, взрослых партийных активистов, а в последующем сослуживцев и друзей, вызывали у меня чувство скепсиса, иронии, желание возразить, одернуть, впрочем, чаще без продолжения разговора. Почему-то мне запомнился такой эпизод. В день смерти Сталина я встретил на улице комсорга, моего одноклассника, который, еле скрывая слезы, стал мне говорить – как же мы теперь будем жить, сказал, что обязательно поедет на похороны и спросил: а ты? Хорошо помню, как я поймал себя на мысли о том, что мне непонятны его слова, что ничего подобного я не чувствую. Но все же я не ощущал чрезмерного негатива к советскому строю, воспринимал его просто как данность, как атрибут жизни моей страны, моей родины.

Первые этапы «перестройки» я воспринимал с некоторым интересом, но без энтузиазма и запала большинства интеллигенции, к М. Горбачеву относился нейтрально. Б. Ельцина я видел еще в его бытность в Свердловске, когда он выступал перед комиссией по проверке работы академических научных учреждений Уральского отделения, в которую я входил. Тогда он мне очень не понравился. В 1991 и 1993 гг. все более росло неприятие происходящего в стране перестроечного угара. Особенно возрастала неприязнь к деятелям перестройки, к новой номенклатуре, к руководителям и застрельщикам. Я начал ловить себя на мысли, что происходящее под рубрикой «перестройки» и новых реформ, особенно процессы приватизации, а тем более такие явления, как рейдерские захваты учреждений и стиль поведения новых руководителей, вызывали у меня все большее неприятие, отторжение. И это неприятие было намного сильнее, чем отношение к негативным атрибутам советского пе-

риода, даже к самым неприглядным. Все больше я понимал, что основа и суть всего происходившего – разрушение и воровство. И постоянно обнаруживал все большее расхождение во взглядах на эти процессы со своими коллегами и друзьями, со многими из которых у меня изменились отношения: я практически перестал обсуждать с ними вопросы, не относящиеся к конкретной профессиональной сфере. Отчуждение, негативные нюансы отношений на этой почве возникали в самых разных, иногда курьезных, ракурсах. Однажды, в конце 70-х годов, во время сидения в моем любимом ресторане «Националь» мой близкий приятель с институтских времен Эдуард Коренберг, отец которого, видный партийный деятель в сфере НКВД, был репрессирован в 30-х годах, с улыбкой протянул мне красного цвета книжицу, которая оказалась партбилетом. Вступил? Зачем, почему? Улыбается... – так надо. После этого мы с ним не виделись более десяти лет, до уже нашего времени.

Еще один аспект нынешней жизни – компьютеризация и Интернет. На эту тему у нас в последние годы были многочисленные споры (в легкой форме и довольно безуспешные) с сыном, который увлекся компьютерами еще в начале 80-х и свободно владеет компьютерными технологиями. В этих спорах мы затрагивали многие проблемы: как просматривается будущее, во что превратится наука и каковы вообще ее перспективы, не связаны ли с компьютеризацией примитивное содержание современных журналов и поток низкокачественных монографий, какова судьба концептуальной науки? И что будет с наукой, когда вся или почти вся информация будет доступна через Интернет? Какова роль избытка информации для науки и образования? К подобным проблемам мы уже вплотную приблизились, особенно в плане вхождения в науку молодого поколения ученых.

Наше с Ниной отношение к компьютеризации и катастрофически возрастающей значимости Интернета в жизни с самого начала было неоднозначным. Оно продиктовано подсознательной настроенностью и предчувствием некой роковой их роли для человека как социального и биологического существа. Какой-то неосознанный внутренний протест. Он выражался в мелочах. Нина до последних дней писала первоначальные тексты статей и учебников только ручкой и внешне совершенно не интересовалась нашими перебранками с Иваном, его упреками в том, что мы не осваиваем должным образом компьютер и Интернет. Но несколько ее фраз были о том, что в конце концов станет с наукой и культурой, если

развитие информатики и компьютеризации и дальше пойдет хотя бы теперешними темпами. Во всяком случае, она категорически не хотела осваивать компьютер и Интернет в большей мере, чем было необходимо для текущей работы над рукописями статей и учебников.

Мое общение с внуками резко сократилось после 2005 г., когда у меня обнаружили рак предстательной железы. Начался новый, совсем иной период моей жизни. Изменилось мое настроение, а главное, сократилось свободное время – из-за постоянных хождений по врачам, процедур, многодневных сеансов облучения, химиотерапии, ухудшения самочувствия, лежания в больнице и т. д. Длительные периоды приема гормональных лекарств, оказывающих сильное влияние на самочувствие, настроение, работоспособность, месячные периоды ежедневных радиооблучений с последующим залечиванием их побочных действий. Ложиться на длительный срок в больницу я не хотел, продолжал работать, выполнял все свои институтские и другие обязанности (заведующий Лабораторией, председатель Совета РФФИ, председатель диссертационного Совета, Научного совета, главный редактор «Зоологического журнала», руководитель разделов нескольких научных программ и т. д.), старался не демонстрировать свое самочувствие, хотя вынужден был многое пропускать, откладывать на будущее и т. д. Именно в этот период в моих научных планах появились идеи написать несколько концептуальных обобщающих работ, в том числе обосновывающих основное кредо и основную цель моей Лаборатории. Я старался скрывать мое состояние, о котором знали только ближайшие родственники, и то не все. В 2010 г. обнаружилось, что пятилетнее лечение не дало результатов, пришлось начинать все заново. Уже полгода я лечусь более жесткими формами химиотерапии (от чего работать удается все меньше), а результаты пока совсем не ясны. В Институте и в Лаборатории, как мне кажется, не знают о моем состоянии. По возможности пока выполняю свои обязанности. С огромным удовлетворением передал официальное заведование лабораторией Оле Макаровой, ученице Нины Михайловны и моей последовательнице в исследованиях Арктики. Это я пытался сделать на протяжении последних нескольких лет, но дирекция упорно возражала. С глубоким удовлетворением вижу, что Оля уже опережает меня в сфере биогеографии и биотогенеза Арктики. Глубоко огорчает лишь ее постоянная загруженность, которая не всегда обусловлена служебной необходимостью, часто – ее неумным максималистским характером, что задерживает ее защиту докторской.

9 августа 2010 г. скоропостижно скончалась Нина. Вероятно, сыграло роковую роль то страшное жарко-дымное лето. Хотя и до этого у нее случались сердечные приступы. У нас один сын, родить второго ребенка мы хотели, но не решились, так как оба были перегружены научной и преподавательской работой, которая, к тому же, длительный период была сопряжена с ежедневными поездками из подмосковного Калининграда в Москву. Да еще – постоянные ежегодные продолжительные экспедиции и работа на полевых стационарах. Наука для нас была смыслом жизни. Сейчас, вспоминая нашу внешне благополучную семейную жизнь, я осознаю, что мы очень виноваты друг перед другом. Мы хорошо, в деталях, знали друг друга, но нам обоим не хватало эмоционального настроения на проявление взаимных чувств, считали, что и так все ясно. А когда случайно обнаруживали в поведении друг друга какие-то негативные формы, пытались это сгладить, подавить, забыть, хотя и были отдельные эпизоды выяснения отношений, которые ограничивались краткими, в основном ночными, разговорами. На большее у нас не хватало времени и сил. Хотя обиды оставались. Но это – отдельная, самостоятельная тема, на которую я едва ли решусь.

Смерть Нины обнажила для меня многие стороны нашей совместной жизни, ее роль в моем существовании. Теперь мне некого спрашивать о мелочах жизни, о продуктах, которые надо купить и что у нас будет на обед. Не перед кем играть роль бестолкового мужика, не желающего вникать в детали быта. Некому рассказывать о своих служебных коллизиях или о новых научных планах, излагать идеи создания публикаций с новыми мыслями и концептуальными искажениями, по поводу которых она обычно делала четкие и полезные замечания. Нет человека, перед которым можно высказать свои позитивные и негативные мысли о ком-то или о чем-то, свои капризы, «извивы» настроений, не перед кем демонстрировать слабые стороны характера, которых у меня уйма, высказывать мнения о других людях. Некого ждать домой вечером и звонить, если задерживаешься или выясняя – где находится и как скоро будет дома. Уже скоро год как живу в квартире один, без нее, рядом с ее комнатой, где все осталось, как было до того вечера, когда приехала скорая помощь. И постоянное ощущение нереальности, бессмысленности этой жизни.

Приложение

О брате. Воспоминания сестры*

З.И. Москвичева

Я родилась в 1926 г. в старинном селе Троицкое-Лобаново (позднее Троице-Лобаново). Сейчас это Ступинский район, к юго-востоку от Москвы. Это было очень красивое село, некоторые дома были очень хорошие, за каждым домом – сады. Село располагалось в гористой, овражистой местности, вблизи рек Благуша и Северка. Прямо у реки и сейчас стоит большая Троицкая церковь с кладбищем. Сразу за церковью в одном из зданий старинной усадьбы, когда-то принадлежащей Лобановым-Ростовским, была школа. За школой – лес. В основном здании усадьбы во время моего детства находился Дом культуры. Там ставили пьесы, давали концерты и пр. Школа, где преподавал мой дед, была очень основательная, красивая, кирпичная, потолки высокие (помню, как папа меня высоко подбрасывал). В ней было только 4 класса, и вся она помещалась в одной большой комнате. Один ряд парт занимали ученики первого года обучения, другой – второго и так далее. Переходя в следующий класс, пересаживались.

Наша семья жила в квартире при школе. Эту квартиру получил еще мой дед, Терентий Николаевич Чернов, мы все жили вместе. Сложная судьба была у моего деда. Его сразу после рождения бросила мать (она жила в Петербурге), и его растила кормилица в с. Троицком-Лобаново, откуда она была родом. В детские годы мой дед пас гусей у помещицы, которой и принадлежала в то время усадьба. Помещица обратила внимание на способного и умного мальчика. Она отдала его в духовную семинарию и помогала во время учебы. После окончания семинарии Терентий Николаевич стал работать учителем в церковно-приходской школе в Троицком-Лобаново.

Мать моего деда, спустя много лет, когда он был уже совсем взрослый, работал, приехала его навестить. Но дед ее не принял, не простил. С живущей же в Питере сводной сестрой, помню, общался.

После женитьбы на Татьяне Изотьевне, у них родилось много детей, но большинство из них умерли в раннем возрасте. Оставшиеся взрослые дети получили хорошее образование. Сын Сергей окончил коммерческое училище, был призван в Красную Армию во время гражданской войны; погиб на Украине в возрасте 24 лет. Александр (дядя Шура) стал врачом, но умер во время эпидемии

* Записано со слов Зои Ивановны Москвичевой в декабре 2012 г.

сыпного тифа, заразившись от больных, которых лечил. Ему было тоже всего 24 года. Последний сын Иван, мой папа, закончил гимназию в Бронницах и стал работать учителем. Тетя Тая окончила педагогический техникум в Коломне и тоже преподавала.

Я очень любила своего деда. Он умер в 1933 г., за год до рождения Юры, в возрасте около 60 лет, на пенсии не был. Всю жизнь преподавал с большим удовольствием. Моя бабушка, Татьяна Изотьевна, похоронила 10 сыновей, дожила до 80 лет.

Со стороны мамы, Марии Дмитриевны, все были крупчатники. Дедушка Дмитрий Николаевич, был местный, Троицкий. У мамы было три сестры (Анна, Александра, Татьяна) и два брата (Филипп и Николай). В гражданскую войну никто не погиб (мамина сестра Екатерина и брат Иван умерли до войны). Дядя Филипп был боевой. Сражался с басмачами в Средней Азии, получил Орден Красной Звезды. После войны он резко «пошел вверх».

Дмитрий Николаевич был хороший специалист по мукомольным делам (как и многие в Троицкое-Лобаново в то время), много разъезжал, нанимаясь к какому-нибудь хозяину, работал в Средней Азии, Самаре и пр. Как раз в Самаре в 1903 г. родилась наша мама. С собой возили в этих разъездах только маленьких детей, большие оставались дома. В начальной школе мама училась у Терентия Николаевича, своего будущего тестя (помнила, как он ее наказывал), потом, вероятно в Бронницах, а позднее окончила библиотечные курсы в Москве. Работала в школьной библиотеке, была на хорошем счету. Я храню грамоту от Н.К. Крупской.

В январе 1934 г. родился мой брат. По моему желанию его назвали Юрой. Мне было 8 лет. В 1935 г. моего отца назначили директором средней школы в с. Большое Алексеевское, расположенное в том же районе. Всей семьей (папа, мама, бабушка, Юра и я) мы переехали туда и стали жить в директорской квартире при школе. В с. Большое Алексеевское и прошли детские годы моего брата Юры.

Большое Алексеевское сильно отличалось от старинного Троицкое-Лобаново. В селе находился совхоз (бывшее свиноводческое хозяйство помещика Щепкина), работала ткацкая фабрика, садов при домах не было, население было в основном приезжее. Папа стал работать директором в средней школе. Она занимала два здания недалеко от церкви, рядом с рекой Северкой. В школу папы ходили дети и из окружающих деревень, в том числе из Троицкого-Лобаново, находящегося по прямой в 5 км. При школе был двухэтажный интернат, но как-то в нем мало жили. Папа преподавал разные предметы, но в основном географию.

Ко мне папа относился очень уважительно. Если в школе случались какие-то происшествия, он никогда меня не спрашивал о ви-

новниках, хотя знал, что я знаю. Помню, в классе восьмом мне одноклассник написал записку о том, что влюблен в меня. Мама нашла эту записку и начала меня ругать. Входит папа и спрашивает: «Что случилось?». Взял в руки записку, посмотрел на подпись и только и сказал: «Это хорошие ребята». Вот такой был у нас отец.

До войны наша семья жила благополучно. Я училась, Юра рос с заботливыми родителями. Он был подвижным ребенком, много времени проводил во дворе с ребятами за разными играми. Когда его кто-то обижал, говорил: «Я скажу Зое». Я была его защитником. Разница в возрасте у нас с Юрой была большая, 8 лет, большой дружбы не было. Помню, пойдем куда-нибудь с девчонками, а мама кричит мне из окна: «Зоя, возьми с собой Юру!». А я возьму и убегу от него. Он бежит за мной, плачет... Да, вот и так бывало.

Мама не перестала работать с рождением Юры. Днем им занималась бабушка, Татьяна Изотьевна. Да и квартира наша была рядом с библиотекой. Во время войны с нами жила еще и тетя Тая (она тоже работала в школе), потом ей дали комнату. Тетя Тая и учила Юру первые 4 года. Ее муж был настоящим морским офицером, политруком (всегда подтянутый, ровный, интеллигентный). Они много переезжали. Жили то в Риге, то в Таллине, то на Дальнем Востоке. Когда началась война, они приехала к нам, у нас же тетя Тая родила первую дочку. Директорская квартира располагалась в одноэтажном доме, состояла из кухни, большой прихожей и двух комнат. Все мы там помещались.

Но иногда подвижность Юры доставляла много хлопот. Однажды был случай, который вызвал у нас большой переполох. Утром встали как обычно, все занимались своими делами, бабушка собиралась кормить нас завтраком. Юра играл во дворе. И вдруг пропал. Мы стали его искать, его нигде не было. Дошло до того, что маме стало плохо. Помню, лежит на кровати, волосы растрепаны, состояние ужасное... Я плакала, бабушка плакала. К поискам подключились соседи. Все бегаем. Но Юры нигде нет. И вдруг, я вхожу в дом и слышу его голос. Оказывается, он залез на лестницу, которая стояла за дверью, и все это время сидел там, наблюдая за нами. Возраст его тогда был 3–4 года.

И еще помню случай. Пропали три мальчика. Юра и еще двое детей учителя физики 4–5 лет. Искали всем миром, искали везде, где только они могли быть. И вдруг ребят находят за околицей села. Оказывается, они взяли в сумочку хлеба и пошли «служить к Ворошилову».

Еще, помню, приходит как-то Юра (ему тогда было года 3 или 4) с улицы и спрашивает у отца: «Папа, а что такое х...?». Видно, ре-

бята во дворе научили его спросить у папы. Папа наш вообще был взрывной. Реакция его была мгновенной – он, ничего не говоря, сразу очень сильно шлепнул Юру. На этом наказание закончилось. И ничего больше не объяснял. Ничего. Но я думаю, после того случая он в жизни это слово не произносил. К мату вообще у Юрия Ивановича было сильное неприятие. Особенно не любил слышать его от образованных людей, которые могли даже при женщинах рассказывать анекдоты, из которых «слова не выкинешь».

Лес с ранних лет был Юриным особым пристрастием. Леса были кругом, и Юра часто убегал туда. Порой более взрослым ребятам, которые ездили на велосипедах, приходилось его разыскивать. Особенно часто это делал Ваня Долгов, который жил с нами (о нем я потом расскажу подробно). Позднее Ваня рассказывал, что находил Юру посреди леса, одного, увлеченно копающегося в чем-то, не обращающего ни на что внимание. Это еще до школы было. Увлечение это было его собственным. Никто из ребят его не разделял.

Когда папа умер, пришлось снимать жилье. Там был чулан. Этот чулан был забит банками, бутылками с различными букашками, бабочками, червяками. Видно, это было начало Юриного увлечения биологией. Помню, какая-то птица все бегала, ноги длинные... Когда я приезжала домой на выходные, приходилось говорить: «Юр, да выброси ты кого-нибудь, дай мне хоть бутылку молока с собой налить!». А ему 10 или 11 лет. Т.е., похоже, пристрастие уже было.

Когда в 1941 г. началась война, Юре было 7 лет, мне 15 лет. Питание было очень плохое, особенно хлеб. Папа болел, у него была язва желудка. В 1942 г. наш папа умер от прободения язвы. В возрасте 41 года. Я тогда заканчивала 10-й класс, в районной школе, которая находилась в Малино. Старшие классы в нашей школе не всегда набирали, а тут еще и война. Жила в Малино на квартире у учительницы, домой, за 18 км, ходила только на выходные. Помню, заходит в класс математик, говорит: «Зоя, позвонили в школу, папе плохо». Я бегом бежала эти 18 км, подбегаю к Большому Алексеевскому, какая-то встречающая женщина говорит: «Зоя, ты сюда бежишь, а папу увезли в Малино, в районную больницу». А там одна старуха-врач оставалась (война же), она не могла ему никакой помощи оказать, он и умер. Потом один известный в наших местах врач, не помню фамилии, говорил мне, что «если бы я был, я бы его спас». Я очень любила отца и была «папиной дочкой». Вскоре я уехала учиться. В дальнейшем Юра остался только с мамой. Помню, как-то приходит Юра с улицы и говорит: «Мама, разве дети бывают сиротами с мамой?». Это ему на улице какая-то женщина сказала, что он остался сиротой.

Еще до войны, когда я училась в 7 классе, году в 1939, у нас в школе появился мальчик Ваня Долгов. Узнали, что он – сирота, и с каким-то мужиком, который оказался писателем, снимает у какой-то бабушки комнату. Ваня был старше меня года на четыре. Его с собой возил этот писатель. У него не было руки, и Ваня, у которого был красивый почерк, ночами писал под его диктовку. Потом дошли слухи, что этот писатель уехал и Ваню бросил. У Вани не было пальто, только какой-то пиджачок. Папа узнал об этом, вызвал к себе в кабинет (а Ваня был беспризорник, настоящий беспризорник, не знал ни своих родителей, ни других родственников) и спросил его: «Ваня, хочешь жить у нас?» Ваня стал жить у нас. В школе была учительская, там стоял диван, Ваня на нем и спал. Все учителя его опекали, зная о сложной судьбе мальчика. Когда он у нас жил, он часто собирал мальчишек и рассказывал им сказки, которых знал очень много. Он любил их рассказывать, откуда он их знал – неизвестно. Он вообще был очень толковый. Так что это именно его, Ваню, а не какого-то «дядю Гришу», слушал Юра «долгими зимними вечерами, у печи, под мерцание пламени», как пишет он в своей «Автобиографии». А может быть детская память соединила воспоминания о двух разных людях.

Прожил Ваня у нас года полтора-два. Он приезжал к нам и в летний лагерь. Там была одна женщина, повариха, которая, узнав о его судьбе, предложила Ване жить у нее в Москве и учиться в техникуме. Папа, со своей стороны, предлагал ему пойти в 8-й класс нашей школы, но Ваня понимал, что это все-таки нагрузка для директорской семьи. Потом началась война. Ваню из техникума забрали на фронт. Мы с ним все время переписывались. И папа с ним переписывался. Иногда, получив письмо, говорю папе: «Получила письмо от Вани». Папа: «Что он пишет?» Я ему: «Да возьми и почитай». Он: «А можно?» Я ему: «Конечно, можно». Потом папа умер. Я Ване об этом написала, как болел Иван Терентьевич, что случилось... Он мне ответил: «Завтра иду в бой. Я отомщу немцам за Ивана Терентьевича». Вот так. И он погиб. Перед войной он мне писал, что когда по совершеннолетию в 18 лет получал паспорт, взял отчество Иванович. Я его спрашивала в письме: «Ну, зачем ты это сделал? Взял бы какое-нибудь другое!» Он мне ответил, что взял это отчество в честь моего отца.

С 1942 г. я дома практически не жила. 10-й класс я оканчивала в районной школе. В 1943 г. я поступила учиться на механико-математический факультет МГУ, жила в общежитии и домой приезжала только на каникулы. Первое время часто приезжала, как-то скучала по дому. Единственный транспорт до Большого Алексеевского был –

попутка, которую иногда можно было поймать от Барыбино, куда приезжала из Москвы на поезде (электричек еще не было). А часто приходила пешком, далеко за полночь. После смерти папы наша семья должна была освободить директорскую квартиру и жить на съёмной площади.

В начальной школе Юру учила тетя Тая, папина сестра, и контроль над ним был. А вот с 5-го класса начались жалобы учителей на его поведение и учебу. В общем, до 8-го класса он учился плохо. Приезжая на каникулы, я пробовала заниматься с ним математикой. Помню, я ему что-то объясняю, а он поглядывает на окно, где на поляне ребята играют в футбол. Я закрываю окно занавеской, но он совсем не вникает, совсем. Чувствую, что он весь там, на поляне, и все мои усилия бесполезны. Но при этом надо отметить, что Юра очень много читал. Читал и днем и ночью при коптилке. Он так увлекался чтением, что его ничем нельзя было отвлечь.

Я до школы читала плохо. А Юра научился читать задолго до школы и читал много, в школе особенно. Его 7–9 лет – это увлечение Джеком Лондоном. Помню, война, света нет, стоит «моргасик» (пузырек, туда налит керосин, торчит фитилек), дающий маленький огонечек, а он сидит и читает. Мы все «Юра, ложись спать! Ложись спать!» Он даже внимания не обращает. Помню, к маме пришла соседка, матерщинница, она такими словами и разговаривала. Приходит, а Юра сидит, читает. Так даже она внимание обратила: «Мария Дмитриевна, вот я с тобой разговариваю, а он даже не слышит!».

Игр у нас в детстве много было. Уроки сделаем и собираемся около школы. Лапта была, круговая и простая и др. Много играли. Заниматься с детьми, гулять с ними, у взрослых было не принято. Потом я начала играть в волейбол.

Школу я окончила с похвальной грамотой на одни пятерки (она – то же самое, что сейчас медаль, медалей тогда не было). Поэтому экзамены в МГУ не сдавала. Поступала во время войны. Исторический, механико-математический, филологический, экономический факультеты были тогда в одном здании на Моховой. Я-то хотела поступать только в технический ВУЗ, колебалась – Авиационный, Бауманский, Строительный? Поехала подавать документы в Москву, и вдруг в метро встречаю девочку Люду, которая приезжала к своей бабушке в Троицкое-Лобаново, а я там тоже бывала после переезда, навещала свою бабушку по маминной линии. Люда ехала поступать в МГУ, о котором я тогда даже не знала. Я ей говорю: «Ой, я тоже хочу». Мы с ней поехали и подали заявления. Обе поступили.

Оценки у меня были разные. Были проблемы с языком. «Основы марксизма-ленинизма» я не могла одолеть. Т.е., когда Юрий Иванович пишет, что я окончила мехмат с отличием, он ошибается.

Про Юру, конечно, никто и не думал, что он академиком станет. Не помню, чтобы он с кем-нибудь дрался. Когда он пишет о себе в подростковом возрасте как об отъявленном хулигане, он преувеличивает. Мама на него жаловалась. Но мне трудно судить, я ведь с ними тогда мало жила. Но вот, помню, был у нас старик-пасечник, к нему ребята залезли, что-то разорили, своровали. Так, он маме тогда сказал: «Но твоего, вроде, не было». Т.е., в принципе компания была такая, что Юра мог оказаться среди них. Так у мамы сложилось мнение, что Юре надо поступать в техникум, а не в институт, так как учился он плохо, и учителя жаловались, что он плохо ведет себя в школе, мешает другим заниматься... Ему было тогда 12 или 13 лет. Я была против техникума.

В университете я играла в волейбол. Играла и за факультет, и в сборной университета. У меня подача очень сильная была. Часто выигрывали на этом. На соревнованиях я познакомилась с В.Е. Соколовым. Володя был в первой сборной МГУ (мужской), а я во второй (женской). Много лет спустя как-то по телевизору я увидела Володю, оказывается, уже академика. Сказала об этом Юре, и только тут узнала, что он его «босс» (директор института).

В 1948 г. я окончила МГУ. Темой моей дипломной работы была: «Теорема существования алгебраических интегралов в случае твердого тела, вращающегося вокруг неподвижной точки». Когда началось распределение, я жила в общежитии, и меня могли направить куда угодно. Меня спрашивает член комиссии: «Как Вы учились?» А рядом с ним декан сидел и сказал: «Хорошая студентка». Тогда мне говорят: «Хотите в Подлипки?». Я в ответ: «Мне, собственно, все равно». Не знала я, где это – Подлипки? Что это? Думала, если предложат выбор – Иркутск или Новосибирск – выберу Новосибирск. Подлипки – это станция. Город Калининград тогда не называли, засекречено было. Я сказала, что согласна. Так наша семья оказалась в Подлипках. Выхожу из аудитории, говорю ожидающим: «Меня в какие-то Подлипки послали». В ответ: «Да ты что, это самое лучшее распределение!» Так я оказалась в подмосковных Подлипках (теперь г. Королев) в НИИ-88, с общежитием. А были распределения в Комсомольск-на-Амуре, Иркутск, Улан-Удэ и др.

В тот же год Юра приехал ко мне в Подлипки, чтобы сдавать экзамен в техникум. Но, так как мое общежитие было женским, ему пришлось жить в общежитии МГУ на Стромынке, где жил в то время мой будущий муж Женя. Вместе с ним в комнате жили сту-

денты разных факультетов, все участники войны. Вот они и убедили Юру, что надо учиться дальше и поступать в институт. Он забрал документы и уехал домой продолжать учебу.

Я вышла замуж, но проживала по-прежнему в общежитии. Муж Женя продолжал учебу на геологическом факультете и тоже жил в общежитии. Когда я узнала, что я в положении, то подала заявление на получение жилплощади. При этом в заявлении указала, что у моей мамы и брата тоже нет собственного жилья. Мне дали комнату в 17.5 кв. м на меня, мужа, маму, Юру и будущего ребенка (через несколько лет, в 1956 г. мне предоставили хорошую 2-х комнатную квартиру, где мы все и проживали).

Мама и Юра приехали ко мне, как сейчас помню, без всякого предупреждения, привезли картошки, кровать, диван. Юра поступил в 8-й класс средней школы № 1 г. Калининграда.

С тех пор я никогда не была в Большом Алексеевском. Когда Юрий Иванович в конце 70-х гг. приехал туда – он не узнал ничего, школу снесли, большинство домов не сохранилось. Только река Северка и лесок на холме, «который как шапка», остались неизменными.

В Подлипках Юра учился успешно, появились хорошие товарищи. От шаловливого мальчика, жалоб учителей ничего не осталось. Но в 9-м классе случилось несчастье. Юра катался на коньках, упал, после удара начался костный туберкулез. Пришлось лежать в гипсе 1.5 года. Но, несмотря на это, Юра окончил 10-й класс и поступил в пединститут, куда ходил на костылях. Дальнейшая учеба и работа привели его в науку, в которой он дошел до академика РАН.

Хочется отметить еще один важный момент в его жизни. На выпускном вечере после 10-го класса он познакомился с Барабановой Ниной. После этого знакомства они не расставались до конца жизни. Они рано поженились (на 3-м курсе). Мама, Мария Дмитриевна считала это преждевременным, так как Юра ходил в это время еще на костылях. А мне Нина очень нравилась. Юра до этого часто где-то пропадал, много времени проводил в библиотеках, в институте, но потом выяснилось, что часть этого времени – были встречи с Ниной. Но я думаю, что часто они вместе ходили в библиотеки. У них было общее увлечение – биология.

Мама Юрой очень гордилась, а он никогда с ней не спорил. Юра очень ее оберегал. Когда долго гуляли с Ниной, провожали друг друга, в какой-то момент он всегда говорил: «Давай пойдем домой, а то мама будет волноваться». Когда как-то я пожаловалась ему на маму за что-то (Юра был для мамы авторитетом), он мне сказал: «Зой, наша мама университетов не кончала, и поэтому нечего нам тут...». Такая же реакция была на похожие сетования Нины: «Ни-

когда на эту тему мы говорить не будем». Я считаю, что он был прав.

После их женитьбы мы некоторое время жили вместе. У меня сложились очень хорошие отношения с Ниной. Я любила и Юру и Нину. Для меня они были одно целое – Юра-Нина.

Вспоминается один случай, характерный для Юры. Приехал он как-то из Средней Азии. Вошел в квартиру с рюкзаком. Спросил: «Где Вова? Позови его». Вова, мой сын, гулял. Я позвала его. Я думала, Юра привез то, что обычно привозят с юга, виноград, дыни. Входим с Вовой в комнату и видим большого варана в угрожающей позе. Такой огромный, у меня рук не хватит показать. Как он его там, в рюкзаке сложил? Но Юра сказал, что он безопасен. Тот сутки был без еды и воды. Потом его отдали куда-то в лабораторию.

Потеря Нины, затем Юры, для меня большая утрата моих родных, близких и любимых людей. Какая-то несправедливость. Ведь я старше их на 8–9 лет.

Черновы и мы. Воспоминания*

Н.В. Дудкина

Нина Васильевна Дудкина (в девичестве Рогожина), училась в одной группе с Ю.И. Черновым в Московском областном педагогическом институте. После его окончания вместе с мужем, Николаем Кузьмичом Дудкиным, уехала в Норильск, где 20 лет проработала в школе. Дудкины были ближайшими друзьями семьи Черновых.

Студенческие годы

Мы поступили в Московский областной педагогический институт (МОПИ) в 1953 г. Я была принята без экзаменов, т.к. окончила с отличием педагогическое училище в Ногинске. Главное здание нашего института располагалось на ул. Радио (бывшая Воскресенская). Около половины студентов курса, в том числе и мы, из дальнего Подмосковья, жили в общежитии рядом со станцией метро «Бауманская» (в 1-м Переведеновском переулке). Много занятий проходило на ВДНХ в павильонах «Коневодство», «Свиноводство», «Овцеводство», «Цветоводство», «Полеводство» и др. На летнюю полевую практику выезжали в Черкизово и Крюково. Нас учили заниматься огородом, водить автомобиль «Москвич».

Во время учебы у нас не было особых отношений с Юрием Ивановичем. Я была обыкновенной студенткой, не разделяла его увлечения наукой, о его зоологических выездах за город, «на природу» (бродить по лесам, ловить насекомых), в том числе с нашими преподавателями, ничего не помню. Хотя вспоминаю, как он приглашал нас «на тягу» весной, мы ходили на вальдшнепа. Я не знала о его близких (внеучебных) отношениях с нашими преподавателями В.Ф. Натали, А.П. Кузякиным, орнитологом Е.П. Спангенбергом, не придавала никакого значения его личности. Старалась просто хорошо учиться, получение стипендии было абсолютно необходимым для большинства студентов, живущих в общежитии. Родители мало кому могли помогать. Я на выходные уезжала к своим. Вот о его частых поездках на ст. Соколовскую (Ярославская железная дорога), в школу, где, начиная с 3-го курса, преподавал Саша (Александр Иванович) Никишов, тоже наш одноклассник, хорошо помню. Александр Иванович организовал там большой живой уголок. Я и на факультет естествознания попала почти случайно. Окончив педучилище с отличием, я могла поступать в пединститут без экзаменов. Сначала мы с подружкой прошли собеседование на ис-

* Записано со слов Нины Васильевны Дудкиной в сентябре 2012 г.

торическом факультете МОПИ, а А.И. Никишов, с которым мы вместе учились в Ногинском училище, уже поступил на факультет естествознания. Он нас и сагитировал. Сейчас Александр Иванович заведует кафедрой методики преподавания биологии в МПГУ.

Уже в студенческие годы Юрий Иванович подолгу просиживал в библиотеках, особенно в Ленинке. Но я никогда не думала, что это – следствие его увлечения зоологией. Когда его спрашивали: «Юрка, что ты там делаешь в Ленинской библиотеке?». Отвечал: «Читаю про историю искусств»*.

Мы учились в 1-й подгруппе 1-й группы. Группу (24–26 человек) делили на две подгруппы для удобства при проведении практических занятий. Курс (50 человек) состоял из двух групп. Большинство выпускников впоследствии по 40 лет отработали в школе, сейчас уже половины нет с нами.

Наша специальность при выпуске была – «учитель биологии и химии». Почти все наши одногруппники преподавали химию. Биология считается каким-то несерьезным предметом, а ведь ее преподавать гораздо труднее, чем химию, столько всего нужно знать во многих областях... Очень много информации.

На практике в Крюково мы устраивали комсомольские собрания, сами, обсуждали самые разные вопросы, которые тогда нам казались насущными. Инициатором часто была наша староста – Зоя Яроцкая. Юрий Иванович говорил: «Можно пропустить лекцию, но собрание – никогда». Поэтому на всех собраниях он присутствовал. Одно из них было посвящено ему самому. Мы все как один осудили его отношение к одной нашей одногруппнице. Мы его «прорабатывали» по комсомольской линии (!), так как считали, что он давал повод для развития в девушке чувства к нему, а сам не отвечал взаимностью. Мы были строги и единодушны. Сначала выступала староста, потом возмущались и остальные. «Зачем ты даешь ей повод, если не хочешь с ней дружить?». Очень его ругали. Юра отнекивался, студентка убежала. Вот как мы его прорабатывали. Сейчас мне кажется, что никаких поводов и не было. Но я была довольно далека от них от всех, на выходные ездила домой, во Фряново.

Мы совершенно не замечали больной ноги Юры. А он считал своим долгом быть как все. Помню, как он на практике в Крюково полонил рассадку в теплице. Лёжа. Сесть на корточках он ведь совсем

* Интересно, что за месяц до смерти Юрий Иванович сказал в беседе с сыном Иваном (И.Ю. Черновым): «Знаешь, кажется, я ошибся профессией. Мне бы надо было стать критиком изобразительных искусств».

не мог. Ему можно было вообще этого не делать. Он имел все основания отказаться. Но он говорил, что должен. Его «чувство долга» распространялось на многое, на собрания, на эту вот рассаду, проводы на целину... Когда студенты московских ВУЗов, и нашего в том числе, отправлялись на целину, мы ходили провожать поезда. Сами-то мы не ездили, но провожали своих. Они там работали все лето, водили трактора. Юра считал, что мы должны их провожать.

Основное учебное здание было на ул. Радио, а мы учились неподалеку на Новокирочном (от слова «кирха»). Между улицей Радио и Новокирочным переулком находился Центральный аэрогидродинамический институт. Там проводили испытания в аэродинамических трубах, и мы учились часто под страшный грохот. Рядом с нашим общежитием был комбинат им. Микояна, там пахло котлетами... Дальше – Электрозаводской мост. Это считалось уже окраиной Москвы.

Во время учебы мы часто ходили в музеи. На 3–5 курсах уже четко составляли план посещений московских музеев на ближайший месяц. Жесткий план. Следовали ему строго. Ежемесячно (по очереди) стояли за билетами в Большой театр, которые продавали только за 10 дней. Брели самые дешевые, откуда ничего не видно или садились в проходе, потому, что денег не было. Легче было только тем, кто жил в семье (в Москве, в ближайшем Подмосковье). Я ничем не отличалась от других (хотя была сиротой), в общежитии все такие были. Когда решали, как ехать с Бауманской (с Переведеновской), где учились, до ВДНХ, считали: на метро – 5 копеек, на трамвае – 3 копейки. Ехали на трамвае.

Когда ГУМ открыли, это целое событие было – поехать в ГУМ. Кому нужен блокнот, кому – ручка, кому – капрон. Идем по улице Горького, проходим магазин «Хрусталь». А он, хрусталь, оказывается бывает не только белый, но и красный, синего цвета... Сроду не видели. «Меха» в Столешниковом... Меха, хрусталь, все это были вещи из нереальной жизни. Стипендия тогда была 240–280 рублей.

Юрий Иванович водил нас на экскурсии в Третьяковку, мы любили с ним ходить. В любом зале он нам мог все объяснить про любую картину. Я с тех пор вообще полюбила бывать в музеях. И здесь, когда уже вернулись, в Москве жили, ходила с подругой, дочкой художницы, на выставки Эрзи, Шемякина, Зверева. Ходили в будние дни, когда мало народу, я же не работала. Мы посещали все выставки в Центральном доме художника. Зверев особенно мне нравился, своеобразный очень. Потом я стала водить в Третьяковку своих учеников, которые приезжали из Норильска. Ко мне много приезжают. Стала покупать книги о художниках. Да еще в Норильске я проводила классные часы о художниках. Рассказывала

детям о Васеньке с картины В.Г. Перова «Тройка». Помните, мальчик, с которого художник писал центральную фигуру, щербатенький такой... Он умер, а мама приходила посмотреть на него на картине... Я читала, а у меня ученики плакали в 5-м классе. Не знаю, почему я проводила такие классные часы, может быть тоже потому, что Юрий Иванович студентами водил нас в Третьяковку, рассказывал о содержании картин... Это вспоминают все наши одноклассники. Мы могли смотреть и ничего не видеть. Он нам первый сказал, что медведей на шишкинской картине «Утро в лесу» рисовал другой художник...

Моя семья

С Колей (Николаем Кузьмичом) Дудкиным мы были знакомы еще со школы. Его старшая сестра (разница в 15 лет) была моей учительницей во Фряново. Поженились мы в декабре 1957 г. перед его распределением. У них, в Институте цветных металлов и золота им. М.И. Калинина, тогда учились 5.5 лет, но мне еще оставалось учиться полгода, так как я поступала в институт после педучилища, на год позже Коли. С нашего курса по распределению многих отправили в Хакасию. Я была уже замужем и поехала к мужу в Норильск.

Свадьба у нас была в Подлипках, у Зои Ивановны (сестры Ю.И. Чернова). Устроил это Юрий Иванович. Коля без конца ходил к нам в общежитие в 1-м Переведеновском переулке. Очень уж это все было на виду. Мы с Юрой не договаривались, это наши девчонки, наверное. Они очень нас опекали. Подробностей я не знаю. Мы поехали к Черновым. До этого я никогда Зою Ивановну не видела. Это все было как бы само собой разумеющееся, жизнь была проще, отношения проще.

У Зои Ивановны был муж, Женя (Евгений Москвичев). Мы все в него влюбились сразу. Он играл на гитаре, пел геологические песни... Это было что-то невозможное. Зою Ивановну никто из нас раньше не знал. Девчонки-то мои все были нормальные. А вот ребята Колины – пили все. Это еще у них называлось ППИ – «пивная против института».

Институт цветных металлов и золота, где на горном факультете учился Николай Кузьмич, находился на Калужской, теперь Октябрьская. Сейчас здесь располагается МИСИС (Московский институт стали и сплавов), а их институт перевели в Красноярск. Так вот, к ним на распределение приехал директор Норильского комбината Дроздов и стал агитировать – приезжайте, у нас все хорошо, вы прилетите в аэропорт «Надежда» («Алыкеля» тогда не было) и –

никуда больше, сразу ко мне на прием. Я вам сразу дам по ордеру на комнату. Так и было.

Ребята к нам на свадьбу-то пришли пьющие. Николай их никогда не приглашал на вечера, хотя девчонки мои просили. А тут на свадьбу пригласил. И Генка Вебер (Геннадий Вениаминович Вебер, который потом стал Героем социалистического труда, основателем Талнаха), красавец-блондин, высокий, голубоглазый, с крупноволнистыми волосами. . . Его хватились, где Вебер? – в ванне спит. Другие – в подъезде, на лестничных площадках были широкие подоконники – и там кто-то спал. Много лет потом, приезжая к Черновым на дни рождения, мы извинялись перед хозяевами. Вот и такие у нас были ситуации.

В 1956 г. прозвучал призыв к комсомольцам и молодежи Москвы и Ленинграда – поднимать Норильск. Мы уехали туда в 1958 г. Когда уезжали, меня очень много народу провожало. В Норильске в 1959 г. у нас родился сын, Миша. Николай Кузьмич работал сначала горным инженером. Занимался предотвращением взрывов в шахтах. Защитил диссертацию по мерам предотвращения скопления метана в шахтах. Потом был заведующим кафедрой и деканом в НВИИ (Норильском вечернем индустриальном институте). Вернулись мы из Норильска в 1977 г., двадцать лет спустя. В 1982–86 гг. Николай Кузьмич работал в Венгрии. Я после Норильска уже больше в школе не работала.

В первое время большой отпуск у нас был один раз в два года. Когда приезжали сюда, «на материк», объезжали всех своих, кого могли. У Николая Кузьмича были брат и 4 сестры. Пока всех объедем, . . . родственников, школьных друзей, сокурсников по педучилищу, институту. Навещали и Черновых. Они жили тогда через дом от старшей сестры Николая Кузьмича на ул. Гагарина в г. Калининграде Московской области (теперь г. Королев).

Ко мне очень часто приезжают мои бывшие ученики. Я до сих пор помню имена и отчества всех родителей, ведь было 2 выпуска, которые я вела с 5 по 10 класс (по шесть лет каждый). Только в этом году (2012) приезжали 7 человек. И так все время. Недавно был мой ученик Борис из Санкт-Петербурга, он 11-й из своего выпуска. У меня класс был большой, 33 человека (в старших классах это много). То есть треть моих учеников побывала здесь. А ведь мобильных телефонов не было.

Норильск

В студенческие годы между мной и Юрием Ивановичем никакой особой дружбы не было, а вот потом все обстоятельства скла-

дывались так, что мы привязались друг к другу. Мы уехали с мужем в Норильск в 1958 г., а уже летом 1959 г. туда приехал Юрий Иванович с каким-то студентом. Они ночевали у нас. Это было в июне. А когда в июле они возвращались из экспедиции, уже родился наш сын, Миша. Помню, Юра тогда сказал, что у него тоже через полгода должен родиться ребенок. Потом он еще несколько раз к нам приезжал.

Из Норильска уезжают все, через 20–30 лет работы, «на материк». Но эти годы в жизни каждого – особенные. Когда говорят, что сейчас некоторые дома на проспекте Ленина растрескались пополам, мне это непонятно. Потому, что когда мы там жили, к нам приезжал Трюдо, премьер-министр Канады со своей молодой женой, к нам приезжал Косыгин с дочерью. Естественно, все выглядело достойно, какие там трещины... А сейчас, рассказывают, разрушается от подвижек грунта здание Института сельского хозяйства Крайнего Севера. У меня от этого института благодарности, грамоты, ведь мы участвовали во всяких олимпиадах, конкурсах.

Когда только приехали, пыталась устроиться работать в детский сад, на зону, не взяли. Потом повезло попасть в школу № 1, большую, красивую, построенную в 1949 г. на взгорке, к ней ведет балюстрада... И двадцать лет я проработала в одной школе. «Висела» на городских Досках почета. Мы сменили в Норильске три квартиры в разных районах города, порой по дороге к «своей» школе я проходила мимо четырех других школ, но даже мысли перейти на работу поближе к дому не было.

Сразу по прибытию в Норильск зарплатный коэффициент был 1.8. Потом каждые 6 месяцев прибавлялось еще по 0.1, и так до еще 80% от базовой зарплаты. Разница с материком была огромная, сравнивать нельзя. Я могла купить все, что угодно, но не было ведь особенно ничего. Хотела купить норковую шубу, но в Норильске продавались только кремового цвета (ни белых, ни коричневых; такой был завоз). Мне она не нравилась. Помню, в начале 70-х приехали в отпуск, и я водила своих однокурсников в ресторан в конце только что построенного Нового Арбата (Калининского проспекта). Зарплата у меня была северная, я была такая «всемогущая», кормила их икрой, такой, сякой... Очень мне это было приятно, угостить друзей.

В Норильске, всегда было ощущение своей востребованности, причастности к общему делу, перспективы. Были все возможности самореализации, духовного развития, понимание того, что делаешь что-то очень нужное. Город расположен в котловине, именно поэтому зимой бывает особенно холодно. Первую неделю сентября я еще могла проводить экскурсии с детьми на природу, а во вторую

неделю – уже редко, так холодно. В подъездах, в квартирах было очень тепло. Рано утром идешь на работу, выходишь на Талнахскую как в космос, темнота и днем и ночью, ветер сбивает с ног. Идешь и думаешь: «А ведь я здесь живу, работаю...». Мы очень гордились. Мы встречались здесь с себе подобными, тоже приехавшими по призыву, с такими же одержимыми, любящими этот город, эту жизнь, Север. В начале мая открывался лыжный сезон. По дороге к Талнаху построено много турбаз, где можно погреться. Ездили по выходным с друзьями-учителями, по несколько человек, с детьми и без. Лето через год проводили в городе. Ходили за грибами, ягодами; мошकारа, конечно, очень донимала.

Учительский коллектив был дружный. Мы практически жили в школе, порой сидели до ночи. Детьми надо заниматься. Не так как сейчас часто – вышел и забыл, отвел уроки и все. Пионерская дружина школы носила имя молодого гвардейца Олега Кошевого. В школе создали музей молодого гвардейцев, ездили в Краснодар, переписывались с его жителями. Я вела на Норильском телевидении программу «Самое-самое». Мы с детьми ходили на различные экскурсии, путешествовали. Помню, мы с другой молодой учительницей (а она была беременна) возили школьников по Енисею до Диксона, среди плавающих льдов. А то затеяли большую поездку Ташкент–Самарканд–Бухара. Представляете, увидеть их детям с Крайнего Севера... И все это без какой-либо оплаты или поддержки, сами... В Ленинград часто возили детей. До обеда – по музеям, потом – в театр.

Норильчане всегда были особым народом. Город был закрытый. Когда во Внуково стоим в очереди на регистрацию – это значит, что ты уже только среди своих. Можно оставить любой чемодан, уйти. Братство, общество будущего. Были полная уверенность в завтрашнем дне, ощущение нужности своей стране, понимание, что страна заботится о нас. В город приезжали лучшие артисты, строились театры, школы, жилье. Когда в 70-х гг. построили магазин «Цветы», по радио бывали такие объявления: «Товарищи мужчины! В магазин поступили розы из Сочи. Поторопитесь!».

Когда в 1985 г. исполнилось 50 лет нашей школе, меня пригласили на праздник. Мы к этому времени не жили в Норильске уже 8 лет. Пришлось ехать из Вишняково в Ногинск за разрешением, так как был строгий пропускной режим. В паспортном столе мне сказали, что разрешение будет готово только через неделю, такой порядок. Но я ответила, что тогда оно мне уже будет ненужно, опоздаю. Разговорились, рассказала, что 20 лет работала в первой школе Норильска. Услышала: «Приезжайте за разрешением завтра».

В самолете с нами летела Валя (Валерия Давыдовна) Борц, связанная молодогвардейцев, орденоносец. Ее тоже пригласили. Подлетаем к Норильску, в окне замерзшие озера, лиственницы. Вспомнила, как водила детей на экскурсии, как ходила на лыжах, часто одна, места все знакомые. Мужчина сидел рядом: «Вы живете в Норильске?» – «Нет, уже восемь лет.» – «А я – пять. И я возвращаюсь, больше не смог».

Приехала, меня встречал сын друзей, стала сразу звонить в учительскую, все телефоны помнила. Программа праздника была рассчитана на 4 дня, и сегодня – встреча с учениками. Слышу в трубке: «Уже идет, приходите скорее». Помчалась в чем была. Иду по лестнице – коленки подогнулись. Что это было? Это – и Север, и родная школа, и отношения между людьми, когда я там жила. Я всегда чувствовала себя гордой, что я нахожусь в Норильске, живу в таких условиях, что чем тяжелее, чем труднее, тем более важно, что мы здесь.

Когда уезжали из Норильска «на материк», одна ученица, Кузнецова ее фамилия, меня спросила: «Нина Васильевна, а Вы будете там преподавать?» – «Нет, не знаю. Скорее нет». И в ответ: «Нина Васильевна, мне жаль учеников, которые не будут у Вас учиться». Разве такое забудешь...

Наши путешествия

Еще когда работали в Норильске, мы купили машину «Москвич». Кафедра Николая Кузьмича выиграла социалистическое соревнование, и он, как заведующий, получил право на покупку машины. Просто так ее купить было нельзя. Мы переправили машину «на материк» и во время отпуска ездили в разные места. Часто путешествовали с Черновыми. Останавливались, где хотели. У нас с собой были палатки, спальные мешки, надувные матрасы, столик, стульчики, т.е. все снаряжение. Разбивали палатку, разводили костер, начинали ужин готовить, я их кормила. Обычно ездили Ваня (теперь Иван Юрьевич), наш сын Михаил, Николай Кузьмич, Юрий Иванович и я. Нина Михайловна начала ездить с нами только последнее время, долго не ездила, у нее же мама, Елена Антоновна, лежащая была. Поэтому она очень хотела, но ездила с нами мало.

Куда мы только не ездили – во Владимир, Суздаль, Ростов Великий, Ярославль, Юрьев-Польский, Псков, Михайловское, Новгород, Минск, Хатынь, Медынь. Мы много разговаривали. Юрий Иванович был очень прост в общении. Они, Черновы, могли очень доступно говорить об очень сложных вещах. И Юрий Иванович, и Нина

Михайловна. Мне всегда думалось, какие же счастливые люди, которые у них учились, их студенты.

На озерах рыбачили, Юрий Иванович любил. Вот как-то сидим, я их покормила, а Ваня меня поддразнивает: «Нина Васильевна, как Вы с папой разговариваете! У нас в экспедиции, когда он говорит, его все с открытым ртом слушают, а Вы с ним говорите как-то не так, запросто, недостаточно уважительно что ли». А я ему отвечаю: «Вань, во-первых, у нас что? – отпуск. Мы отдыхаем, живем на природе, приятное общение, и вообще, я твоего папу знаю с 1953 года. Во-вторых, вы – четыре мужика, я одна, готовлю, мою посуду, если я еще буду с вами разговаривать как-то по-особенному... И потом, там – работа, там – определенная рабочая дисциплина, а здесь зачем?».

Наш дом и сад

Когда мы только вернулись из Норильска, сняли двухкомнатную квартиру в Бирюлево и раздумывали о покупке кооперативной квартиры. Помню хозяин, знакомый наших норильских коллег, очень удивлялся, что мы платим за 2 месяца вперед, без каких-либо проблем. Тогда все люди очень небогато жили. Мы-то приехали с севера с деньгами.

В Бирюлево ходил автобус от станции метро «Беляево», как сейчас помню № 37. Юрий Иванович говорил, что когда, возвращаясь домой с работы, он ждал у метро «Беляево» своего автобуса до Теплого стана (метро там тогда еще не было), то загадывал, какой автобус подойдет первым. Если 37-й, он приезжал к нам. Беседовали о чем-то с Николаем Кузьмичем, Юрий Иванович не был гостем.

Живя в Бирюлево, Николай Кузьмич покупал газету «Вечерку» и читал объявления (их печатали только в этой газете). Он задумал покупать не квартиру, а дом. Юрий Иванович поддержал эту идею, и они объединились. Юрий Иванович ведь был натуралистом в прямом смысле слова, вернее во всех его смыслах. Стали они ездить вместе, выбирать дома. Теперешние на слуху – Баковка, Рублевка, все их мы объездили, тогда все они были без газа и без воды. Были и в Валентиновке, на севере от Москвы. А мои родители жили в Мамонтовке (тоже по Северной, сейчас Ярославской, дороге). Валентиновка – старое дачное место, дом – большой, двухэтажный. Довоенная, деревянная дача, ванна на кухне. Накануне Николай Кузьмич уже почти договорился, даже дал хозяйке 300 рублей залога. Потом приехали с Юрием Ивановичем. Стоим разговариваем, а Юрий Иванович тем временем пошел на улицу, осмотрел щели между фундаментом и деревом, проемы. Дом оказался полностью

гнилым, подоконники тоже сгнившие, окна можно пальцем на улице выдавить. Все это он проверил. Юрий Иванович все делал как следует и с удовольствием. Разве можно было заставить его что-нибудь делать? Он вникал в этот дом. Дом стоил 25 000 рублей. Целое состояние. Если бы мы их отдали, нам уже не на что было что-либо другое строить. Участок 25 соток, красивые сосны, и большой гнилой дом. Нам повезло, что Юрий Иванович был с нами.

Куда мы только не ездили в поисках дома. Юрий Иванович бросал все дела, а ему непросто было бросить все дела, и ехал с нами выбирать нам дом. Покупка дома – было и его дело. Коля очень прислушивался к его мнению.

А Нина Михайловна не раз приезжала к нам в Бирюлево клеить обои (дома-то она это делала каждый год). Варила кастрюлю клейстера, и они с Николаем Кузьмичем куда-то ездили, выбирали. Первый раз, помню, привезли какие-то «шалашинские». По Москве тогда на машине было ездить одно удовольствие, никаких пробок. Один раз на Ленинском проспекте встретили М.С. Гилярова. Николай Кузьмич остановил машину, поговорили.

Когда мы купили этот дом (д. Вишняково, рядом с Коломной), где и по сей день живем, место было совершенно голое. Это после нас все начали сажать, и вся улица стала зеленой. Юрий Иванович и Николай Кузьмич ездили на машине в лес и выкапывали рябину, калину, березу, осину, елки, сосны, все подряд и сажали вокруг дома. Теперь у нас целый лес вырос. Садовые деревья посадили позже, в начале 80-х. В этом саду почти все посажено Юрием Ивановичем. Для посадки яблонь он привозил с собой сына Ивана, копать ямы. Много сажали и после, Нине Михайловне ученики часто привозили саженцы из Мичуринска. Сажали разные сорта – Уэлси, Богатырь, антоновку. Вырастали. Мне всегда было жалко, когда их начинали обрезать.

Встречи с одноклассниками

Когда исполнилось 25 лет после нашего окончания Московского областного педагогического института, в 1983 г. мы собрались нашей группой на ВДНХ, 16 человек. Там было летнее кафе с верандой. Мы там потом много раз собирались. Сначала встречи я организовывала, я к тому времени уже не работала. Потом вернулась из Израиля Галина Чернявская, она стала мне в этом помогать. Когда на ВДНХ уже стало дорого, мы стали собираться у одной нашей одноклассницы, она была завучем в Московской школе, где-то на ул. Дмитрия Ульянова. И мы в воскресенье собирались в кабинете домоводства. Приносили с собой еду, что-то готовили, там

была посуда, плитка. Везли с собой консервированные салаты, варенья, грибы. Пока мы были на севере, подгруппа тоже собиралась, но редко. Последние встречи были уже тут, у нас дома.

Когда вернулась из Израиля наша Галя (они всей семьей уехали, а спустя 4 года там только одна невестка осталась, единственная среди них русская), она собрала нас у себя. Помню, говорила: «Как я могла, зная русскую природу, русские просторы, уехать...». Никто из нас ее не осуждал. Юра пришел с тортом, с вином.

Как мы дружили

Особенно Черновы любили приезжать к нам, когда у них еще не было дач. Приезжали обычно без предупреждения, особенно часто летом, когда у Нины Михайловны был отпуск. Она привозила разные цветы. Сажали анютины глазки, такие, сякие. Я часто ей жаловалась, что не все растет у меня. Она всегда говорила: «А ты выращивай то, что растет, и успокойся». Так я и стала делать. Много ягод бывало на войлочной вишне, Нина Михайловна по два ведра увозила. Говорила: «Кукольное варенье получается».

Мой день рождения приходился на время экзаменов. Нина Михайловна приезжала прямо с экзаменов, привозила необыкновенные какие-то букеты. У нас тогда таких букетов не было, доставали где-то. Из их подарков у меня целые коллекции раковин моллюсков, изделий народных промыслов – Мстера, Федоскино, Палех, Хохлома, Гжель.

Юрий Иванович говорил: «За границей люди деньги платят, чтобы поработать в саду. А ты живешь здесь, среди такого блага. Ты даже не понимаешь...». Отношения у нас были очень простые. Мы были настолько своими... В быту мы были на равных. Они не гостили у нас, они у нас отдыхали. Ели на кухне, в большой комнате только Новый год отмечали, да и то я всегда жалела – уйду на кухню посуду мыть, а они тут про что-то интересное заговорят. Мне бы послушать.

Летом он нередко приезжал на несколько дней, без предупреждения, привозил с собой работу. Жил и работал здесь за большим столом в самой большой комнате. Его бумаги были соединены скрепками, их торцы карябали полированный стол. Я пыталась подкладывать газету, а Юрий Иванович смеялся: «Ты вот жалеешь мебель, а сноха придет, все выбросит и все новое купит».

У него здесь были свои любимые тапочки, чисто кожаные. Когда они изнашивались, я относила их чинить. Их, конечно, можно было выбросить, но он их любил. Приезжая, ворчливо спрашивал: «Их, наверное, тут кто-нибудь еще носит?». Заверяла, что только его.

Однажды привез из Магадана шкуру бурого медведя, которого, как сказал, сам убил. Шкура (огромная, 50 кг) была в соли, он спросил, нельзя ли оставить ее у вас не чердаке? – «Ну конечно, у нас все можно». Юра накупил банок с реактивами, квасцов, целую батарею. Прошел год, два.. Мы Юре напоминаем, шкура лежит. Потом сын стал себе делать комнату на чердаке, тогда только и выбросили, спустя 10 лет, совсем уже негодную.

Новый год Черновы встречали у нас, оставались ночевать. Приезжали к нам 31-го обычно часов в восемь-девять вечера. Как-то пришли очень поздно, чуть не опоздали. Это они шли с Ниной с поезда, увидели лежащего пьяного, куда-то его проводжали, было очень морозно. Он бы просто замерз. С 2002 по 2007 г. встречали Новый год у них (с нами после перерыва стал жить сын с семьей).

В приездах Юрия Ивановича была большая доля того, что Нина Михайловна иногда насильно отправляла его к нам. Ей надо было работать, а с ним порой бывало очень трудно. Юрий Иванович очень ценил Нину Михайловну. Он говорил всегда: «Я виноват перед Ниной, я ей не смог создать условий для работы. А у нее такие способности, что она за единицу времени сделает в 3–4 раза больше, чем я». Всегда считал, что Нина Михайловна его «на голову выше», что ей надо ставить памятник при жизни. Какая работоспособность, самодисциплина!

Последний раз Юрий Иванович приезжал на мой день рождения 6 июня в 2006 г. А я ему последний раз звонила 6 апреля 2012 г. (его не стало 22 мая). Говорю ему: «Юр, через 2 месяца будет 6 лет, как мы с тобой не виделись», а он в ответ: «Ну что такое 6 лет? Шесть лет – это...», и пошла целая лекция...

Некоторые черты характера Юрия Ивановича

Любил ягоды, объедался этими ягодами. Вообще любил жизнь во всех ее проявлениях. Знал толк в еде, умел готовить, не жалея времени, но мог быть и очень неприхотлив. Когда могли уже себе это позволять – мясо, творог – только с рынка. Бульон не пили, сливали. Следили за едой, одеждой с его подачи. Одеться Юрий Иванович любил. Мы ему всегда что-то привозили из Болгарии, Венгрии. Потом он тоже стал ездить.

Юрий Иванович иногда дурачился, когда мы звонили, приглашали к себе. «А ты хочешь, чтобы я приехал? А ты ведь не хочешь, чтобы я приехал. Нет, ты не хочешь, чтобы я приехал. Вот я чувствую, что ты не хочешь...». Я в таких случаях говорила: «Дай трубку Нине». Она всегда по-деловому... Так и договаривались.

Очень опекал сына Ивана. Где шарф? Где носки? Иван очень возмущался. Спрашивал: «Пап, а когда я женюсь, мы с женой будем спать ложиться, ты придешь поправлять одеяло?».

Когда Юрий Иванович к нам приезжал, у него в комнате на столе стояла вазочка с конфетами. После отъезда в вазочке находились только половинки конфет, завернутых как ни в чем не бывало. Никогда я не помню, чтобы он съел целую конфету (считал, что вредно). А в следующий раз опять брал другую. Так и набирались одни половинки.

Характер у Юрия Ивановича был очень непростой. Иногда резко разговаривал, мог грубо оборвать, одернуть меня, Нину Михайловну. Я как-то жаловалась Нине – что это он с нами так разговаривает, мы даже ругались с ним. «За своих принял» – было ответом.

Нина всегда говорила: «Вот он купит что-то нехорошее, неудачное, принесет и начинает всех убеждать, что это все хорошо, нужно. До тех пор, пока не покажется, что так все и есть».

Один раз приехал к нам и начал пропагандировать салат из одуванчиков. Это очень полезно, очень нужно, все уже давно едят, только вы не едите. Делал сам этот салат для нас. Ели. Меня спрашивал: «Тебе понравилось?» – «Понравилось». – «Что тебе понравилось?» – «Сметана».

У нас была мальтийская болонка Кнопочка. Мы купили ее, полторагодовалую, в отпуске, когда еще в Норильске жили. Хозяин, продававший ее на Птичьем рынке, плакал. Юрий Иванович к этому приобретению отнесся критически. Ругался: «Ты с ума сошла! Будешь как дама с собачкой, и где? – в Норильске! Там, где охота, рыбалка...». А потом он ее полюбил. Она у нас 15 лет прожила. Мы, конечно, натерпелись с ней, самолеты, такси... Возили ее с собой в Сочи, турпоездку по Прибалтике. Иногда мы ночевали с Кнопкой у Юрия Ивановича. Водой они поили ее из отдельной керамической чашечки. Как-то приехали много лет спустя, без нее (у нас уже был дом, Кнопку не возили). Смотрю, чашечка на полу в уголке стоит. «Юра, зачем? Мы ведь давно уже к вам с Кнопкой не ездим?». Пол же мыть неудобно. А он в ответ: «Может, еще когда и приедет».

Когда мы только встретились с Юрой в институте, он нам сначала казался простым молодым человеком, ничем не отличающимся от нас. Он был как все. Но потом стало понятно, что он совершенно другой человек, что он одержим наукой, что он талантливый, умный, что он совершенно на нас непохожий. Уже на первом курсе было очевидно, что он, хотя и пришел в пединститут, никогда не будет учителем, а будет заниматься наукой. Об этом вспоминают

все наши одноклассники. Я про себя этого сказать не могу. Я была самой обыкновенной студенткой (лишь бы тройку не получить, стипендии не будет). Это было тогда далеко от меня. Вот Юрий Иванович пишет в «Автобиографии» о поездках за город с зав. кафедрой зоологии, профессором А.П. Кузьякиным. А я об этом ничего не знала. Помню только, что очень приятный был человек.

Ольга Макарова: Пока я перепечатывала с диктофона материалы этой нашей беседы с Ниной Васильевной (декабрь 2012), по ходу выверяла в Интернете названия улиц, плохо уловленные на слух. А потом вдруг набрала в поисковой строке «Нина Васильевна Дудкина Норильск». И сразу нашлось:

Здравствуйте, уважаемые учителя и работники любимой школы № 1! Пишет Вам выпускник 1974 года, 10-Б класса, Ломакин Вячеслав. Хорошо, что есть Интернет, нашел Ваш адрес. Моя мечта завела меня в Архангельск, т.к. после учебы в мореходке, меня направили работать именно в Северное Морское Пароходство. До сих пор здесь и работаю. На mail.ru нашел своих одноклассников – Наталью Паркину, Наталью Бояринову, Андрея Полищук и Сергея Подвиг. Разнесло нас всех по всей стране и за ее пределы.

Хотел спросить у Вас о судьбе своих учителей. В частности, о Нине Васильевне Дудкиной (учитель биологии и наша «классная дама») и Юлии Робертовне Александер (англ. язык). Где они сейчас? Что с ними? Заранее спасибо за ответ.

Поздравляю всех учителей школы с Днем Учителя, здоровья, бодрости духа, благополучия и всего самого доброго!!!

С уважением, выпускник 1974 г.

Вячеслав Анатольевич Ломакин

Ответная речь члена-корреспондента РАН, профессора Ю.И. Чернова при вручении премии им. А.П. Карпинского

Глубокоуважаемые дамы и господа, деятели Фонда, друзья!

Я польщен оказанной мне большой честью – присуждением премии прославленного Фонда.

Существование в Германии научной премии имени выдающегося русского ученого весьма симптоматично. Особенно это знаменательно для биологов. Немецкие и русские биологи издавна обнаруживали близость взглядов и взаимодополняемость научного мышления. Об этом говорят факты из истории отечественной биологии. Так, в 18-м и 19-м веках немецкие ученые, приехав в Россию, находили здесь благоприятную для себя научную среду, признание, и часто оставались работать до конца жизни. Так поступили основатель эмбриологии Каспар Фридрих Вольф, выдающийся зоолог, исследователь фауны Европы и Азии Петр Симон Паллас, основатель Зоологического музея Академии наук Иоганн Фридрих Брандт.

Несколько поколений русских натуралистов, зоологов, ботаников, экологов выростали на прекрасных, богато иллюстрированных переведенных с немецкого книгах, таких как «Жизнь животных» А. Брема, «Жизнь растений» А. Кернера, «Жизнь пресных вод» К. Ламперта, «Географическое распределение животных» В. Кобельга, «Происхождение животного мира» В. Гааке и др.

Особенно глубоки связи и сходство стиля между русскими и немецкими учеными в таких областях, как геоботаника, зоогеография, почвенная зоология.

Немецкий геоботаник Генрих Вальтер написал в тридцатых годах книгу «Введение в ботаническую географию Германии», которую сразу высоко оценили русские ботаники. И вскоре на базе этой книги Вальтер в соавторстве с Василием Васильевичем Алехиным выпускают на русском языке фундаментальную сводку «Основы ботанической географии», долгие годы служившую основным пособием для отечественных геоботаников.

В свою очередь Генрих Вальтер глубоко воспринял и оригинально интерпретировал учение о природной зональности, развитое В.В. Докучаевым и другими русскими учеными. Его фундаментальный труд, основанный на идее природной зональности, – «Растительность Земного шара» – был переведен на русский язык и оказал существенное влияние на отечественных исследователей растительности.

Широко признанная в научном мире отечественная школа почвенной зоологии, возглавлявшаяся М.С. Гиляровым, по существу развивалась как единая русско-немецкая научная школа.

Можно привести много других примеров взаимодействия и схождения научных позиций немецких и русских биологов. В 1980 г. я выпустил книгу «Жизнь тундры». И в этом же году в издательстве Springer-Verlag вышла сходная по содержанию книга Германа Реммерта «Экология арктических животных», в которой я обнаружил множество близких мне подходов и интерпретаций в области экологии Арктики.

Вообще взаимосвязи русской и немецкой научной мысли в области биологии заслуживают специального исторического научно-ведческого исследования. И я думаю, что Фонд поступил бы правильно, если бы взял на себя инициативу в организации таких исследований на конкурсной основе.

И я, пользуясь предоставленным мне правом, рекомендовал в качестве стажера для изучения опыта германских экологов – юную представительницу русско-немецкой геоботанической школы Анну Аркадьевну Тишкову. Она перед вами.

Моя научная судьба связана в основном с Арктикой, куда я попал впервые в 1957 г., будучи студентом.

Обычно люди воспринимают Арктику как экзотический, враждебный цивилизованному человеку ландшафт. Но в то же время, мы постоянно ощущаем ее близость, например, когда слушаем прогноз погоды или видим весной и летом летящие стаи гусей. В России издавна существует шутливое выражение «заболеть Арктикой». Имеется в виду особая притягательность Арктики для человека. Попавший туда однажды, хочет вернуться снова, а поехавший поработать на короткое время с целью заработать деньги, часто оседает надолго или на всю жизнь, буквально влюбляется в этот суровый край и не мыслит жизни без него.

Для биолога Арктика привлекательна не только визуально, своей удивительной суровой природой, лаконичным пейзажем, но и огромной содержательной глубиной явлений жизни, самобытностью животного и растительного мира. Жизнь там находится как бы в условиях острого природного эксперимента. Работая в Арктике, биолог имеет возможность особенно глубоко постигать общие биологические закономерности.

Проявления жизни в Арктике насыщены парадоксами. С одной стороны, общее снижение биологического разнообразия, а с другой – поразительные контрасты. Нигде более чем в Арктике нет такой резкой смены ландшафтов, облика растительности и струк-

туры сообществ при движении с юга на север. На этих слайдах показаны ландшафты разных подзон тундры, сменяющих друг друга с юга на север на пространстве всего лишь в 300 км.

Столь резкая смена обусловлена тем, что в Арктике экологический «вес» каждой небольшой прибавки тепла значит намного больше, чем в других природных поясах. Вместе с тем, в силу законов природной зональности на территории Арктики очень резки градиенты летней температуры.

Для эколога арктические биоценозы – как атом водорода для физика. Простота, точнее лаконичность, их организации позволяет охватить ее одновременно во всей полноте структуры и взаимодействий. И можно привести много примеров, когда именно на материале органического мира Арктики выдвигались и развивались кардинальные экологические концепции.

Так, изучение тундровых грызунов леммингов с их известными нам с детства по замечательной книге Д. Эрвильи «Приключение доисторического мальчика» массовыми размножениями и обостренными механизмами регуляции, дало особенно много для развития концепции динамики численности животных.

На примере тундровых растений уже в прошлом веке были изучены многие интимные детали опыления цветков насекомыми. Мы показали, что у них особенно отчетлива роль таких явлений, как самоопыление, резервное или страхующее опыление, конкуренция цветков за опылителей.

В морской биологии именно на примере арктических морей детально изучены фундаментальные явления вертикальных перемещений планктона в связи с динамикой фотосинтеза, питания и химизма.

Биологи издавна подчеркивают своеобразие, уникальность растительного и животного мира Арктики. Многие живущие в Арктике виды совсем не похожи на своих родичей в южных ландшафтах, и систематики подчас не могут подыскать им место среди других таксонов. Таковы удивительные арктические животные – овцебык, нарвал, копытный лемминг; растения – новосиверсия, плевропогон. Это – результат так называемой канализованной эволюции, то есть эволюции вида в одном направлении без формирования родственных форм.

Но, в то же время, многие обычные обитатели тундры – наши знакомые: горноста́й, заяц-бе́ляк, волк, белая трясогузка, варакушка, бекас, многие насекомые, из растений – селезеночник, калужница. Более того, эти пришельцы из южных ландшафтов чувствуют себя здесь не менее, а подчас явно более комфортно и распространены более широко, чем настоящие арктические виды. В этом

внешне простом явлении затрагивается фундаментальная общебиологическая проблема значения разных адаптивных стратегий в экстремальных условиях. Какая стратегия в Арктике выгоднее? В суровых условиях часто выигрывают экономичность и пластичность, например, способность замедлять развитие при неблагоприятных условиях и вновь интенсивно развиваться при их улучшении.

Многие живущие в Арктике виды растений и животных обладают удивительной способностью растягивать развитие на много лет. Так, есть бабочки, комары, личинки которых развиваются в течение 5 и даже 8 лет.

Такую адаптивную стратегию можно назвать пассивной, или толерантной. В ее основе лежит общее биологическое правило большей устойчивости организма при замедлении жизненных процессов.

К такой адаптивной стратегии более склонны примитивные формы. И в арктической фауне и флоре многие весьма примитивные группы дают примеры биологического процветания – высокой численности и разнообразия форм. Иными словами, в Арктике, на пределе условий для жизни, преимущества получают примитивные или упрощенные формы. Например, в отряде двукрылых удельный вес примитивного инфраотряда типуломорф резко возрастает в Высокой Арктике.

Этим вопросом заинтересовались палеонтологи, и оказалось, что в палеонтологической летописи хорошо прослеживается процесс оттеснения от тропиков к высоким широтам примитивных форм более прогрессивными.

Интенсивная эволюция, видообразование в теплых климатических поясах как «помпа» «накачивает» биологическое разнообразие, которое «растекается» к полюсам, оттесняя примитивные формы. Наш выдающийся палеонтолог Сергей Васильевич Мейен образно назвал этот процесс у растений фитоспредингом, по аналогии с понятием спрединга в геологической концепции глобального мобилизма. Это – еще один пример того, как изучение арктической биоты дает ключ для понимания общебиологических и общепланетарных явлений.

Многие особенности арктической биоты – это не уникальность, а более отчетливое, обостренное проявление глобальных процессов, в частности трендов биологического разнообразия на фоне планетарного спектра природных условий от экваториального пояса до полярных пустынь.

Самая общая глобальная закономерность – снижение биоразнообразия к полюсам в зависимости от общего количества тепла. В

качестве примеров можно привести связь числа видов птиц или сосудистых растений со среднеиюльской температурой от лесостепи до полярных пустынь. К северу она усиливается, и в Арктике коэффициент корреляции достигает 0.99. Более того, в Арктике она описывается так называемой логистической кривой. Это дает возможность моделирования изменения биоразнообразия при глобальных изменениях климата, то есть возможность прогноза временной динамики на основании данных об изменении в пространстве.

В Арктике очень сильно преобразуется структура фауны и флоры, то есть соотношение таксонов. При этом, различия нарастают постепенно, и структура арктической авифауны – крайнее выражение этого единого, глобального процесса.

Очень важный нюанс этого процесса – не просто изменение соотношения групп, но – замещение, или викариат. Так, в арктических биоценозах сильно снижается разнообразие и численность воробьиных птиц, но их место занимают ржанкообразные – кулики, чайки, среди которых можно выделить жизненные формы, аналогичные таковым у воробьиных. Сходным образом карпообразные рыбы, которые доминируют в водоемах умеренного пояса, в высоких широтах замещаются лососеобразными, среди которых можно выделить жизненные формы, аналогичные карпообразным (хищники, планктонофаги, бентософаги и др.). В арктических водоемах, вместо хорошо нам знакомых плотвы, голавля, жереха, леща, густеры, подуста – голец, нельма, пелядь, муксун, ряпушка, тугун, хариус.

Эти факты затрагивают фундаментальную, еще окончательно не решенную проблему параллелизмов в биологической эволюции.

Еще один парадокс арктической биоты. Разнообразие ярких распознавательных признаков, окрасок животных и растений – максимально в тропиках и снижается к высоким широтам наряду со снижением видового богатства флоры и фауны. Однако, отдельные группы, которые сохраняют в Арктике высокое видовое разнообразие, дают прямо противоположную картину.

Наиболее яркий пример этого дают такие группы птиц, как чистиковые, кулики, чайки. Наряду с разнообразием окрасок эти группы демонстрируют и разнообразие отношений полов, гнездовой жизни не меньшее, чем в тропической фауне. И среди куликов можно встретить причудливые формы половых отношений, которые мы привыкли считать атрибутом богатой тропической фауны: очень сложные брачные ритуалы, насиживание яиц не самкой, а самцом и т. д.

В этом аспекте особенно демонстративен мир арктических цветков. Для многих групп арктических растений, таких как камнелом-

ки, норичниковые (мытники), бобовые, гвоздичные характерно явное усиление, очень яркое выражение признаков энтомофильности: яркость цветков, их относительно очень крупные размеры, формирование куртин и целых цветущих ковров и т. д. Одна из причин этого – недостаток опылителей и конкуренция за них. Но ведь эта же причина порождает удивительное разнообразие форм и окраски цветков в тропиках.

Как видим, арктическая биота очень жестко встроена в планетарную биотическую систему. Ее свойства – результат закономерных глобальных процессов. Это еще раз подчеркивает необходимость строго системного и общепланетарного подхода к проблемам природопользования и охраны органического мира.

Мы достигнем истинных успехов в деле охраны природы лишь в том случае, если научимся оценивать не только уникальность и ценность того или иного отдельного объекта, вида, таксона, типа экосистемы, но и их многообразные связи и взаимозависимости с другими компонентами единой глобальной биоты. Именно пропаганде этого девиза я уделяю основное внимание в последнее время. Сейчас я пишу книгу «Арктическая биота», в которой она анализируется как составная часть общепланетарной биотической системы.

Я привел эти примеры, чтобы объяснить или оправдать свое увлечение на всю жизнь арктической биологией. Они хорошо иллюстрируют ту мысль, которую высказал в начале – изучая Арктику, мы познаем не только ее саму. Органический мир Арктики предоставляет биологу прекрасные модели для познания общих законов жизни – экологии, эволюции, глобальных явлений.

В заключение я еще и еще раз благодарю Кураториум Фонда за высокую оценку моих скромных заслуг перед Наукой.

Наступила некоторая пауза в политических играх вокруг Академии наук СССР, теперь – Российской. Сначала общая идея создания своей, Российской академии причудливым образом воплотилась в парад самодельных «академий», смысл и судьба которых до сих пор не ясны. Потом были указ М.С. Горбачева о собственности Академии и вето на него Б.Н. Ельцина, последовавшее за этим решение Верховного Совета РСФСР об организации Российской академии и выборах в ее состав новых членов. Эти странные выборы, несмотря на их бессмысленность после развала СССР, были все же проведены именно так, как было задумано – на «демократических» принципах, не силами Академии наук, а созданным для этого коллективом выборщиков. Эти события развивались на фоне все настойчивей звучащей темы демократизации академической науки, участия широких слоев научных работников в непосредственном руководстве ею и особенно – в финансировании. Возникла идея съезда ученых страны, а потом – конференции научных работников Академии. Предполагалось, что эта конференция демократическим обсуждением и голосованием будет участвовать в организации Российской академии, в выработке ее устава. Ох уж эта демократизация! Чего только ни совершали мы под ее знаменами. И на конференции я не почувствовал свежего ветра этой самой демократизации, зато отчетливо видел чрезвычайно активную позицию весьма небольшой, но спаянной группы единомышленников (оргкомитета и членов клуба избирателей), этих «смелых людей», как их назвал в своем очерке о конференции корреспондент «Поиска» В. Шлемин, людей с таким знакомым почерком партийно-профсоюзных активистов, сумевших организовать конференцию так, что, вопреки элементарным нормам научной этики, все ключевые позиции (председатели, руководители рабочих групп, основные докладчики, члены комиссий) в подавляющем большинстве занимали либо члены этой группы, часто одни и те же в разных комиссиях, заседавших параллельно, либо ученые с заранее известной позицией, согласующейся со взглядами оргкомитета. Были также и регламентация свободного обсуждения, например вследствие «перегрузки» повестки дня, и предпочтения председателями послушать выступления своих людей. В общем, традиционные аппаратные игры. Этот стиль, такой узнаваемый, естественно, не получил поддержки. Были полемика, острые стычки и даже демонстративные исходы из зала заседания.

* Ю.И. Чернов. Наука и демократия. Природа. 1992. № 8, с. 72–77.

Эти люди не скрывали своей жажды внести как можно больше элементов противостояния, конфронтации, проявляя при этом поразительную настойчивость и изобретательность. В дело шло все – и абсурдные сентенции о существовании двух непримиримых, разных в своих интересах «сообществ» – сообщества членов Академии и сообщества работников институтов (это значит, что я до 50 лет, от кандидата наук и до профессора, принадлежал одному сообществу и имел одни интересы, а после избрания в члены Академии приобрел совсем другие), и нагнетание страстей вокруг заведомо бессмысленных предложений, вроде того, чтобы пойти всей конференцией на Общее собрание Академии, или про раздачу билетов разной окраски членам Академии и представителям институтов – чтобы при голосовании сразу были видны «наши» и «не наши». Было хорошо видно, что главное чувство, которое владело многими членами конференции, – стремление к разрушению и удовлетворение разрушением. Даже прощальная эмоциональная речь последнего президента Академии наук Союза, если угодно, Российской империи, Г.И. Марчука не вызвала у многих ничего, кроме злорадства и удовлетворения. Поучительный пример неизбежной платы человеческой личности за приверженность революционному пафосу.

Но все же на конференции были и здравые идеи, и интересные высказывания. И на последовавшем Общем собрании Академии многие ее предложения обсуждались, включались в материалы и проекты временного устава.

Но была одна тема, которая упорно, в разных вариантах возникала до и во время конференции, продолжает развиваться в печати до сегодняшнего дня и вызывала наибольшее напряжение и конфронтацию. Это – идея необходимости коренной реорганизации, полной реформы структуры управления академической наукой и самой Академии, точнее, уничтожения того, что у нас всегда понималось под этой общественно-государственной структурой. Наиболее отчетливо эти мысли были поданы в распространенной перед конференцией подборке материалов (авторы – А.К. Захаров, В.Н. Кудрявцев, В.П. Павлов, И.В. Хаманев), которая включала не более и не менее как «концепцию реформы организации фундаментальной науки в России» и «принципы реформы Академии наук», а также в докладах, прозвучавших на конференции и в ряде статей, появившихся в последующем в периодической печати. И впрямь предлагается вот так сразу коренным образом реформировать организацию науки вообще и академической в частности, например, устранить Академию наук от руководства системой институтов, создать некий верховный «демократический» орган, что-то вроде

Съезда Верховного Совета, различные новые структуры управления (координационные советы, советы ассоциаций, нижние и верхние палаты и т. д.). Возможно, для кого-то это выглядит наивным (собрались активисты и в митинговом угаре демонстрируют свой перестроечный пыл, который, конечно, будет скорректирован здравым смыслом), но вместе с тем это страшно. Ведь среди авторов этих идей – солидные специалисты и руководители лабораторий и институтов, и невозможно представить, что они не понимают, в какой разрушительный удар по науке может вылиться реализация таких предложений сейчас, в данную фазу жесточайшего экономического кризиса, когда очевидна главная цель – любым способом сохранить все то, что может служить базой социального и экономического возрождения страны. А ведь вузовская и академическая наука – это, пожалуй, единственная сфера жизни нашего общества, которая пока еще не подвергнута разрушительному действию кризиса. Фундаментальная наука России при любом самом критическом отношении к нашей жизни выглядит безусловно со знаком плюс на фоне мирового прогресса.

Очевидно, имеются целые слои нашего общества, для которых разрушительные идеи чрезвычайно привлекательны сами по себе, независимо от их целесообразности, необходимости и обоснованности.

Показательны выступления народного депутата России доктора физико-математических наук А. Шабада. Странное впечатление производит его заметка, посвященная Указу Президента России Б.Н. Ельцина о Российской академии наук («Поиск», № 48, 1991), этот нарочито конфронтационный настрой. Непонятно, что конкретно вызвало недовольство автора? Вчитываясь в этот странный текст, в эти суждения, ничего общего не имеющие с реальностью (например: «Нельзя думать, что можно удержать ученых в некоей кабале, что их можно запереть в некую крепость и тем держать в своей власти. Развал такой системы неминуем.»), начинаешь понимать, в чем дело. Автор просто не может понять, органически не приемлет позитивных, неразрушительных решений и действий. Как это так, взяли вот так просто утвердили Академию на уже существующей основе, ничего не разрушив? А смысл выступления А. Шабада на Общем собрании от лица депутата Верховного Совета России: не станете настоящими демократами (в его, конечно, понимании) – не дадим средств к существованию. Его же интервью в «Поиске», №52 более спокойно и рационально, но на этом фоне опять – поиски мотивов обострения, конфронтации, стремление доказать неизбежность краха Академии наук, в частности, возвести в особый принцип такой в общем второстепенный и явно не

имеющий однозначного решения вопрос, как доля представителей институтов на Общем собрании Академии. Казалось бы, вот уж нет никаких поводов для конфронтации. Так нет, давайте сделаем камень преткновения из предложения о паритете между членами Академии и сотрудниками институтов. Ну чем этот самый паритет (при котором, кстати, на Общем собрании будут голосовать около двух тысяч человек, а вместе с директорами и другими представителями наберется около двух с половиной тысяч!) лучше, чем, например, предложенное академиком С.С. Шаталиным представительство не от численности, а от каждого института (строго функциональный принцип, а не митинговый, исходящий из идеи о коренных различиях интересов членов и не членов Академии)?

Эти разрушительные и конфронтационные тенденции пока еще не разделяются большинством научного сообщества, но едва ли следует полагать, что они сами собой исчезнут. Носители этих идей чрезвычайно активны. Так, представители клуба избирателей заявили на Общем собрании, что они будут продолжать бороться. Не ясно, за что, но бороться будут. А в периодической печати продолжается целый поток суждений на эту тему, многие издания спешат опубликовать наиболее «острые» мнения, нагнетающие мысли о крахе Академии, о необходимости коренной ломки структуры организации науки. Журнал «Природа» (№ 12, 1991), статья члена-корреспондента РАН С.С. Лаврова: «Наиболее честным выходом был бы роспуск (самороспуск) АН СССР». Далее еще острее: «Есть и другие предпосылки и признаки гибели прежней Академии. Академия наук СССР в ее нынешнем виде – детище имперской командно-административной системы. Она сама стала имперским органом – частью системы». Одни авторы предрекают, что наука и Академия не выживут без рынка, другие – в условиях рынка, третьи видят главную беду в том, что в Президиум РАН выбрали в большинстве тех же ученых, что и в прошлый состав, и т. д. Неоднократно, например, в выступлении на конференции и в статье в «Природе» (№ 3, 1992) академика Л.В. Келдыша, приводился «поучительный» пример Академии наук ГДР, которая разрушилась якобы потому, что оказалась нежизнеспособной в условиях рыночной экономики после объединения с ФРГ. Но этот пример абсолютно некорректен. Нет оснований считать, что система институтов Академии наук ГДР была ликвидирована в силу чисто экономических причин, а не стала жертвой политики. Развивая положение о диктате рынка по отношению к науке, ее месту в обществе, Л.В. Келдыш заостряет мысль на том, что фундаментальная наука – роскошь, доступная лишь самым богатым странам. Действительно, можно легко «доказать», что фундаментальная наука, во всяком случае ее

большая часть, вообще не нужна для технико-экономического прогресса. Изогранный ум ученых находит все больше нюансов в этой теме. Мысль об обреченности науки стала уже привычной, она уже внедрена в социальное сознание, приготовлена для властей предрержащих и деньги имущих, которым остается только взять и воплотить ее в жизнь. Во всех этих митинговых заклинаниях поражает, с одной стороны, какая-то иступленная жажда разрушения, стремление увидеть его там, где его не должно быть и его вовсе нет, либо доказать, что это неизбежно; с другой – поразительно высокая степень бездоказательности, произвольности суждений, казалось бы, немислимая для профессиональных ученых.

Любимое заклинание многих авторов, основа суждений о неизбежности и необходимости краха Академии – это лозунг о «копировании» ею партийно-бюрократической структуры тоталитарного государства. Выше приводилась цитата на эту тему. Вот еще одна: (А.Б. Ройцин, «Природа», № 12, 1991): «В АН почти ничего не изменилось. Эти маленькие государства в государствах имеют свое «политбюро» (Президиум), свой ЦК (члены академии) и бесправных «рядовых коммунистов и беспартийных» (научные сотрудники). Есть и свой «генсек» (президент)». Интересно, придумывая этот перл, пытался ли автор задать себе вопрос: а какая иная система административного управления не подходит под эту самую схему «партийно-бюрократической» структуры? Это же всего лишь обычная и весьма простая структура управленческих органов, схема которой может повторяться где угодно, от государственной власти до отдельного предприятия или института. Выборный президент (или директор), выборный орган общего правления (президиум, ученый совет), выборные функциональные подразделения (отделения). Причем здесь тоталитарное государство? Социально-общественные и социально-государственные структуры, формирующиеся в любом государстве в течение длительного исторического развития, такие, как научные академии, системы присвоения степеней и званий, сами по себе принципиально «беспартийны». Другое дело, что они могут быть наполнены разным содержанием, управляться разными социальными слоями и партиями, могут быть приспособлены для разных целей. Сейчас, после сокрушения правления КПСС, главная беда нашей системы организации науки состоит не в том, что существуют президиумы, отделения, институты с их современной структурой, а в том, что их руководящие органы заполнены людьми, всю жизнь проходившими с партийными билетами, обладающие партийно-бюрократическим конъюнктурным стилем мышления, во многих случаях принципиально некомпетентными.

И сейчас эти люди сохраняются в системах управления, в том числе и наукой, успешно пересаживаются из одного кресла в другое, из коммунистов превращаются в демократов и часто громче других кричат о свободе, весьма успешно конкурируют с истинными профессионалами, как правило, чужающимися политических и руководящих сфер. Кроме того, как и в послеоктябрьский период, уже выработался определенный слой и тип людей, активистов, новое поколение Макаров Нагульновых, которые уже больше ничего не хотят и не могут делать, они лишь «хотят на митинг», чтобы ниспровергать и критиковать и привносить в любую сферу жизни «политический момент». Не могу отделаться от мысли об аналогии с картиной разрушения храма Христа Спасителя. Опять раздаются призывы отречься и отряхнуть прах, как и 60 лет назад, с поразительным упорством проповедуются идеи необходимости разрушения того, что создано людьми, что невозможно считать вредным, если смотреть на него глазами нормального человека. Это зло социально-психологическое, и его невозможно преодолеть разрушением одних административных и общественных структур и созданием новых, которые, может быть, и будут более удобными для «деловых» людей определенного склада, но неизвестно, будут ли лучшими для науки. Скорее всего, будет еще хуже. Легко представить, какие социально-психологические группы людей поспешат и сумеют занять в них руководящее положение в наше сумбурное и незаконное время.

Если исходить из фактов и логики, рассуждать не «вообще», а сравнивать состояние и успехи отечественной науки с мировым уровнем по конкретным показателям, соотнося их с материальным обеспечением и особенностями социальной среды, то с гораздо большим основанием следует говорить, что в современных условиях общего кризиса, изменения властных структур и экономического уклада в стране необходимо, жизненно важно, сохранить существующую общую структуру Академии и вузовской науки. Ведь эта структура показала живучесть и действенность на протяжении огромного исторического периода, в том числе в условиях партийного диктата, действенность именно для развития фундаментальной науки в профессиональном ее понимании. Главным отправным моментом при обсуждении судеб нашей науки в настоящее время должны быть не надуманные митинговые заклинания типа приведенных выше, а совершенно очевидное для здравого и честного ума: при такой власти и такой экономике мы все же имели и пока еще имеем такую науку. Это, кстати, главное впечатление, которое выносят иностранные ученые от близкого знакомства с нашей наукой.

Через массу публикаций о науке и перестроечных предложений проходит мысль о несвободе творчества, бесправии, недостаточном праве на собственное кредо, зависимости сотрудников от администрации, от руководителя, о кабальных условиях и т. д. Это стало какой-то навязчивой идеей. Однако, если рассматривать этот вопрос не в стиле общих лозунгов, а конкретно, сравнивая с мировым опытом, то ведь получается совсем не так, и даже почти наоборот. С не меньшим основанием можно выводить многие наши минусы не от недостатка свободы, а скорее от ее избытка, от слабого развития в нашей академической системе экономических, этических и даже административных механизмов регламентации и коррекции творчества научных индивидуумов. В наших академических институтах, отчасти и в вузах, как мало где в западном мире, ученые сохраняют возможность длительно, иногда всю жизнь, переходя с одной ступени научной иерархии на другую, использовать свой потенциал в соответствии с исходной профессиональной подготовкой и личными склонностями, например, заниматься одной и той же весьма узкой темой. Здесь нет места обсуждать причины и следствия, достоинства и недостатки такого положения. Я лишь констатирую очевидный факт. И трудно предположить, что авторы, так рьяно использующие лозунги о кабале и несвободе, этого не знают, скорее всего, знают, но для них очевидно, что рассуждения в таком ключе менее эффективны с митинговых позиций в настоящий момент, чем тезис о недостатке демократии.

Еще один вопрос – о грантах, для которых чего только не предлагается ломать и создавать заново. Между тем Академия два года жила в условиях частичного грантового финансирования. И без всякой реформы стали возникать необходимые механизмы, для которых вполне подходящими оказались и существующие административные структуры. Естественно, в ряде случаев возникали существенные трудности и неувязки. Но уж если говорить о недостатках этой работы, то они в значительной степени были обусловлены психологической неподготовленностью к этим процедурам научных кадров, и не только верхнего руководящего, но и среднего и младшего звеньев, их пассивностью, привычкой ожидать всего необходимого для работы от директоров и заведующих лабораториями. Я хорошо знаком с процедурами получения грантов у нас и в других странах, но не могу понять, что имеют в виду многие авторы, когда они пишут о бесправии рядовых сотрудников в этих процессах. Вероятно, не для всех очевидно, что научная экспертиза, оценка качества и потенциала исследователей и коллективов неизбежно должны базироваться на таких «недемократических» категориях, как авторитет, рейтинг. Это действительно крайне тяжелая и непри-

ятная деятельность, к которой еще не привыкли наши ученые. Да и в западных странах многие специалисты не испытывают особого пиетета перед этими процедурами и отказываются от борьбы за гранты, довольствуются университетскими зарплатами, и не только из-за сильной конкуренции, но и от бюрократических сложностей, которые в таком деле, как получение денег, неизбежны и одинаково неприятны при всех строях.

Многие сейчас с вожделием, как на панацею, смотрят на эту новую для нас систему финансирования. Часто спутываются принципиально разные вещи – развитие и подъем науки, ее материальное обеспечение и благосостояние ее сотрудников. Все это конкретные самостоятельные проблемы, не имеющие единого решения. Можно создать идеальные условия для максимально высокого материального обеспечения учреждений или для высоких заработков, но при этом разрушить фундаментальную науку, а можно сохранить ее при нищенстве сотрудников, как у нас и было, например, в период войны и послевоенных лет. Эти проблемы чрезвычайно сложны и противоречивы. Система грантов – это не просто источник денег, но и мощный преобразователь науки. Эта форма финансирования таит много опасностей для фундаментальной науки, так как способствует раздроблению исследований, осложняет их преемственность и взаимосвязь. Насколько сильно эта система может сокрушать концептуальное научное мышление, хорошо иллюстрирует статья М. Азбеля в журнале «Природа» (№ 10, 1991) на примере физики США, где система грантов особенно развита.

Еще один аргумент непригодности нашей системы управления академической наукой – ссылки на то, что в большинстве стран Запада, в частности в США, в сферу деятельности академий наук не входит руководство научными институтами. Но ведь все дело в том, что в США нет такой системы научных институтов, там просто иная форма организации фундаментальных исследований, которые развиваются в основном при университетах. У нас сложилась своя специфическая структура именно с данной функцией Академии. Бесполезно доказывать, какая из них лучше. В ответ на эти аргументы можно лишь посоветовать по-разному именовать то, что называют Академией наук у нас и в США. Другое дело, что в дальнейшем развитие нашей системы академической науки вполне может пойти по пути все большей интеграции с вузовской. Но для этого потребуется значительный исторический период.

С позиций элементарного здравого смысла совершенно очевидно, что в условиях тоталитарного режима люди не только «подвергались», подчинялись, приспособлялись, они еще и просто жили, трудились, сохраняли и создавали, и социально нормальный чело-

век, тем более интеллигент, обязан уметь видеть и уважать то значимое, что создано, что существует, иными словами, он должен обладать достаточной долей консерватизма, уважением к тому, что имеет. Как подметил А. Ципко, именно отсутствие этого важнейшего социального свойства является самой страшной чертой человека, воспитанного нашим социалистическим строем. И для меня, человека принципиально беспартийного и, видимо, не наделенного партийно-классовым чутьем, непонятны, кажутся абсурдными бесконечно сейчас повторяемые утверждения, что наша наука и структура ее организации – это типичное порождение партийно-бюрократической системы (иногда при этом добавляется – одно из лучших ее порождений). Школы И.П. Павлова, Н.И. Вавилова, В.И. Вернадского, Л.Д. Ландау или Палеонтологический и Зоологический институты с их уникальными коллекциями и музеями (которым, кстати, уже предрекают скорый конец в условиях рынка) были порождены партийно-бюрократической системой? Чепуха какая-то. Это из той же оперы, что и приписывание И.В. Сталину решающей роли в Победе. Создавали люди, профессионалы, и часто откровенно вопреки этой самой системе либо независимо от нее. Бесспорно, мы обладаем фундаментальной наукой, которая, как и в любой другой стране, своеобразна. Например, одна из уникальных черт нашей биологии, а может быть, и всего естествознания, состоит в том, что структура институтов, лабораторий, кафедр в наибольшей мере соответствует естественной структуре науки. В определенном смысле это минус, например, для оперативного решения тактических задач, но с точки зрения общей стратегии развития исследований – безусловное преимущество. В любом случае своеобразие нашей науки делает ее более интересной как часть мировой научной системы.

Сейчас у нас множество конкретных проблем организации науки, которые диктуются и естественным ходом ее развития, и социально-экономическими процессами в стране. Это и грядущее неизбежное сокращение штатов, и интеграция академической науки с вузовской, и проблема финансирования. Но их невозможно решить путем надуманных разовых коренных перестроек и перетасовок элементов административной структуры, разрушением сложившихся десятилетиями и столетиями механизмов. Единственный рациональный путь – решение их на базе того, что имеем, максимально используя созданное у нас, в нашей стране, включая и административный аппарат, и разнообразные структуры типа ученых советов, и научные школы, и уникальную систему институтов, которую необходимо рассматривать не как нечто не соответствующее опыту тех или иных стран, пусть даже самых развитых, либо каким-то умозрительным концепциям, а как величайшее национальное достояние.

Письма внуку Тиме*

Как я уже говорил, до заболевания я интенсивно занимался внуками, ходил с ними в музеи и в театры, ездил в Питер, мы постоянно посещали книжные магазины. Намечал начать возить Тиму в заповедники и на биологические стационары, как было с Иваном, у меня возник план приобщения его к биологии, от которой он упорно отнекивался. Все это прекратилось после моего заболевания в середине 2000-х. Восполнить это я попытался беседами и письмами внукам, в особенности Тиме, который, как мне казалось, проявлял к ним интерес, отвечал, реагировал. Впрочем, быть может это было проявлением стандартной вежливости. Ниже – несколько примеров таких писем и реплик. В этих письмах – некоторое развитие мыслей, возникавших при написании автобиографии.

Дорогой и милый мой внук Тимочка!

Мы редко видимся, а по телефону разговор не получается, попробую писать, как в старые времена, когда виделись редко, но писали письма, ведь теперь тоже пишут и общаются, да еще как интенсивно, вот таким новым способом.

Как я уже не раз тебе говорил, мне с тобой интересно и приятно общаться, ты умеешь разговаривать, да еще неплохо пишешь, к сожалению, как мне кажется, все меньше.

В наших очень кратких «беседах», в том числе по телефону, которые обычно имеют форму диспута, что вполне естественно, затрагивалась тема, которая для меня уже не имеет большого значения, но которую я «проходил» в полной мере в твоём и более позднем возрасте и которая очень важна для молодежи. Это – о личности, индивидуальности каждого человека, об общих правилах и личных интересах, о том, как они соотносятся и должны ли каким-то образом соотноситься, взаимозависеть и т.д. Эти вопросы обсуждаются и очень остро ставятся с тех пор, как существует человек, вернее – общество, с биологической точки зрения – сообщество людей. Надо заметить, что без этого феномена, то есть без общества, включая и семью, собственно человека быть не может, так уж распорядились эволюция (по мнению науки) или Создатель (по канонам религии).

Ты несколько раз высказывал мысль, которую в грубой форме можно передать так: общие правила жизни (тема стихотворения

* Из переписки Ю.И. Чернова 2009–2012 гг.

В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое – плохо») для отдельного человека не актуальны и не нужны и просто не существуют. Ты даже сказал: единственное, что может ограничивать желания и поведение человека и с чем следует считаться личности – это Уголовный кодекс (вроде того: я чту уголовный кодекс, и этим ограничиваются мои обязанности перед обществом, семьей и т. д.). Это, конечно, явно утрированная мысль, но она в заостренной форме передает внутреннюю позицию очень многих, главным образом тех, которые относятся к категории молодежи. И это опять-таки старо как мир. Желания и призывы наплевать на традиции, обычаи, чувство долга, правила хорошего тона, опыт и мнения старших были во все времена и во всех сословиях, примеров чего, самых разных, с отрицательными и положительными оттенками, множество в классической литературе (нигилисты, «Отцы и дети» Тургенева, «Красное и черное» Стендаля и т. д.). Молодежи (но не только молодежи, тут многое зависит и от характера человека) свойственно видеть в любых общих правилах покушение на свою личную свободу, и так было во все времена. Я понял так, что ты это говоришь не вообще, а применительно к сегодняшнему времени, в том смысле, что именно сейчас (свобода слова, глобализация и т. д.) люди живут по-другому и должны жить по таким вот правилам, точнее – без правил, и смотреть на мир с таких позиций. Одним словом, пресловутая свобода личности – нерешаемая проблема, предмет раздоров поколений, сословий во все времена. Во всем этом самый главный вопрос: возможна ли эта самая абсолютная свобода – не обман ли это или самообман, не кабала ли с другой стороны? Ведь общество, государства – это реальности, и их никуда не денешь, в них приходится жить. Где грани между юридическими правами, уголовным законодательством, общественными отношениями и личным интересом? Например, учеба, приобретение специальности – это все за счет государства, может быть фирмы, да и семьи тоже. Далее – выбор места и характера работы. Свободен в этом молодой человек? В наше время после окончания вуза проходило распределение, половина моего курса (кроме рекомендованных в аспирантуру, семейных, тем более имеющих детей) поехали работать в школы Алтайского края. Большинство там обзавелись семьями, некоторые через несколько лет переехали в другие районы, в том числе в Москву. И это считалось нормальным, хотя теперь это преподносится политиками как нечто ужасное, как порочность советского, тоталитарного строя. Хотя при этом не упоминается, что тогда можно было жить на одну стипендию и что сейчас эти процессы во всем мире также регулируются, и довольно жестко, но не только и не столько

государствами, а собственниками, фирмами, вообще теми, кто платит. Но это все особые вопросы, очень сложные, запутанные политиками, требующие специального обсуждения.

Когда серьезно говорят о личности, о свободе личности имеется в виду не просто то, что она существует, а то – что она собой представляет, как и при каких условиях реализует в жизни свой потенциал, и какую роль играют в этом свобода, обязанности, право, чувство долга и т. д. И в этом аспекте самое главное – что происходит с личностью, с индивидуальностью, в каком случае взрослеют (специально не употребляю слово «воспитываются») – если живут по правилам, более того, жестким правилам, или же при якобы полной «свободе»? И тут очень интересны примеры из истории. Не помню где и когда читал сочинения об античном мире, в которых сравнивались Афины, как пример реализации в древнем мире принципов демократии и свободы, и Спарта с ее жесткой властью, пресловутым спартанским воспитанием, строгими правилами поведения с малых лет (жестокость власти доходила до уничтожения детей, родившихся с изъянами). Так вот, с некоторой долей недоумения в этих трудах делались выводы, что именно в Спарте проявлялись наиболее выраженные оригинальные характеры, формировались выдающиеся личности, полнее реализовывались таланты. А 19-й век Российской истории! Царскосельский лицей с его полувоенным режимом, строгой формой одежды, ограничением свободного времени, обязательным полным освоением иностранных языков и т. д. Пушкин, Пущин, Кюхельбекер. Невозможно представить, чтобы кто-нибудь в наше время настолько реализовал свой талант, как Пушкин (до 37! лет). А гимназии! Ты, вероятно, читал о том, какая там царила муштра. Но сколько из гимназий вышло выдающихся, неординарных, не просто великих деятелей, но именно – личностей. Но что там 19-й век и гимназии. Вот пример нашей совсем близкой истории – 40–60 годы советского периода. Ты хорошо знаешь, что о нем сейчас говорят и пишут. Это прямо по комику А. Райкину: жизнь была жуткая, мерзкая, ... но рыба в Каме была! Так вот, существовала единая идеология, много требований обязательного и общего в самом мышлении и в поведении, декларировался приоритет общего над личным, да еще раздельное (мальчиков и девочек) обучение в школе. В школе и училищах вводилась единая форма, что вызывает споры по сей день, многие считают, что форма нивелирует личность, а другие – что ее надо обязательно вводить вновь. И все же, сейчас многие вынуждены признать, что тогда у нас была одна из лучших в мире, а может быть и самая лучшая, система образования. А я считаю – лучшая именно в аспекте проявления неповторимости личности и реализации ее потенциала. Это

можно иллюстрировать примерами из наиболее известных сфер (писатели, актеры, ученые). Мордюкова, Нифонтова, Быстрицкая, Хитяева, Извицкая, Терехова, Гундарева, Борисова, Кириенко, Купченко и др.; Ульянов, Лавров, Тихонов, Яковлев, Бондарчук, Банионис, Смоктуновский, Лановой, Миронов, Баталов и др. Это актеры кино и театра, учившиеся в театральных вузах и начинавшие работать в 40–60 годах (теперь почти ушедшее поколение). Каждая и каждый из них – уникальные характеры, выдающиеся мастера и неповторимые личности. Они заявляли о себе уже при первых появлениях на экране или в театре, например Мордюкова – в «Молодой гвардии» и «Простой истории», Кириенко – в «Тихом доме», Борисова – в «Идиоте», Лановой – в «Аттестате зрелости», Баталов – в «Летят журавли» и «Большой семье» и т. д. Они играли свои роли не только и не столько как выдающиеся мастера сцены (много было и просто хороших специалистов), а как личности, вкладывающие в свою роль своё понимание её, свой характер, часто вопреки позиции режиссера, более того, режиссеры и сценаристы нередко вынуждены были работать под них. А ведь они учились и росли в среде и в условиях, основной мотив которых – приоритет всеобщего, помощь ближнему, прежде всего – интересы общества, а не личности. Эти два списка можно увеличить во много раз. Но если мы попытаемся составить такие списки за тридцатилетний последний период, до 2009 г. – период «разгула» демократии и свободы, оголтелой пропаганды (кому-то это нужно!) отказа от принципов регуляции, «цензуры» (сейчас это – страшное слово, а вот Пушкин, который больше других страдал от цензуры, писал, что если нам, писателям, дать полную волю, то мы такое натворим, что несколько поколений не смогут совладать с этим, вот мы сейчас и видим – что творят), то мы сможем увидеть способности, талантливость, обученность, некоторый профессионализм (с этим хуже), но почти не увидим настоящей оригинальности, своеобразия, то есть явного проявления личности актера в создаваемом образе. Страшно становится от очевидного факта, что за весь последний тридцатилетний период в сфере российского сценического искусства практически не появились равноценные по критериям индивидуальности и высочайшего неповторимого мастерства фигуры (это же можно показать и на примере любой другой сферы нашей жизни). Например, много говорят об очень хорошем недавнем фильме «Братья Карамазовы». Я его смотрел отрывками и невольно сравнивал с давним фильмом Пырьева, в котором братьев блестяще играли Ульянов, Лавров и Мягков, но на протяжении нового сериала никак не мог запомнить, кто из них – Дмитрий, Иван или Алеша.

Тут еще один сложнейший вопрос: сейчас настоящему таланту, тем более гениальности, часто просто негде реализовать себя. Такие же примеры можно привести из области науки. Я мог бы привести много примеров того, что мы, ребята моего круга, жившие в условиях так называемого тоталитарного режима, все же были очень непохожими, избегающими шаблона, выбирающими свой путь. Но об этом в следующий раз.

Вот поэтому я с большим недоверием отношусь к современным модным, но весьма поверхностным и односторонним рассуждениям и заклинаниям на очень сложную и противоречивую тему свободы личности. Этим я хочу сказать лишь то, что в отношении свободы личности не все так очевидно и просто, как это часто представляют. Категоричность и односторонность в этом вопросе явно неуместны.

Я боюсь, что в современных условиях модных поветрий, разгула хорошо оплачиваемого шаблона и штампа, легковесности и безвкусицы, ты, мой внук, не сможешь избежать тривиализации, причесывания под одну гребенку якобы свободы личности, результата всеобщего зомбирования, легковесных и односторонних суждений о сложных противоречивых явлениях жизни. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что твои чрезмерные, но довольно однообразные развлечения, траты на них уймы времени не способствуют реализации свойственных тебе качеств незаурядной личности. По моему мнению, ты должен больше уделять внимания самостоятельным занятиям и находить в них удовлетворение. Ну вот, не удержался от наставлений, извини, такова уж природа старости.

Любящий тебя дедушка.

Дорогой мой внук Тимочка!

Мы говорили и писали о личности. А теперь несколько мыслей – о свободе. На самом деле это две стороны единого феномена человека. Можно сказать, что без свободы нет личности, то есть – человека. Но если бы все было так просто и односторонне! «Это сладкое слово – свобода!» Кто это сказал? Но мне кажется точнее – это страшное слово – свобода. О «свободе личности» все говорят и я тебе писал. Но о роли «свободы» в нашей жизни приходят все новые мысли. Что только не делалось под лозунгом свободы! И революции (картина Делакруа «Свобода на баррикадах») с благородным пафосом и с незаконным уничтожением инакомыслящих, и новые прогрессивные законы и реформы (отмена крепостного права), и подлое воровство государственного масштаба, вроде того, что

происходило в 90-х годах (ваучеры, «приватизация»), и современное вытеснение искусства так называемой «попсой», по сути сильное навязывание ее всей молодежи. И упорно звучит: свобода от цензуры, свобода от опеки государства, свобода от пут традиций и обычаев. Даже уголовное право подправляется якобы под феномен свободы так, что часто невозможно осудить явных жуликов государственного масштаба. И главный объект, и жертва всего этого – молодежь, т. е. те, кому еще предстоит строить свою жизнь. И постоянно звучит: никто не заставляет, не навязывает, все свободны, выбирают то, что нравится данной личности. Но на самом деле получается так, что все «выбирают» одно и то же, обычно то, за что больше заплачено, изощреннее навязывается, а потом дороже продается. И выходит так, что чем больше свободы для личности, тем она несвободнее, закабаленнее, тем формирующаяся молодежь глаже причесана под одну гребенку. Есть просто страшные вещи в связи с этой самой свободой. Например – свободная реклама лекарств, в том числе – лекарств от рака (в это трудно поверить, но она постоянно идет даже по телевизору). Уж я не говорю о свободной рекламе всяких знахарств и ворожейств. Одним словом, под лозунгом свободы – к варварству, в средневековье. Вот и получается, что это самое притягательное для молодежи слово – самое страшное.

Что такое – личность? Это понятие неизбежно сопряжено с такими свойствами, как самоограничение, воздержание, самодисциплина, следование принципам. «Он был строгих правил», то есть отказался от каких то элементов свободы. Но молодежь панически боится ограничения своей свободы и тем самым обкрадывает себя. Это неизбежно, но это можно сократить, уменьшить. Да, раздражает слово «нельзя», но все же надо чаще говорить себе «надо», тогда меньше будет слов «нельзя». Чтобы избежать запретов, чаще делать то, что надо. Свобода и «хочется» – это разные вещи, а их часто принимают за одно и то же. И именно сейчас это очень распространено, лишь намек на «надо» – воспринимается как покушение на свободу. «Свобода – это осознанная необходимость». В общем – правильные слова. Мне все время кажется, что сейчас все просто одурели от этой самой «свободы». Я не раз бывал в самой свободной, как уверяют политики, стране Америке. Но там я постоянно видел, что американцы давно поняли, чем чревата эта самая полная свобода. В аэропорту группа молодежи вела себя несколько развязно, не более того, но сопровождавший нас, может быть потому, что присутствовали мы, иностранцы, вышел, привел полицейских и указал им на каждого из компании – этот, этот... Полицейские увели их из зала. Нам это показалось чрезмерным и ненужным. Еще сценка. Молодой человек заявил отцу, у которого мы ос-

тановились, что он хочет купить машину, японскую, отец расстроился и стал категорически уговаривать его не делать этого, так как начальник сына был известен как патриот, и он якобы не простил бы своему сотруднику покупку не американской машины, и затруднил бы продвижение сына по службе. Вот тебе и свобода в самой свободной стране.

Проблема семьи и свобода... , едва ли есть что-либо в жизни конкретного человека важнее этого. Ты довольно жестко определил свое отношение: семья – всего лишь способ организации быта. Во всем остальном человек свободен и индивидуален. Конечно, семья – это ограничение свободы, тут уж иных толкований быть не может. Но вопрос в том – как понимать свободу и семью, и на что человек готов ради семьи. Ведь для нормального человека семья – это все, это его суть, судьба, его жизнь и ее продолжение. Все это очень неоднозначно для разных людей, и уж совсем запутывается, когда еще привлекают и феномен счастья. Не редкость: человек разводится неоднократно и имеет детей в разных семьях (вот уж точно – свобода), а ему хорошо, значит он счастлив. Вроде живет нормально человек, но говоришь с ним и все время думаешь – не сказать бы чего лишнего, а иногда и возникают коллизии, от которых мурашки по телу.

Старики всегда брюзжали, но сейчас, именно в период еще одной самой настоящей революции, которую мы сейчас переживаем, это брюзжание часто бывает вполне оправдано, и так было всегда, только осознается их правота потом, когда уже поздно. И так тоже было всегда. А еще самый обычный и самый страшный вариант этой самой свободы, когда человек ничего сам не выбирает и не добивается. А ему предлагают уже готовое (сейчас всюду предлагают все, всего, сколько хочешь), и он этого якобы хочет, якобы свободен, и вроде доволен, ему кажется, что это свобода выбора и именно его, и он не видит подлога, потому что это самый простой вариант, и это тоже якобы свобода. А ведь человек обязан не только жить сейчас, но и думать о последствиях, и не только думать, но, по возможности, что-то делать для своего будущего. Я пишу банальные вещи, но, к сожалению, почти все явления нашей жизни банальны, потому они и важны, и требуют внимания и напоминания. Они есть и были всегда, разница лишь в том, что в отдельные периоды истории они обостряются или немного затихают, затушевываются. И я думаю, что говорить и думать о них надо, может быть кто-нибудь, например мой внук, задумается и поступит так, как надо именно ему, соответствует именно его натуре, характеру, пониманию именно им смысла жизни, а не потому, что это делает или предлагает кто-то, или больше соответствует моде, стилю, поветрию. Я

надеюсь, что все это лишь в очень малой степени относится к моему внуку, а, может быть, совсем не относится?

Твой дед

Тима!

А ты задумывался о том, что такое – семья, не в обиходном смысле, а если с разных сторон посмотреть. Ведь не государство, не общество, не формы власти, а именно семья – самое загадочное, самое противоречивое, замечательное и непостижимое создание человечества, и эту загадку должен решать каждый человек, и это действительно касается не только всех, но и каждого и от этого в полной мере зависит жизнь и судьба каждого человека. Конечно, в определенном смысле можно считать, что некое подобие человеческой семьи сформировалось в животном мире, но это особый вопрос. О противоречивости семьи. В притче из «Похождений Эзопа» раб, легендарный баснописец Эзоп, на вопросы своего хозяина – что самое плохое и что самое хорошее – демонстрирует язык и образно доказывает, что язык – самое прекрасное, великое и т. д., а потом: язык – самое ужасное, отвратительное, лживое и т. д. Вот так же можно сказать о семье.

В жизни человека ничего нет многограннее и противоречивее семьи. Именно в семейных отношениях – все оттенки человеческой личности. Драма непонимания и восторг согласия, муки ревности и покой и умиротворения взаимным доверием. С одной стороны, желанные атрибуты семьи – верность, мир, любовь, согласие, с другой – эгоизм, измена, стремление навязать свои убеждения, диктаторский стиль поведения и т. д. Одним словом, семья вбирает в себя все противоречия не только отдельных личностей, но и всего человечества. Именно поэтому столь разнообразно отношение к семье. Неодолимое, идущее от самой природы человека стремление создать семью, иметь детей сменяется боязнью семейных уз, а неудачный расторгнутый брак порождает столько противоречивых чувств, что часто вызывает глубокую неприязнь к семье, боязнь вновь «обременить» себя этими обязанностями. Но в то же время подавляющее большинство, не задумываясь над всеми этими противоречиями, стремится иметь семью, и это вполне органично отражает саму суть феномена человека. Без семьи человек явно неполноценен, это видно сразу, по поведению, по отношению к людям, к себе. Семья – это совсем не только и не столько муж и жена. Без детей человек тоже неполноценен. Человек, будучи одиноким, без семьи в принципе не может быть полноценным именно как че-

ловек. Забота о других, о жене, детях, внуках – все это также органически присущее свойство человека. Жена – это то, что трудно осознать. Человек, которого ты не знал, прожив значительную часть своей жизни, становится для тебя не просто еще одним человеком, с которым у тебя какие-то отношения, дела, а существом, с которым у тебя все или почти все вместе, взаимно, общее, единое, от которого ты зависишь и которому ты обязан. И опять противоречия, неоднозначность, непонимание, взаимное тяготение, желание делиться сменяется недоверием, подозрением, стремлением оттолкнуть, сказать что-то резкое, даже порывами ненависти, а потом – чувство вины. Все это отражено в нашей и мировой литературе. Пьеса Горького «Мещане» и множество пьес Островского. Самые значительные романы – о семье, семейные эпопеи. Именно через призму семьи, семейных отношений великие писатели раскрывают суть человека, морали, жизни общества. «Война и мир», «Тихий Дон», «Сага о Форсайтах», «Анна Каренина», «Братья Карамазовы». И человек должен, обязан осознавать всю сложность, ответственность и возможные последствия своего выбора, мириться и преодолевать, хотя это и делается часто больше по наитию, чем «по уму». И это тоже естественно.

У меня было (и есть сейчас) много хороших знакомых, друзей, приятелей, которые прожили всю жизнь вообще без семьи, не женились, без детей, или рано развелись или уходили из первой семьи, а потом неудачно женились вторично, но под конец жизни оставались одинокими. Во всех случаях близкое общение с этими людьми, в пору их одиночества, несмотря на внешние признаки благополучия и якобы удовлетворения, порождало чувства чего-то ненормального, неполноценного, тягостного, такого, о чем не хотелось говорить или расспрашивать, независимо от того, насколько этот человек успешен в работе, насколько он реализовал себя, например, в науке и т. д. Когда люди жалуются на трудности, например, на нехватку денег для того, что хочется, для обеспечения семьи, детей, на сложности отношения с детьми или с мужем, со свекровью, это воспринимается как нечто вполне нормальное. Но когда общаешься с одиноким уже немолодым человеком, неважно – мужчиной или женщиной, независимо от меры его жизненного успеха и достатка, невольно воздерживаешься от вопросов типа «ну как дела, как жизнь?», где-то в подсознании ощущаешь, что этими вопросами ты невольно вторгаешься во что-то запретное, о чем ему неприятно говорить, что его больно ранит. Особая довольно печальная категория «одинокой» жизни, это когда мужчины живут до зрелого возраста или даже до старости, так и не женившись, вдвоем с

матерью. Об этом много написано в художественной литературе. У меня был один хороший друг из этого варианта одиночества.

Семья для каждого из нас – загадка, мы предпочитаем не думать о ее роли, постоянно наблюдаем всеобщее и обыденное недопонимание, недооценку роли своей семьи, внешние проявления пренебрежения семейными узами, отношениями, значимость которых в своей жизни часто осознают лишь в минуты утрат.

Твой дед

И вот еще мысли, имеющие отношение к семье как странному трудно понимаемому явлению. Я практически всю свою «служебную» жизнь не просто работал ассистентом, потом доцентом, профессором, заведующим лабораторией, но практически с самого начала, по существу после защиты кандидатской диссертации в 1962 г., выполнял другие разнообразные обязанности, не общественные, а конкретные работы, официально оформленные, большинство их требовало много сил, времени, общения с людьми. Сначала – секретарь биологического совета ВАК, потом с 1968 г. – ответственный секретарь редколлегии Зоологического журнала, с 1975 г. – заместитель главного редактора, а с 1995 г. – главный редактор Зоологического журнала; параллельно более 10 лет – заместитель главного редактора «Успехов современной биологии»; с начала 90-х годов – куратор сектора Арктики большой Государственной научной программы «Исследования Мирового океана, Арктики и Антарктики» (в моей сфере было 22 института), в последующем – разделов нескольких академических программ («Биологическое разнообразие», «Происхождение и эволюция биосферы»), наконец, в течение 12 лет выполнял функции председателя Совета секции общей биологии Российского фонда фундаментальных исследований. И во всех этих сферах я вынужден был постоянно общаться с конкретными людьми и с коллективами в целом, проверять, редактировать, составлять инструкции, уточнять формулировки исполнителей, вести заседания комиссий в разном составе, корректировать оценки экспертами заявок на получение грантов, составлять обобщенные отчеты о работе всей секции общей биологии РФФИ. И в процессе и после всего этого у меня укрепилось мнение о моих неплохих способностях организации работы коллективов разных людей, причем высокого интеллектуального уровня, о достаточно привлекательной манере моего общения с конкретными людьми. На протяжении всей моей службы меня постоянно куда-то пригла-

шали руководить, заведовать, координировать, более того, не раз создавалась ситуация такого типа: никого лучше меня нет для данного поста, что сопровождалось уговорами, аргументами: если не я, то – некого, и будет очень плохо, как, например, после моего отказа от руководства Советом РФФИ, что произошло в 2009 г., когда я уже физически не мог продолжать эту работу в связи с моим заболеванием.

Но вот с моими близкими, с семьей (сын, внуки, невестка, теща сына) все оказывается не так просто. Постоянно наталкиваюсь на неприятие и непонимание моих советов, а тем более – назиданий, воспитательных сентенций и даже совсем уж частных рекомендаций. И создается впечатление, что это не от недостатка близости, теплоты родственных чувств, а от самой природы родственных отношений. Интересно было бы это проанализировать детальнее.

Интересный взгляд на современных мужчин

Поведение, внешние проявления характера человека в общих чертах врожденны, но в то же время сильно зависят от условий, более того, для каждой эпохи развития общества типичны и наиболее привлекательны те или иные их формы и оттенки (романтичность, практичность, лиричность, сентиментальность). Естественно, что многие особенности поведения часто весьма различно проявляются у женщин и мужчин. Недавно в редакцию Зоологического журнала, которым я руковожу, пришла новая сотрудница с редким сейчас именем Елизавета, Лиза, которая, несмотря на свой юный возраст, примерно 26 лет, уже была замужем и развелась. Следует подчеркнуть, что она очень симпатична, умна, глубоко образована, довольно своеобразна, явно вызывает интерес у мужчин. Она пооткровенничала, сказала, что с ужасом вспоминает период замужества, что у мужа оказался «типичный для современных мужчин характер»: капризность, мелочность, обидчивость, самомнение, отсутствие чувства юмора, неспособность к снисходительности, низкий уровень ответственности и т. д. Именно так, почти дословно, она выразила свое мнение о современных молодых мужчинах. Теперь она, конечно, думает о новом замужестве (вокруг нее много «ухажеров»), но боится, так как все больше убеждается, что именно такой набор качеств характерен для нынешнего молодого мужского поколения. Я задумался над ее словами. Права ли она? Конечно, едва ли правильно так говорить о всем поколении, но все же что-то в этой позиции есть. Особенно важно, что перечисленные «качества» как нельзя более противоречат общепризнанным признакам мужественности. Пресловутая «феминизация», о которой

сейчас много говорят? Признаться, что мой опыт работы в экспедициях, где черты характера проявляются особенно отчетливо, в далекие времена 60–80 гг. заставлял меня в шуточной форме судачить о явных преимуществах работы с женщинами в условиях экспедиционных сложностей, в которых, казалось бы, мужчины должны лидировать. Помню множество случаев, когда в нестандартных ситуациях полевых работ именно с мужчинами случались всякие нежелательные курьёзы. Важно относиться к себе с некоторым юмором, не принимать слишком всерьез.

Цель жизни сейчас – жить лучше, чем сейчас, а лучше – значит больше денег, и все... Это и влияет на поведение мужчин... Не дописал...

Юрия Ивановича уже нет с нами, но связи, соединявшие его с друзьями и коллегами, столь прочны, что чувство потери не совпадает с ощущением отсутствия. Заданный Юрием Ивановичем стиль работы много лет возглавляемых им Лаборатории синэкологии Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, редколлегии Зоологического журнала, защитного совета ИПЭЭ, целого ряда экспертных комиссий сохраняется в самом главном – неформальном отношении к любому делу, вниманию к мелочам, тщательности («если уж делать...») и приоритетности всего, что ценно для Науки. Замечательной была его реакция на сетования или жалобы на сложность какой-либо научной задачи – «если постоянно об этом думать и не переставать понемногу что-то все время для этого делать, то когда-нибудь это обязательно будет сделано». Не сразу верилось...

Его поучения не были менторскими. В ходе дискуссии или спора Юрий Иванович как бы «вбрасывал» свое мнение, обычно весьма нетривиальное и часто кажущееся спорным, но редко на нем настаивал, если считал вопрос для себя продуманным и решенным. Он был чрезвычайно деликатным человеком, что проявлялось и в быту, и в повседневной работе в лаборатории или с авторами журналов, и при решении сложных административных проблем. Но Юрий Иванович имел ряд очень твердых жизненных принципов и никогда ими не поступался. Следуя им, он мог быть иногда довольно жестким. Юрий Иванович очень редко менял свои решения, всегда продиктованные здравым смыслом и нравственным началом. Он практически не ошибался...

Любивший точность во всем, чрезвычайно уважавший научные факты как таковые, Ю.И. Чернов, тем не менее, не мог их просто, не анализируя, воспринимать или излагать. Ему был присущ особый научный подход, сочетающий тщательность в проработке мельчайших деталей (а это – закваска систематика-фауниста) с широким, многоуровневым и разносторонним, «концептуальным», как он любил говорить, мышлением. Добавьте к этому точность формулировок, отсутствие языковых и смысловых стереотипов, пристрастие к старой классической литературе, особенно немецкой... Этот воспитываемый им самим годами стиль научной работы, с постоянным апеллированием к предшественникам, с восприятием

* Предисловие к юбилейному номеру «Зоологического журнала» (№ 1, 2014 г.).
О.Л. Макарова, А.Б. Бабенко, Л.Л. Случевская.

любых данных и явлений как частей более общей картины, сразу в нескольких плоскостях и масштабах, оказался очень заразительным. Думать для него было – как дышать; и не бояться думать, находить удовольствие в размышлениях мы учились у него. Получалось у всех по-разному, но стремились многие. Это и стало тем особым «качеством жизни», позволявшим не замечать другие проблемы нашего научного мира, на которые были так щедры 1990-е, 2000-е...

Эта вдумчивость была заметна уже в самых первых работах Ю.И. Чернова. А появление книг «Природная зональность и животный мир суши» (1975) и «Жизнь тундры» (1980), вышедших огромными по современным меркам тиражами, сразу вывело его в ряд крупнейших экологов и биогеографов страны. Прочитав «Природную зональность...», болгарский аспирант Любомир Пенев оставил аспирантуру в Донецком университете и приехал к Юрию Ивановичу УЧИТЬСЯ. «Жизнь тундры» была переведена и выдержала два издания в Кембридже. После перевода этой книги последовали предложения участвовать в коллективных международных монографиях, приглашения в совместные экспедиции и на конференции в Канаду, Финляндию, США, Норвегию, Японию и пр. Юрием Ивановичем и его бессменным товарищем по арктическим экспедициям, его постоянным соавтором – Н.В. Матвеевой (Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН) был совершен настоящий прорыв в мировое сообщество ученых, занимающихся арктической экологией. Потом были другие книги, главы в крупных зарубежных сводках, важные аналитические статьи. И, может быть, самое главное – его считали своим Учителем многие десятки людей, незнакомых с ним лично. Есть ли большая награда Ученому?

Свой путь в науке Ю.И. Чернов начинал как специалист по мухам-журчалкам, и выдающийся диптеролог А.А. Штакельберг прочил ему большое будущее как систематику. Широта интересов увела Юрия Ивановича от таксономии, но пиетет перед этой кропотливой работой, перед «ЗИНовской школой» систематиков он сохранил на всю жизнь. Большинство его учеников совмещают занятия экологией и систематикой отдельных групп животных, публикуя результаты работ, всегда выполняемых на высоком таксономическом уровне, без использования эпитетов «non det.» или «morphospecies», нередко встречающихся в современных экологических исследованиях. Много лет Ю.И. Чернов помогал публикации выпусков «Фауны СССР» и «Фауны России», всячески способствовал выходу 20-томного издания «Определитель насекомых Дальнего Востока» (под руководством А. С. Лелея, Биолого-почвенный институт ДВО РАН), что стало выдающимся явлением в оте-

чественной зоологии в очень непростой для нее период на рубеже тысячелетий.

Уже много видов беспозвоночных животных названы именем Ю.И. Чернова. И новые исследователи будут использовать эти патронимы в своей работе. Значит, преемственность сохраняется, и учителя Юрия Ивановича – В.Ф. Натали, А.П. Кузякин, А.А. Штакельберг – «живут» в делах его последователей, которые и сами уже обрастают учениками...

Юрий Иванович ушел. Он оставил нам свои книги. Завещал свое отношение к жизни в науке и к жизни вообще, РЫЦАРСКОЕ. «Автобиография» академика Ю.И. Чернова, позволит узнать его с совершенно новой стороны. Это очень интересное чтение! Память о Юрии Ивановиче Чернове, замечательном Человеке, Ученом и Учителе будет долгой.

**Список основных научных публикаций академика
Ю.И. Чернова**

1958

Чернов Ю.И. К фауне, экологии и ландшафтному распределению журчалок (Diptera, Syrphidae) Московской области. – Сборник студенческих научных работ по естественно-математическому циклу. – МОИП, Москва. С. 33–43.

1959

Чернов Ю.И. Синантропные двукрылые Югорского полуострова и острова Вайгача. – *Энтомологическое обозрение* **38** (3): 579–582.

1961

Чернов Ю.И. К изучению животного населения почв арктических тундр Якутии. – *Зоологический журнал* **40** (3): 326–333.

Чернов Ю.И. Комплекс синантропных двукрылых в арктических тундрах Якутии. – *Научные доклады высшей школы (биологические науки)* **3**: 35–38.

1962

Чернов Ю.И. Особенности животного населения почв и дернины некоторых типов тундр Западного Таймыра. – *Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской (биогеография)* **109** (1): 183–196.

Чернов Ю.И., Успенский С.М. Роль насекомых в питании некоторых арктических птиц. – *Бюллетень МОИП, отделение биологии* **67** (4): 26–31.

1963

Кречмар А.В., Чернов Ю.И. Материалы по трофическим связям некоторых птиц-энтомофагов в тундрах Западного Таймыра. – *Ученые записки Московского Областного педагогического института им. Н.К. Крупской (зоология)* **126** (6): 93–100.

Чернов Ю.И. Материалы по фауне сирфид (Diptera, Syrphidae) тундровой зоны. – *Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской (зоология)* **126** (6): 101–107.

1964

Чернов Ю.И. Зависимость состава животного населения почвы и дернины от характера растительности в некоторых типах тундр. – Проблемы Севера (природа). Выпуск 8 (ред. Б.А. Тихомиров). – Наука, Ленинград. С. 254–267.

1965

- Чернов Ю.И. Комплекс синантропных двукрылых в тундровой зоне СССР. – *Энтомологическое обозрение* **44** (1): 74–83.
- Чернов Ю.И. Некоторые особенности животного населения пятнистых тундр. – *Зоологический журнал* **44** (4): 507–512.
- Чернов Ю.И., Савченко Е.Н. Экология и преимагинальные фазы развития арктического *Tipula (Pterelachisus) carinifrons* Holm. (Diptera, Tipulidae). – *Зоологический журнал* **44** (5): 777–779.

1966

- Чернов Ю.И. Комплекс антофильных насекомых в тундровой зоне. – Вопросы географии. Выпуск 69: Организмы и природная среда (ред. А.Г. Воронов, Г.И. Дохман, Л.М. Соболев). – Мысль, Москва. С. 76–97.
- Чернов Ю.И. Краткий очерк животного населения тундровой зоны. – Зональные особенности населения наземных животных. – Наука, Москва. С. 52–91.

1967

- Чернов Ю.И., Ходашева К.С., Злотин Р.И. Наземная зоомасса и некоторые особенности ее зонального распределения. – *Журнал общей биологии* **28** (2): 188–197.
- Чернов Ю.И. Трофические связи птиц с насекомыми в тундровой зоне. – *Орнитология* **8**: 133–149.

1968

- Чернов Ю.И. Географическая зональность и животный мир суши. Сообщение 1. – *Зоологический журнал* **47** (7): 973–989.
- Чернов Ю.И. Географическая зональность и животный мир суши. Сообщение 2. – *Зоологический журнал* **47** (8): 1125–1141.
- Чернов Ю.И. Распределение и численность ногохвосток в тундровой зоне. – *Энтомологическое обозрение* **47** (1): 80–85.

1969

- Медведев Л.Н., Чернов Ю.И. Новый вид листоеда рода *Chrysomela* L. (Coleoptera, Chrysomelidae) – важный компонент биоценозов Таймыра. – *Зоологический журнал* **48** (4): 532–537.

1970

- Чернов Ю.И., Руденская Л.В. Об использовании энтомологического кошения как метода количественного учета беспозвоночных – обитателей травяного покрова. – *Зоологический журнал* **49** (1): 137–143.

1971

- Чернов Ю.И., Ананьева С.И., Хаюрова Е.П. Комплекс почвообитающих беспозвоночных в пятнистых тундрах Западного Таймыра. – Биogeоценозы таймырской тундры и их продуктивность (ред. Б.А. Тихомиров). – Наука, Ленинград. С. 198–211.
- Чернов Ю.И. О некоторых индексах, используемых при анализе структуры животного населения суши. – *Зоологический журнал* **50** (7): 1079–1093.
- Чернов Ю.И. Понятие «животное население» и принципы геоэкологических исследований. – *Журнал общей биологии* **32** (4): 425–438.

1972

- Chernov Yu.I. Animal population structure in the subzone of typical tundras of the Western Taimyr. – Tundra biome. Proceedings of the IV International Meeting on the Biological Productivity of Tundra. – Stockholm. P. 63–79.
- Чернов Ю.И. Принципы и методы биогеоэкологического изучения беспозвоночных тундровой зоны. – Изучение биогеоценозов тундры и лесотундры (ред. Б.А. Тихомиров). – Наука, Ленинград. С. 96–112.

1973

- Чернов Ю.И. Геоэкологическая характеристика территории таймырского биогеоэкологического стационара. – Биогеоценозы таймырской тундры и их продуктивность (ред. Б.А. Тихомиров). Том 2. – Наука, Ленинград. С. 187–200.
- Чернов Ю.И. Краткий обзор трофических групп беспозвоночных подзоны типичных тундр Таймыра. Биогеоценозы таймырской тундры и их продуктивность (ред. Б.А. Тихомиров). Том 2. – Наука, Ленинград. С. 166–179.
- Чернов Ю.И., Ананьева С.И., Кузьмин Л.Л., Хаюрова Е.П. Некоторые особенности вертикального распределения беспозвоночных в тундровых почвах. – Биогеоценозы таймырской тундры и их продуктивность (ред. Б.А. Тихомиров). Том 2. – Наука, Ленинград. С. 180–186.
- Ананьева С.И., Криволицкий Д.А., Чернов Ю.И. Панцирные клещи (Oribatei) подзоны типичных тундр Западного Таймыра. – Биогеоценозы таймырской тундры и их продуктивность (ред. Б.А. Тихомиров). Том 2. – Наука, Ленинград. С. 148–151.

1974

- Чернов Ю.И. Некоторые закономерности приспособления наземных животных к ландшафтно-зональным условиям. – *Журнал общей биологии* **35** (6): 846–857.

Гиляров М.С., Чернов Ю.И. Некоторые итоги почвенно-зоологических исследований в плане Международной Биологической программы. – *Известия Академии наук СССР, сер. Биология* 4: 563–579.

1975

Matveyeva N.V., Parinkina O.M., Chernov Yu.I. Maria Pronchishcheva Bay, USSR. – Structure and function of tundra ecosystems (T. Rosswall, O.W. Heal, eds). *Ecological Bulletin, Stockholm* 20. P. 61–72.

Chernov Yu.I., Dorogostaiskaya E.V., Gerasimenko T.V., Ignatenko I.V., Matveyeva N.V., Parinkina O.M., Polozova T.O., Romanova E.N., Schamurin V.F., Smirnova N.V., Stepanova I.V., Tomilin B.A., Vinokurov V.V., Zalensky O.V. Tareya, USSR. – Structure and function of tundra ecosystems (T. Rosswall, O.W. Heal, eds). *Ecological Bulletin, Stockholm* 20. P. 159–181.

Чернов Ю.И., Руденская Л.В. Комплекс беспозвоночных – обитателей травостоя как ярус животного населения. – *Зоологический журнал* 54 (6): 884–893.

Чернов Ю.И. Основные синэкологические характеристики почвенных беспозвоночных и методы их анализа. – Методы почвенно-зоологических исследований (ред. М.С. Гиляров). – Наука, Москва. С. 159–215.

Гиляров М.С., Чернов Ю.И. Почвенные беспозвоночные в составе сообществ умеренного пояса. – Ресурсы биосферы. Итоги советских исследований по Международной биологической программе (ред. Л.Е. Родин, Н.Н.Смирнов). Том 1. – Наука, Ленинград. С. 218–240.

Чернов Ю.И. Природная зональность и животный мир суши. – Мысль, Москва. 220 с.

1976

Матвеева Н.В., Чернов Ю.И. Полярные пустыни полуострова Таймыр. – *Ботанический журнал* 61 (3): 297–312.

1977

Chernov Yu.I., Striganova B.R., Ananjeva S.I. Soil fauna of the Polar desert at Cape Cheluskin, Taimyr Peninsula, USSR. – *Oikos* 29: 175–179.

Матвеева Н.В., Чернов Ю.И. Арктические тундры на северо-востоке полуострова Таймыр. I. – *Ботанический журнал* 62 (7): 938–953.

Гиляров М.С., Винберг Г.Г., Чернов Ю.И. Экология – задачи и перспективы. – *Природа* 5: 3–11.

Гиляров М.С., Чернов Ю.И. Охрана животного мира СССР. Наземные беспозвоночные. – *Природа* 11: 105–115.

Гиляров М.С., Криволуцкий Д.А., Чернов Ю.И. Почвенно-зоологические исследования в биосферных стационарах. – Биосферные заповедники. Труды I советско-американского симпозиума, СССР, 5–17 мая 1976 (ред. В.Е. Соколов). – Гидрометеиздат, Ленинград. С. 80–87.

1978

- Чернов Ю.И. Антофильные насекомые в подзоне типичных тундр Западного Таймыра и их роль в опылении растений. – Структура и функции биогеоценозов таймырской тундры (ред. Б.А. Тихомиров, Б.А. Томилин). – Наука, Ленинград. С. 264–290.
- Матвеева Н.В., Чернов Ю.И. Арктические тундры на северо-востоке полуострова Таймыр. II. Структура сообществ. – *Ботанический журнал* **63** (3): 313–326.
- Чернов Ю.И. Приспособительные особенности жизненных циклов насекомых тундровой зоны. – *Журнал общей биологии* **39** (3): 394–402.
- Чернов Ю.И. Структура животного населения Субарктики. – Наука, Москва. 167 с.

1979

- Чернов Ю.И., Стриганова Б.Р., Ананьева С.И., Кузьмин Л.Л. Животный мир полярной пустыни мыса Челюскин. – Арктические тундры и полярные пустыни Таймыра (ред. В.Д. Александрова, Н.В. Матвеева). – Наука, Ленинград. С. 35–49.
- Ананьева С.И., Чернов Ю.И. Ногохвостки (Collembola) в подзоне арктических тундр на северо-востоке Таймыра. – Арктические тундры и полярные пустыни Таймыра (ред. В.Д. Александрова, Н.В. Матвеева). – Наука, Ленинград. С. 148–153.
- Чернов Ю.И., Матвеева Н.В. Закономерности зонального распределения сообществ на Таймыре. – Арктические тундры и полярные пустыни Таймыра (ред. В.Д. Александрова, Н.В. Матвеева). – Наука, Ленинград. С. 166–200.
- Ананьева С.И., Криволицкий Д.А., Чернов Ю.И. Панцирные клещи (Oribatei) в подзоне арктических тундр на северо-востоке Таймыра. – Арктические тундры и полярные пустыни Таймыра (ред. В.Д. Александрова, Н.В. Матвеева). – Наука, Ленинград. С. 144–148.

1980

- Чернов Ю.И. Жизнь тундры. – Мысль, Москва. 235 с.
- Стриганова Б.Р., Чернов Ю.И. Трофические отношения почвенных животных и их зонально-ландшафтные особенности. – Структурно-функциональная организация биогеоценозов (ред. М.С. Гиляров). – Наука, Москва. С. 269–288.

1982

- Чернов Ю.И. О путях и источниках формирования фауны малых островов Океании. – *Журнал общей биологии* **43** (1): 35–47.

1983

- Соколов В.Е., Чернов Ю.И. Арктические экосистемы: особенности их организации, развития и проблемы охраны. – *Природа и ресурсы, ЮНЕСКО* 19 (3): 2–9.
- Чернов Ю.И., Матвеева Н.В., Заноха Л.Л. Опыт изучения прироста цветковых растений в сообществах Таймыра. – *Доклады Академии наук СССР* 272 (4): 999–1002.
- Чернов Ю.И. Проблема эволюции на биоценологическом уровне организации жизни. – Развитие эволюционной теории в СССР (1917–1970) (ред. С.Р. Микулинский, Ю.И. Полянский). – Наука, Ленинград. С. 464–479.
- Чернов Ю.И., Матвеева Н.В. Таксономический состав арктической флоры и пути освоения цветковыми растениями среды тундровой зоны. – *Журнал общей биологии* 44 (2): 187–201.

1984

- Чернов Ю.И. Эволюционный процесс и историческое развитие сообществ. – Фауногенез и филоценогенез (ред. Ю.И. Чернов). – Наука, Москва. С. 5–23.
- Чернов Ю.И. Биологические предпосылки освоения арктической среды организмами различных таксонов. – Фауногенез и филоценогенез (ред. Ю.И. Чернов). – Наука, Москва. С. 154–174.
- Чернов Ю.И. Флора и фауна, растительность и животное население. – *Журнал общей биологии* 45 (6): 732–748.
- Чернов Ю.И. О предпосылках освоения арктической среды разными группами организмов. – Адаптация организмов к условиям Крайнего Севера (ред. Ю.Л. Мартин и др.). – АН ЭССР, Таллинн. С. 192–197.

1985

- Chernov Yu.I. The Living Tundra. – Cambridge University Press, Cambridge. 213 p.
- Чернов Ю.И. Среда и сообщества тундровой зоны. – Сообщества Крайнего Севера и человек (ред. Ю.И. Чернов). – Наука, Москва. С. 8–21.

1986

- Чернов Ю.И., Матвеева Н.В. Южные тундры в системе зонального деления. – Южные тундры Таймыра (ред. Ю.И. Чернов, Н.В. Матвеева). – Наука, Ленинград. С. 192–204.

1987

- Ананьева С.И., Бабенко А.Б., Чернов Ю.И. Ногохвостки (Collembola) в арктических тундрах Таймыра. – *Зоологический журнал* 66 (7): 1032–1044.
- Ланцов В.И., Чернов Ю.И. Типулоидные двукрылые в тундровой зоне. – Наука, Москва. 175 с.

1988

- Чернов Ю.И. Филогенетический уровень и географическое распределение таксонов. – *Зоологический журнал* **67** (10): 1445–1457.
- Чернов Ю.И. Предисловие к русскому изданию. – Биосфера: эволюция, пространство, время. Биогеографические очерки (ред. Р.У. Симс, Дж. Прайс, П.Э.С Уэлли). – Прогресс, Москва. С. 5–8.

1989

- Чернов Ю.И. Тепловые условия и биота Арктики. – *Экология* 2: 49–57.
- Чернов Ю.И., Хлебосолов Е.И. Трофические связи и видовая структура населения тундровых насекомоядных птиц. – Птицы в сообществах тундровой зоны (ред. Ю.И. Чернов). – Наука, Москва. С. 39–51.
- Стишов М.С., Чернов Ю.И., Вронский Н.В. Фауна и население птиц подзоны арктических тундр. – Птицы в сообществах тундровой зоны (ред. Ю.И.Чернов). – Наука, Москва. С. 5–39.

1990

- Чернов Ю.И. Фундаментальная экология и охрана природы. – Проблемы экологии (ред. И.А. Шилов, В.Е. Соколов). – Изд-во Карелия, Петрозаводск. С. 121–128.

1991

- Chernov Yu.I., Matveeva N.V. Ecological Research in the Arctic regions of the USSR. – UNESCO MAB Northern Sciences Network. – Arctic Centre University of Lapland, Rovaniemi. P. 56–62.
- Chernov Yu.I., Matveeva N.V., Smirenskaya E. Status of nature reserves in the Arctic Regions of the USSR. – UNESCO MAB Northern Sciences Network. – Arctic Centre University of Lapland, Rovaniemi. P. 90–98.
- Чернов Ю.И. Биологическое разнообразие: сущность и проблемы. – *Успехи современной биологии* **111** (4): 499–507.

1992

- Chernov Yu.I., Lantsov V.I. Why do Tipulomorpha (Diptera, Insecta) succeed in the arctic conditions? – *Acta Zoologica Cracoviensia* **35** (1): 193–197.
- Чернов Ю.И. Кого больше в тундре – хищников или фитофагов? – Ценологические взаимодействия в тундровых экосистемах (ред. Ю.И. Чернов). – Наука, Москва. С. 111–127.

1993

- Чернов Ю.И., Пенев Л.Д. Биологическое разнообразие и климат. – *Успехи современной биологии* **113** (5): 515–531.
- Чернов Ю.И., Медведев Л.Н., Хрулева О.Л. Жуки-листоеды (Coleoptera, Chrysomelidae) в Арктике. – *Зоологический журнал* **72** (9): 78–92.

1994

- Chernov Yu.I. Aspects of the composition and establishment of insular faunal communities. – The ecosystems of small islands in the Southwest Pacific. The sixth expedition of the SS “Calisto”. UNEP Regional Seas Reports and Studies (J.C. Pernetta, H.I. Manner, eds). Vol. 151. P. 142–157.
- Sokolov V.E., Striganova B.R., Reshetnicov Y.I., Chernov Yu.I., Shatunovsky M.I. Russian National Biodiversity Conservation Programme. – *Biology International (IUBS)* **28**: 29–33.

1995

- Chernov Yu.I. Diversity of the Arctic Terrestrial Fauna. – Arctic and Alpine Diversity (F.S. Chapin, Ch. Körner, eds). Ecological Studies. Vol. 113. – Springer-Verlag, Berlin Heidelberg. P. 79–93.
- Чернов Ю.И. Наследие В.И. Вернадского и «новое» мышление. – *Журнал общей биологии* **3**: 391–396.
- Чернов Ю.И. Отряд двукрылых (Insecta, Diptera) в арктической фауне. – *Зоологический журнал* **74** (5): 68–83.

1996

- Чернов Ю.И. Эволюционная экология – сущность и перспективы. – *Успехи современной биологии* **116** (3): 277–292.

1997

- Chernov Yu.I., Matveyeva N.V. Arctic ecosystems in Russia. – Ecosystems of the World. Vol. 3. Polar and Alpine Tundra (F.E. Wielgolaski, ed.). – Elsevier, Amsterdam, New York etc. P. 361–507.

1998

- Гришина Л.Г., Бабенко А.Б., Чернов Ю.И. Панцирные клещи (Sarcoptiformes, Oribatei) западного побережья Таймыра. – *Вестник зоологии* **32** (1-2): 116–118.

1999

- Matveyeva N.V., Chernov Yu.I. Biodiversity of terrestrial ecosystems. – The Arctic: Environment, People, Policy (M. Nuttal, T.V. Callagan, eds). – Harwood Academic Publishers, Amsterdam. P. 233–273.
- Чернов Ю.И. Класс птиц (Aves) в арктической фауне. – *Зоологический журнал* **78** (3): 276–292.

2000

- Чернов Ю.И., Макаров К.В., Еремин П.К. Семейство жуужелиц (Coleoptera, Carabidae) в арктической фауне. Сообщение 1. – *Зоологический журнал* **79** (12): 1409–1420.

2001

- Чернов Ю.И., Макаров К.В., Еремин П.К. Семейство жужелиц (Coleoptera, Carabidae) в арктической фауне. Сообщение 2. – *Зоологический журнал* **80** (3): 285–293.
- Чернов Ю.И. Исследования по проблемам общей биологии. – Гранты РФФИ, результаты и анализ (ред. М.В. Алфимов, В.Д.Новиков). – Изд. Янус-К, Москва. С. 252–272.
- Callagan T.V., Matveyeva N.V., Chernov Yu.I., Brooker R. Arctic ecosystems. – *Encyclopedia of Biodiversity*. Vol. 1. – Academic Press, San Diego. P. 231–247.

2002

- Чернов Ю.И. «Успехам современной биологии» – 70 лет. – *Успехи современной биологии* **122** (1): 3–5.
- Чернов Ю.И., Матвеева Н.В. Ландшафтно-зональное распределение видов арктической биоты. – *Успехи современной биологии* **122** (1): 26–45.
- Чернов Ю.И. Биота Арктики: таксономическое разнообразие. – *Зоологический журнал* **81** (2): 1411–1431.

2004

- Чернов Ю.И. Направления, состояние и перспективы отечественных исследований биологического разнообразия Арктики. – *Вестник РФФИ* **1** (35): 5–35.
- Чернов Ю.И. Животный мир полярной пустыни на плато острова Девон (Канадский арктический архипелаг). – *Зоологический журнал* **83** (5): 604–614.
- Чернов Ю.И. Животный мир. – Большая Российская энциклопедия. Том 1: Россия. – Изд. БРЭ, Москва. С. 94–108.
- Callagan T.V., Björn L.O., Chernov Yu.I., Chapin T., Christensen T.R., Huntley B., Ims R.A., Johansson M., Jolly D., Jonasson S., Matveyeva N., Panikov N., Oechel W., Shaver G., Elster J., Henttonen H., Laine K., Taulavuori K., Taulavuori E. & Zöckler Ch. Biodiversity, distributions and adaptations of Arctic species in the context of environmental change. – *Ambio* **33** (7): 404–417.
- Callagan T.V., Björn L.O., Chernov Yu.I., Chapin T., Christensen T.R., Huntley B., Ims R.A., Johansson M., Jolly D., Jonasson S., Matveyeva N., Panikov N., Oechel W., Shaver G., Elster J., Jönsdóttir I.S., Laine K., Taulavuori K., Taulavuori E. & Zöckler Ch. Responses to Projected Changes in Climate and UV-B at Species Level. – *Ambio* **33** (7): 418–435.
- Callagan T.V., Björn L.O., Chernov Yu.I. Chapin, T. Christensen, T.R. Huntley B., Ims R.A., Johansson M., Jolly D., Jonasson S., Matveyeva N., Panikov N., Oechel W., Shaver G. & Henttonen H. Effect on the structure of the Arctic ecosystems in the short- and long-term perspectives. – *Ambio* **33** (7): 436–447.

Callagan T.V., Björn L.O., Chernov Yu.I., Chapin T., Christensen T.R., Huntley B., Ims R.A., Johansson M., Jolly D., Jonasson S., Matveyeva N., Panikov N., Oechel W. & Shaver G. Effect on the function of Arctic ecosystems in the short- and long-term perspectives. – *Ambio* **33** (7): 448–458.

2005

Чернов Ю.И. Видовое разнообразие и компенсационные явления в сообществах и биотических системах. – *Зоологический журнал* **84** (10): 1221–1238.

2006

Чернов Ю.И., Татаринцов А.Г. Дневные бабочки (Lepidoptera, Rhopalocera) в фауне Арктики. – *Зоологический журнал* **85** (10): 1205–1229.

2008

Chernov Yu.I., Makarova O.L. Beetles (Coleoptera) in High Arctic. – Back to the Roots or Back to the Future? Towards a New Synthesis between Taxonomic, Ecological and Biogeographical Approaches in Carabidology (L. Penev, T. Erwin, T. Assman, eds). Proceedings of the XIII European Carabidologists Meeting, Blagoevgrad, August 20–24, 2007. – Pensoft Publishers, Sofia-Moscow. P. 207–240.

Чернов Ю.И. Экологическая цельность надвидовых таксонов и биота Арктики. – *Зоологический журнал* **87** (10): 1155–1167.

Чернов Ю.И. Экология и биогеография (избранные работы). – Товарищество научных изданий КМК, Москва. 580 с.

2011

Хрулева О.А., Чернов Ю.И., Коротяев Б.А., Питеркина Т.В. Жуки надсемейства Curculionoidea (Coleoptera) комплексной полупустыни в связи с изменением климата Северного Прикаспия. – *Зоологический журнал* **90** (3): 311–324.

Чернов Ю.И., Матвеева Н.В., Макарова О.Л. Полярные пустыни: на пределе жизни. – *Природа* 9: 31–43.

Чернов Ю.И., Лелей А.С., Стороженко С.Ю. Таксономическое разнообразие насекомых Дальнего Востока России. – Определитель насекомых Дальнего Востока России. Дополнительный том. Анализ фауны и общий указатель (ред. А.С. Лелей). – Дальнаука, Владивосток. С. 7–46.

2012

Чернов Ю.И. Арктика глазами биолога. – *Природа* 2: 47–56.

2013

Callaghan T.V., Matveyeva N., Chernov Yu., Schmidt N.M., Brooker R., Johansson M. Arctic terrestrial ecosystems. – Encyclopedia of Biodiversity, 2nd edition. (Levin S.A., ed.). Vol. 1. Academic Press, Waltham, MA. P. 227–244.

2014

Ю.И. Чернов, О.Л. Макарова, Л.Д. Пенев, О.А. Хрулёва. Отряд жесткокрылых (Insecta, Coleoptera) в фауне Арктики. Сообщение 1. Состав фауны. – *Зоологический журнал* **93** (1): 7–44.

Прочее (около 130 публикаций) – более частные и краткие статьи, обзоры, рецензии, хроникальные материалы.

Детство. С мамой Марией Дмитриевной Черновой.

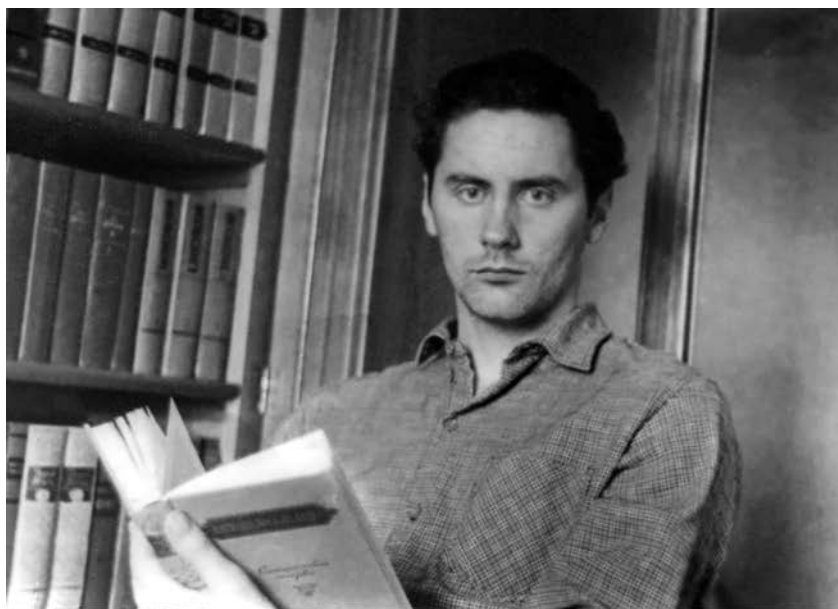

Сестра Зоя Ивановна Москвичева (Чернова).

Студенческие годы.
Вверху – на занятиях (справа – А.И. Никишов); в центре – на практику в Черкизово (справа от Ю.И. Чернова – Н.В. Дудкина); внизу – проводы на целину (слева от Ю.И. Чернова – Н.В. Дудкина).

Студенческие годы. Книги и «выезды на природу».

С женой – Ниной Михайловной Черновой (Барабановой).

Нина Михайловна Чернова (профессор кафедры зоологии и экологии Московского педагогического государственного университета).

Сын Иван (И.Ю. Чернов, зав. кафедрой биологии почв Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова).

Первые экспедиции в Арктику (Таймыр, Якутия, Ямал), конец 1950-х – начало 60-х гг.

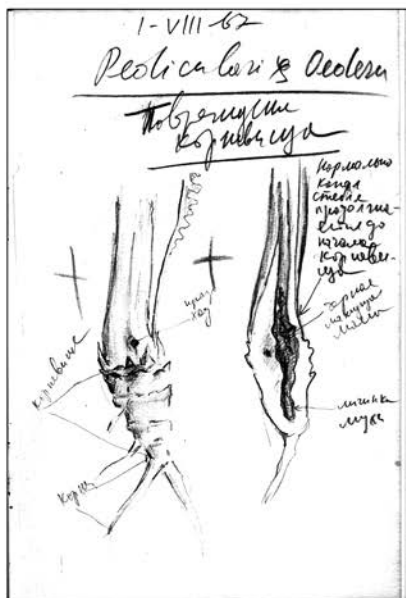
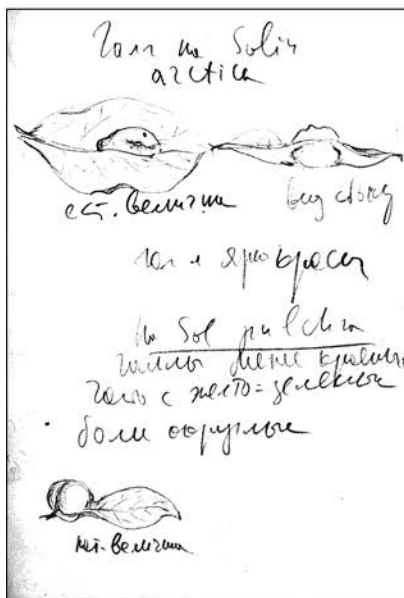
Тарейский биоценологический стационар Ботанического института им. В.Л. Комарова АН СССР, западный Таймыр – эталон тундрового ландшафта.

Тарейский стационар. Быт, конец 60-х гг.

Тарейский стационар. Вверху – с Петром Степановичем Свирненко, заслуженным полярником, героем Социалистического труда, 1967 г. Внизу – ботаники – основатель Тарейского стационара, заслуженный деятель науки РСФСР, Борис Анатольевич Тихомиров и Тамара Георгиевна Полозова, 1967 г.

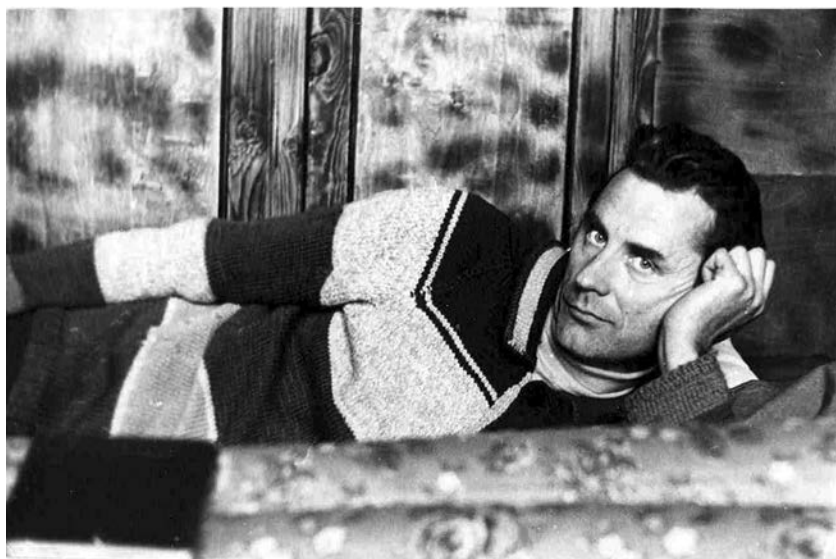
Из тарейского полевого дневника 1967 г. Галлы на ивах и повреждения корневищ мытников.

Начало 1960-х гг., преподаватель кафедры зоологии Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской.

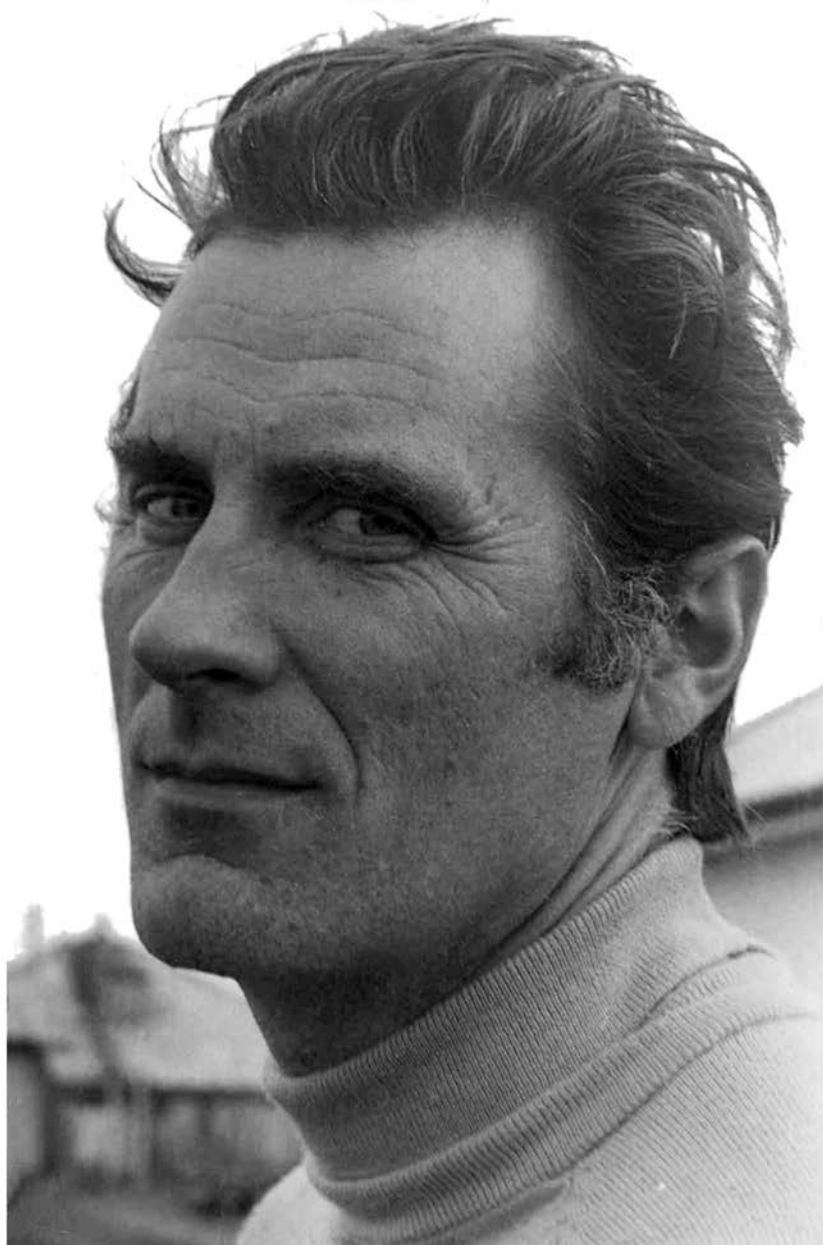
Первая аспирантка Ю.И. Чернова – Светлана Ивановна Ананьева (зав. кафедрой зоологии Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина). Вверху – на Тарейском стационаре, 1969 г.; внизу – в Московском областном педагогическом институте им. Н.К. Крупской после защиты диссертации «Коллемболы Западного Таймыра», выполненной по тарейским материалам, 1972 г.

На метеостанции «Кресты», юго-западный Таймыр, 1975 г. Вверху стоят слева направо – И.Ю. Чернов, Ю.И. Чернов, Т. Пийн; сидят – Н.В. Сдобникова с ребенком сотрудников метеостанции, Л.Л. Заноха, М.В. Чугунова, О.М. Паринкина, Н.В. Матвеева.

Полярная станция «Бухта Марии Прончищевой», северо-восточный Таймыр, 1973 г.,
вверху слева направо – Ю.И. Чернов, Н.В. Матвеева, О.М. Паринкина, О.И. Сумина,
И.Ю. Чернов.

Ю.И. Чернов. Метеостанция «Кресты», 1975 г.

Окрестности морского порта Диксон, западный Таймыр, 1979 г. Вверху стоит – Ю.И. Чернов, сидят слева направо – Т. Пийн, В.И. Ланцов, Н.В. Матвеева, А.Л. Тихомирова, Л.Л. Заноха.

60-е, 70-е, 80-е гг. в Арктике – энтомолог всегда с сачком.

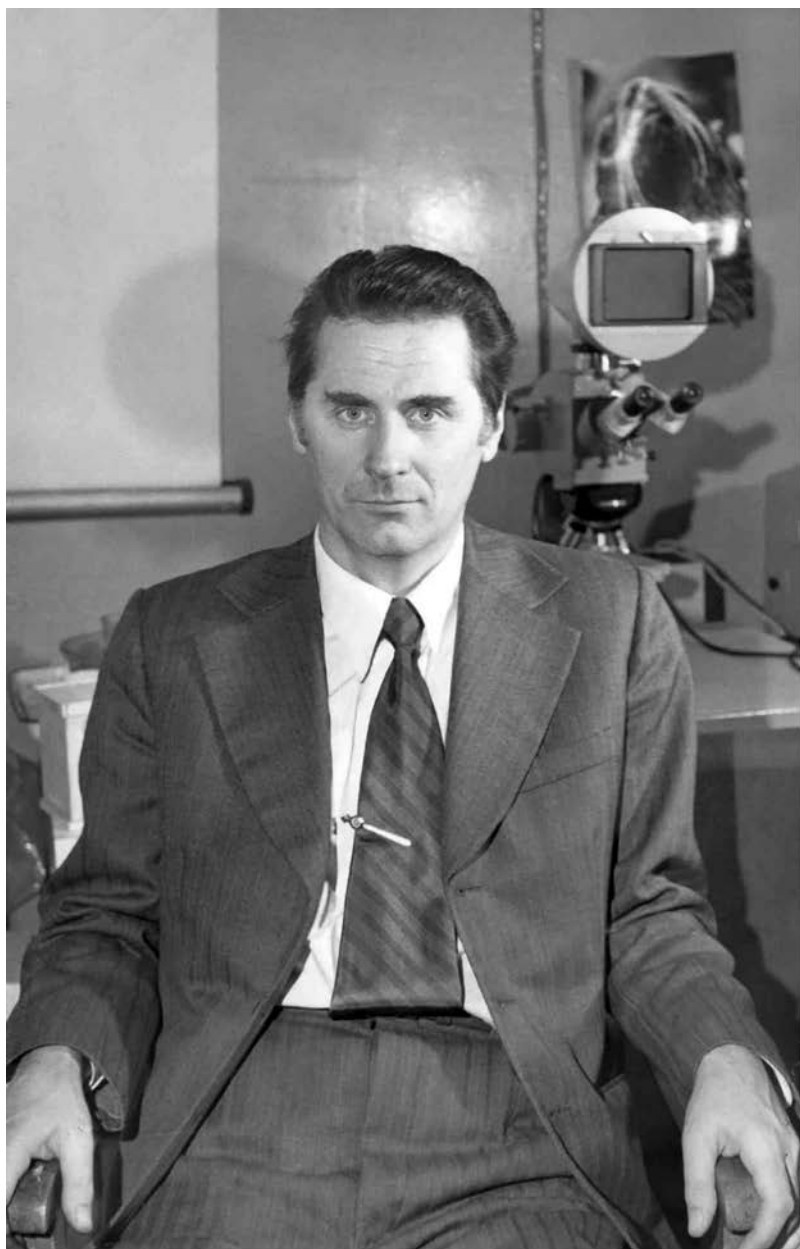
Река Сырадасай, западный Таймыр, 1982 г. Вверху стоят – Ю.И. Чернов, И.Ю. Чернов; сидят – Л.Л. Заноха, Н.А. Секретарева, Н.В. Матвеева.

Главный экспедиционный транспорт в тундровых и аридных ландшафтах – вездеход ГАЗ-47 (ГТ-С) и грузовик ГАЗ-66 соответственно.

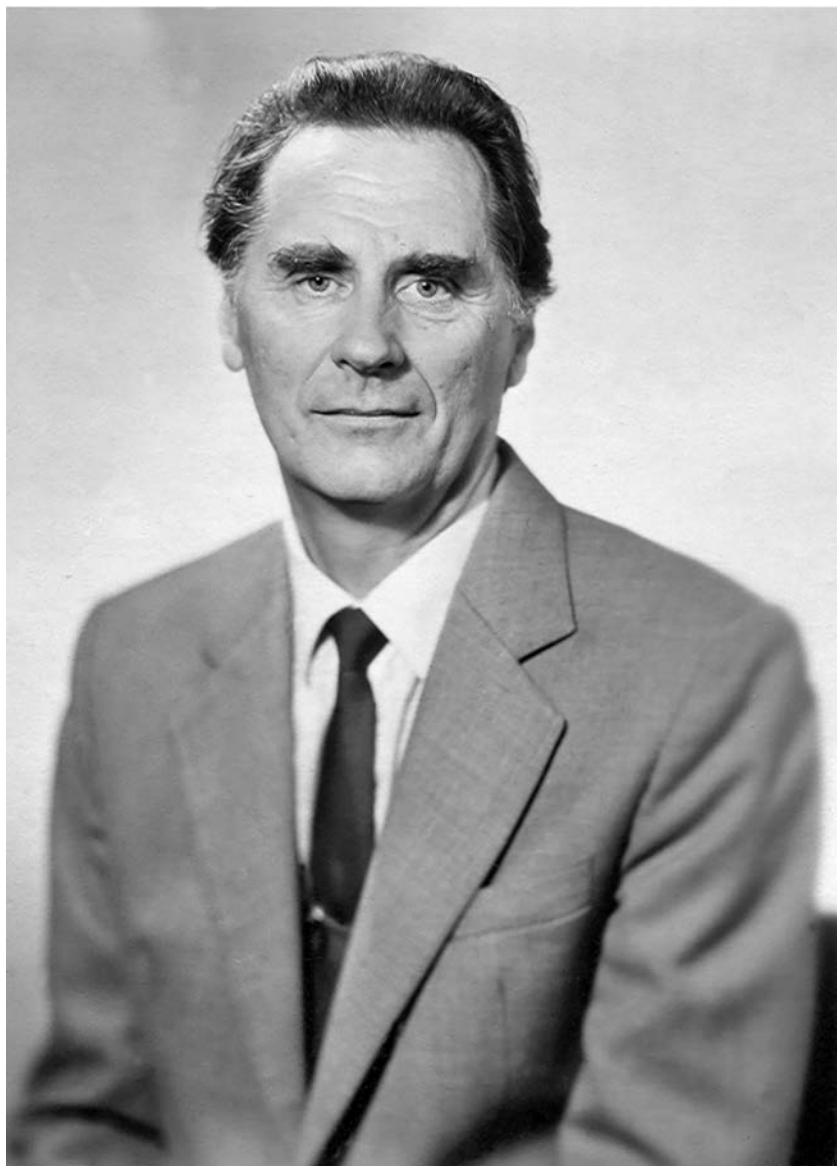
На мысе Челюскин, северная оконечность Таймыра, 1974 г. Вверху стоят слева направо – В.В. Мазинг, И.Ю. Чернов, Б.Р. Стриганова, Ю.И. Чернов; сидят – Н.В. Матвеева, М.В. Чугунова.

Ю.И. Чернов, сотрудник лаборатории почвенной зоологии Института эволюционной морфологии и экологии животных им. А.Н. Северцова АН СССР (ИЭМЭЖ), начало 1970-х гг.

В первом тропическом рейсе. Остров Рауль (архипелаг Кермадек, юго-западная Пацифика), 1977 г.

Ю.И. Чернов, заведующий лабораторией структуры и динамики сообществ (позднее – синэкологии) Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН. 1989 г.

Село Большое Алексеевское в наши дни. Вверху – один из оставшихся довоенных домов, внизу – река Северка.

РСФСР
МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

Настоящий аттестат выдан Чернову Юрию Ивановичу,
родившемуся в д.р. Любаново Московской области 8 января 1934 года,
в том, что он, поступив в 1949 году в Мутескую среднюю школу № 1
г. Калининграда Митищинского района Московской области, окончила
полный курс этой школы и обнаружил при отличном поведении следующие
знания по предметам:

Русский язык <u>3(удовлетворительно)</u>	Всеобщая история <u>4(хорошо)</u>
Литература <u>4(хорошо)</u>	Конституция СССР <u>5(отлично)</u>
Алгебра <u>4(хорошо)</u>	География <u>4(хорошо)</u>
Геометрия <u>4(хорошо)</u>	Физика <u>4(хорошо)</u>
Тригонометрия <u>3(удовлетворительно)</u>	Астрономия <u>4(хорошо)</u>
Естествознание <u>5(отлично)</u>	Химия <u>4(хорошо)</u>
История СССР <u>4(хорошо)</u>	Иностранный язык <u>(немец) 3(удовлетворительно)</u>

Настоящий аттестат дает его владельцу право поступления в высшие
учебные заведения Союза ССР.

Директор школы С.С. Муромов

Выдан 25 июня 1953 г.

Заместитель директора
по учебной части

Р.Ф. Берина

г. Калининград
Московской области

Учителя:

М.Т. Кисель
В.М. Бородина
Е. Мухомедов
А. Карпов

№ 989727

Аттестат зрелости. Выдан Ю.И. Чернову 25 июня 1953 г. школой № 1 г. Калининграда, Московская область.

Чернов Ю. И.

сдал

государственные экзамены по следующим дисциплинам:

- 1. История КПСС — *отлично*
- 2. Химия неорганическая — *хорошо*
- 3. Зоология, ботаника, основы сельского хозяйства — *отл.*
- 4. Педагогика с методикой естествознания — *отлично*

[Handwritten signature]

Директор

[Handwritten signature]

Декан естественно-географического факультета

[Handwritten signature]

Секретарь факультета

[Handwritten signature]

1958 г.

Регистрационный №

8725

Приложение к диплому №

939325

**ВЫПИСКА
ИЗ ЗАЧЕТНОЙ ВЕДОМОСТИ
(без диплома недействительна)**

Зак. 577

Чернов Юрий Иванович

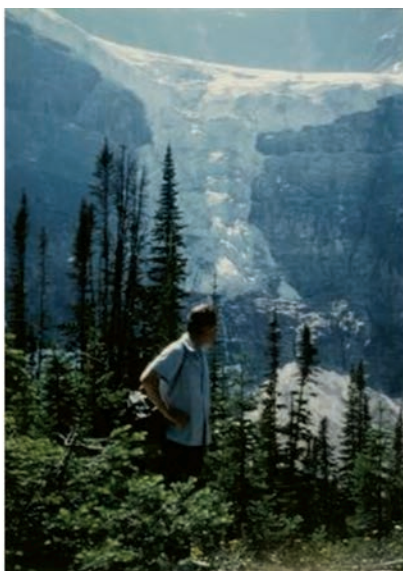
за время пребывания в Московском областном педагогическом институте имени Н. К. Крупской с *1 сем.*

по *1 июля* 1958 г. сдал

- 1. История КПСС — *отлично*
- 2. Политическая экономия — *хорошо*
- 3. Дialectический и исторический материализм — *отлично*
- 4. Психология — *хорошо*
- 5. Педагогика — *хорошо*
- 6. История педагогики — *хорошо*
- 7. Школьная гигиена — *хорошо*
- 8. Иностранная литература — *хорошо*
- 9. Физическое воспитание — *хорошо*
- 10. Физика — *хорошо*
- 11. Химия неорганическая — *хорошо*
- 12. Химия аналитическая — *хорошо*
- 13. Химия органическая и биологическая — *хорошо*
- 14. Основы физической и коллоидной химии — *хорошо*
- 15. Ботаника — *отлично*
- 16. Физиология растений с основами микробиологии — *отл.*
- 17. Зоология беспозвоночных — *отлично*

- 18. Зоология позвоночных — *отлично*
- 19. Анатомия человека — *хорошо*
- 20. Гистология с эмбриологией — *хорошо*
- 21. Физиология человека и животных — *хорошо*
- 22. Дарвинизм — *отлично*
- 23. Геология — *отлично*
- 24. Методика преподавания химии — *хорошо*
- 25. Методика преподавания естествознания и основ сельского хозяйства — *отлично*
- 26. Введение в мичуринскую биологию — *отлично*
- 27. Основы сельского хозяйства — *отлично*
- 28. Спецкурс — *хорошо*
- 29. Спецпрактикум — *хорошо*
- 30. Курсовые работы — *отлично*
- 31. Педагогическая практика — *отлично*
- 32. Специальная подготовка — *хорошо*
- 33. Основы химической технологии — *хорошо*
- 34. Механизация сельского хозяйства — *хорошо*
- 35. _____
- 36. _____
- 37. _____
- 38. _____

Выписка из зачетной ведомости выпускника Московского областного педагогического института им Н.К. Крупской, Ю.И. Чернова. Выдана 2 июля 1958 г.

Зарубежные поездки. Вверху слева – на 5-м Коллоквиуме по почвенной зоологии, Прага, Чехословакия, 1973 г.; вверху справа – Национальный парк Jasper, штат Альберта, Канада, 1989 г.; внизу слева – Скалистые горы, штат Колорадо, США, 1989 г.; внизу справа – остров Девон, Канадский арктический архипелаг, с Н.В. Матвеевой, 1989 г.

Зарубежные поездки. Вверху – Чехословакия, 1973 г., справа от Ю.И. Чернова – академик Меркурий Сергеевич Гиляров; в центре – у подножья вулкана St. Helens, штат Вашингтон, США, 1991 г., Ю.И. Чернов, Н.В. Матвеева, А.Б. Бабенко; внизу – остров Девон, Канадский арктический архипелаг, 1989 г., слева – Ю.И. Чернов, Н.В. Матвеева, L. Bliss, второй справа – S. Kojima.

Океанические рейсы. Вверху и в центре – юго-западная Пацифика, рейс 1976–1977 гг., праздник Нептуна; внизу – Сейшельские острова, рейс 1983–1984 гг., Г.А. Корганова, А.Б. Бабенко, Ю.И. Чернов, Е.Н. Иерусалимов.

Тропические экспедиции 1970–80 гг. – энтомолог везде с сачком.

Дачи семьи Черновых. Вверху – в Шаховском районе, внизу – под Бронницами, Московская область.

Внуки – Тимофей и Данила Черновы.

В своей лаборатории, 2000-е гг.

На заседаниях – экспертные комиссии, редколлегия, 2000-е гг.

Конференции, 1980-е, 1990-е. 2000-е гг.

Вверху – банкет в честь присуждения премии имени А.П. Карпинского, 1997 г.;
внизу – в лаборатории после присуждения звания академика РАН, 2003 г.

Ю.И. Чернов. «Букет», «Лесная опушка», холст, масло, 60-е гг.

Бутылки из «ящика водки», подаренного Юрию Ивановичу на 70-летие (2004 г.). Каждая из 12 бутылок соответствует одной из наиболее популярных статей юбиляра. На задней поверхности бутылок – резюме соответствующих статей. Вверху слева направо – «**Дневные бабочки**» (статья «Дневные бабочки (*Lepidoptera*, *Rhopalocera*) в фауне Арктики», 2006), «**Ботаническая**» («Таксономический состав арктической флоры и пути освоения цветковыми растениями среды тундровой зоны», 1983), «**Хищник**» («Кого больше в тундре – хищников или фитофагов?», 1992), «**Мухобой**» («Отряд двукрылых (*Insecta*, *Diptera*) в арктической фауне», 1995); внизу слева направо – «**Путь к успеху**» («*Why do Tipulomorpha (Diptera, Insecta) succeed in the arctic conditions?*», 1992), «**На уровне**» («Филогенетический уровень и географическое распределение таксонов», 1988), «**Ароматы тундры**» («Антофильные насекомые в подзоне типичных тундр Западного Таймыра и их роль в опылении растений», 1978), «**Семейная**» («Семейство жуков (*Coleoptera*, *Carabidae*) в арктической фауне», 2000).

День рождения Юрия Ивановича в лаборатории, 8 января 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н.В. Матвеева, О.Л. Макарова, И.Ю. Чернов.</i> Предисловие. «От факта – к явлению, от явления – к закономерности»	3
<i>Ю.И. Чернов.</i> Автобиография	9
Приложение	
<i>З.И. Москвичева.</i> О брате. Воспоминания сестры	100
<i>Н.В. Дудкина.</i> Черновы и мы. Воспоминания	109
<i>Ю.И. Чернов.</i> Ответная речь члена-корреспондента РАН, профессора Ю. И. Чернова при вручении премии им. А. П. Карпинского	123
<i>Ю.И. Чернов.</i> «Наука и демократия»	129
<i>Ю.И. Чернов.</i> Письма внуку Тиме	138
<i>О.Л. Макарова, А.Б. Бабенко, Л.Л. Случевская.</i> «К 80-летию со дня рождения академика Ю.И. Чернова»	150
Список основных научных публикаций академика Ю.И. Чернова	153

Юрий Иванович Чернов

ФОРМУЛА МОЕЙ ЖИЗНИ. АВТОБИОГРАФИЯ

Макет обложки: К.В. Макаров
Обработка фотографий: К.В. Макаров

М.: Товарищество научных изданий КМК. 2014. 205 с.
Отпечатано в ООО “Галлея-Принт”. Тираж 300 экз.